

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

А.А.ФРЕЙМАН

Хореомицеский

93414

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.А. ФРЕЙМАН

ХОРЕЗМИЙСКИЙ
ЯЗЫК

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1951

Ответственный редактор
С. П. ТОЛСТОВ

ОТ АВТОРА

Настоящий сборник является первой частью работы «Хорезмийский язык». В основе сборника лежат хорезмийские гlosсы сочинения «Қынйат ал-мунийа...» хорезмийского языковеда XIII в. Наджм ад-Дин Абу-р-Раджā . . . ал-Газмīnī.

Сохранившийся в этих гlosсах словарный материал (около 3000 слов) позволил издателю воссоздать систему этого языка XIII в., вскоре после этого вымершего, а также родственные связи этого языка с другими восточно-иранскими языками.

Помимо гlosс, в сборник включены четыре статьи, написанные автором в разное время (1937—1941) и появившиеся в печати в изданиях Института востоковедения АН СССР и Ленинградского Государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова в течение 1939—1948 гг. Статьи посвящены истории вопроса и исследованию отдельных грамматических категорий хорезмийского языка.

Первая из этих статей под заглавием «Хорезмийский язык» является предварительным сообщением, прочитанным в Институте востоковедения АН СССР осенью 1936 г. Помещение этой статьи в сборнике вызвано желанием отметить начало работы.

Остальные три статьи посвящены отдельным вопросам грамматических категорий хорезмийского языка и их сравнению с соответственными категориями другого среднеазиатского иранского языка — согдийского.

Статья, содержащая гlosсы из двух первых глав сочинения «Қынйат ал-мунийа», напечатанная в VI томе Советского востоковедения (1949), в сборнике отдельно не воспроизводится, так как материал указанной статьи почти без изменения включен в последнюю статью настоящего сборника, в которой содержатся гlosсы всех шести глав указанного выше сочинения.

Сборник заканчивается глоссами, их грамматическим и лексикографическим анализом.

Вторая часть работы «Хорезмийский язык» будет посвящена в основном исследованию хорезмийской лексики.

Книга подписывается к печати в дни, когда вся наша страна и все ее друзья за ее пределами отмечают знаменательную годовщину выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания», создавшего новый, сталинский, этап в развитии нашей науки.

В своей работе автор руководствовался положениями сталинского учения о языке. Рассматривая свое задание как лингвистическое исследование сравнительно-исторического характера, он старался устанавливать и показывать «внутренние законы развития» хорезмийского «языка». Автор полагает, что элементы хорезмийского языка были заложены еще в глубокой древности.

Открытия, сделанные товарищем Сталиным, касающиеся отношения языка к базису и надстройке, позволили автору спокойно выполнять свою задачу, твердо отличая лингвистическое исследование от культуроедческого, ибо «культура и язык — две разные вещи».¹

Автор считает, что сравнительно-историческая грамматика иранских и индо-иранских языков устанавливает наличие ираноязычных племен, а значит и хорезмийцев, в Средней Азии в первой половине второго тысячелетия до н. э. Он считает также, согласно сталинскому учению о языке, что исчезновение хорезмийского языка как нормы к XIV в. н. э. произошло не в результате стадиального взрыва, а путем постепенного вытеснения хорезмийского языка языком другого народа в хорошо известных исторических условиях.

Ленинград
Июнь 1951 г.

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкоznания, Госполитиздат, 1950, стр. 20.

ХОРЕЗМИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

Культурное строительство народов Советского Союза вызывает усиленный интерес к историческим проблемам, понимаемым в самом широком смысле этого слова. История народов, населяющих ныне территорию СССР, включает также исследование их культурных связей с зарубежными народами, начиная с самой глубокой древности.

История Средней Азии должна изучаться и изучается в широкой исторической перспективе. Культурные оазисы Средней Азии, как показали, например, раскопки в Анау, были очагами высоко развитой культуры в доисторическую эпоху. Культура Анау была одним из звеньев в цепи культурных очагов Передней Азии и Ирана, давность которых, по мнению компетентных специалистов, может быть прослежена до 4000 лет до н. э., а развитие ее в керамике продолжалось почти до современности.²

Одним из наиболее важных исторических документов являются языки, история языка и языков с их письменностями, памятниками языка, фольклором — вплоть до современных живых говоров. В языке отражаются и вскрываются исторические судьбы его носителей, их племенные и культурные связи в прошлом в самых причудливых, неожиданных для исследователя сплетениях. В истории науки известно много случаев, когда постулированные историей языка факты подтверждались впоследствии документами другого порядка. Поэтому вполне понятно то внимание, которое историческая наука уделяет языкоznанию, а с другой стороны ясно, что языковедческие занятия без исторической базы перестают быть наукой.

Многоязычно население Средней Азии. Оно относится преимущественно к двум языковым группам: тюркской и иранской. Вопросы изменения языковой карты, языковых взаимоотношений самым тесным образом связаны с историей народов Средней Азии. В настоящее время численно преобладают тюрко-язычные народы (узбеки, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки и др.). Некоторая часть ирано-язычных народностей Средней Азии становилась постепенно «двуязычной» с таджикским и узбекским

¹ Сообщение, прочитанное в Институте востоковедения Академии Наук СССР в 1936 г. Печатается с некоторыми изменениями. См. Зап. Инст. востоков. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 306—319.

² Раскопки лауреата Сталинской премии А. П. Окладникова обнаружили в южной части Узбекистана культуру неандертальского человека. Это свидетельствует о давности истории культуры народов Средней Азии.

языками (таково, например, население Самарканда). Этот процесс постепенного распространения тюркских языков за счет иранских действовал по тем же причинам и раньше, в течение многих веков. Аналогичные процессы параллельно с вышеуказанным действовали и внутри иранской группы, где таджикский язык практически внедрялся в среду местного населения, говорившего на восточно-иранских языках.

Если древнейшие памятники материальной культуры народов Средней Азии относятся ко временам за несколько тысячелетий до н. э., то значительно хуже здесь положение в отношении письменных документов на языках народов Средней Азии. Они значительно моложе и относятся в основном к первой четверти VIII в. н. э. Это — открытые в 1933 г. в Таджикистане, на горе Муг, на левом берегу Зеравшана, остатки архива согдийского Тархуна-Дёвальтика, написанные согдийско-буддийским курсивом на согдийском языке.¹ Открытие этих документов в развалинах здания вместе с памятниками материальной культуры *in situ* в обстановке, о которой говорят арабские нарративные источники (Табари), не оставляет места сомнению в подлинности этих документов, в точности их датировки, в том, что язык этих документов — язык согдийский. Эти документы дали возможность подтвердить правильность высказанного ранее другими взглядами (на основании согдийских календарных названий у Бируни), что подобные документы, добываясь в начале этого столетия в Синь-Цзяне, написаны на согдийском же языке, на котором, повидимому, говорило население согдийских торговых колоний в Китае. Поскольку среди этих документов оказалось несколько писем, которые должны быть датированы на несколько столетий раньше остальных документов (относящихся к VIII в.), то *terminus à quo* согдийских документов, происходящих не из Средней Азии, но написанных на согдийском языке, одном из языков Средней Азии, может быть отодвинут на несколько веков назад, к первым векам нашей эры.² Найденный в 1936 г. в старом Мерве обломок сосуда (хума) с согдийской надписью на нем, относящейся приблизительно к тому же времени, что и большинство других согдийских документов, т. е. к VIII в., имеет значение как показатель распространения согдийского языка в то время, но не углубляет наших знаний по истории его. Значительно большее значение имеют найденные во время раскопок в Нисе (М. Е. Массона) надписи с письменами, характер которых близок к письменам текста авроманского пергамента. Мы имеем в этих надписях (они должны быть, по всем данным, отнесены ко времени около начала нашей эры) образцы парфянского письма. К сожалению, эти надписи мало увеличивают пока наши познания в парфянском языке, но имеют большое значение как свидетельство существования парфянской культуры в южном Туркменистане.

Таким образом, наука, даже учитывая древне-хорезмийские документы, найденные в раскопках С. П. Толстова, не обладает пока подлинными пись-

¹ См.: Согдийский сборник. Академия Наук СССР, Л., 1934.

² Как ныне выясняется, к началу IV в. н. э.

менными документами на языках Средней Азии, которые были бы древнее начала нашей эры. К счастью, историческая наука, историческое языкознание обладают рядом данных, которые позволяют судить с достаточной точностью об этнолого-лингвистической карте Средней Азии и ее изменениях за столетия до нашей эры. К этим данным относятся: древне-персидские надписи Ахеменидов и Авеста, сравнительная и историческая грамматика иранских, индо-иранских языков, свидетельства историков и языковые свидетельства: ассирио-аввилонские, греческие, латинские, армянские, китайские.

Ахеменидские надписи, Авеста и греческие историки дают нам представление о провинциях (землях), народностях Средней Азии, об их материальной культуре. Сравнительная грамматика иранских и индо-иранских языков и свидетельства греков говорят о чрезвычайной близости древне-иранских языков; отношение их друг к другу было отношением говоров, они *διμούρλωττοι παρὰ μηδέν*.

Совокупность этих данных позволяет сказать, что мы ничего не знаем о языке населения, создавшего культуру Анау. Около начала II тысячелетия до нашей эры в Средней Азии начинают говорить на древне-иранских, мало отличавшихся друг от друга говорах. Основные народности ее: в западной части (нижнее течение Аму-дарьи) — хорезмийцы (др.-перс. *hūrāgānīya*), к востоку от них (Самарканд, течение Зеравшана и прилегающие области) — согдийцы (*suguda σόύδοι*), далее к востоку и к северу — саки (*saka σκύθαι*). К IV—III вв. до н. э. в истории иранских языков кончается стадия развития, характеризуемая богатой флексией, и начинается или продолжается распад последней, упрощение, постепенное усиление аналитических элементов — стадия развития, которую принято называть средне-иранской. Интенсивность развития этих процессов различна по языкам: наиболее сильна она в языке персидском, менее сильна в языках Средней и Центральной Азии, где в согдийском и сакском (хотанском) языках еще в VIII в. н. э. отмечаются, в противоположность персидскому, остатки нескольких падежей.

К началу нашей эры, как следствие недостаточно еще выясненных событий в Центральной Азии, начинается из глубин ее, от границ Китая, движение народов, которое затронуло Среднюю Азию и Иран. Оно привело к обоснованию по верхнему течению Аму-дарьи тохаров, от имени которых названа и страна Токаристан. За ними пошли хефталиты и, наконец, тюрки, тормозившие в VIII в. продвижение и упрочение власти арабов над Средней Азией, поддерживая или обещая поддержку враждебным арабам элементам из среды согдийцев. Начиная с VIII в., мы видим в Средней Азии относительно быстрое продвижение, после потери персами политической независимости, таджикского языка, таджикских говоров и постепенное вытеснение ими восточно-иранских языков.

Набросанная только что схема изменения этнолого-лингвистической карты Средней Азии относится в полной мере и к Хорезму, к языку его населения.

Раскопки лауреата Сталинской премии проф. С. П. Толстова вскрыли самобытную древне-хорезмийскую культуру с памятниками древне-хорезмийской письменности, относящимися, по мнению ученого, к III в. н. э. Эти документы имеют чрезвычайно важное значение, поскольку самыми старыми памятниками хорезмийского языка служили до сих пор названия дней, месяцев, праздников, некоторых созвездий в написанном на арабском языке сочинении (Хронологии) хорезмийца Бируни. Эти термины свидетельствуют о хорезмийском языке X в.

Хорезмийские фразы имелись в одном сочинении по Фикху (автор — ат-Тарджуман¹). Сочинение написано в первой половине XII в.² В главах этого сочинения, посвященных браку, разводу, клятве и т. п., оказались формулы на хорезмийском языке, но без перевода. Это сочинение имеется в нескольких новых и неисправных рукописях в стамбульских библиотеках. Новые данные по хорезмийскому языку, о которых речь ниже, дают возможность удовлетворительно установить в значительной части текст и перевести его. В журнале «Islamica» за 1927 г. приведены также по одной стамбульской рукописи около 40 слов (13 фраз) на хорезмийском языке из словаря Замахшари.

В 1936 г. в Институт востоковедения была прислана из Астрахани С. А. Алимовым, вместе с другими рукописями, рукопись XIV в. — сочинение хорезмийского законоведа («Кыннат ал-муний...» ‘Приобретение желанного...’) XIII в. Наджм ад-Дин Абу-р-Раджā Мухтāр аз-Зāхидā ал-Газmīnī. Описание этой и некоторых других рукописей этого сочинения и словаря, о котором речь идет ниже, дано С. Л. Волиным в указанной выше статье. Это сочинение является собранием фетв по главам: о браке, разводе, клятве и т. д. В сочинении большое количество хорезмийских фраз и отдельных слов (всего около 3000 слов). Здесь имеются формулы развода, брака, клятвы и т. д., отдельные слова и названия предметов и даже небольшие диалоги. Обильная огласовка значительно помогает установлению надлежащего чтения хорезмийских слов. Особенную ценность присланной рукописи составляет пришитая позже к ней тетрадь в 22 листа, написанная другим почерком и заключающая три сочинения Джелāл ал-Йmādī, в том числе словарь: объяснение слов, приведенных по-хорезмийски в только что названной книге. Последняя рукопись написана в XIV в. с автографа. После каждой хорезмийской фразы дан ее перевод на арабский или таджикский язык.

Такое количество хорезмийских слов (довольно большое их число, правда, повторяется), притом приведенных в контексте фразами, с огласовками, дает возможность уже составить известную картину хорезмийского языка. Данное сочинение (XIII в., рукописи XIV в.) заставляет сделать важный для иранского языкознания и истории Средней Азии вывод, что в XIII—XIV вв., несмотря на отюреение, в Хорезме еще не вымер

¹ Islamica, III, 1927, стр. 190—213.

² См.: С. Л. Волин. Новый источник для изучения хорезмийского языка. Зап. Инст. востоков. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 79—91.

хорезмийский язык. Это обстоятельство позволяет по аналогии предположить, что в это время и соседний согдийский язык не вымер еще в гористой Согдиане, где и по сегодняшний день продолжает бытовать один из ново-согдийских говоров — ягнобский. В настоящее время Институт востоковедения готовит издание арабского текста с русским переводом и исследование о хорезмийском языке. Уже теперь, в виде предварительного сообщения, могут быть указаны некоторые основные его черты.

Письмо

Упомянутые хорезмийские фразы в сочинениях на арабском языке написаны, конечно, арабским алфавитом. Бейхаки свидетельствует о наличии письменности в Хорезме в XI в. Открытия проф. С. П. Толстова отодвигают эту дату до III в. н. э. Алфавиты ирано-язычных народов Средней Азии и Ирана представляют собою развитие арамейских алфавитов. Арамейское письмо было в ахеменидскую эпоху деловым письмом, письмом делопроизводства, распространенным во всей Передней Азии. Древнейшим документом арамейского письма у ирано-язычных народов являются остатки надписи Артаксерса I (в Накш-и Рустем), обнаруженные Херцфельдом.¹

Начиная с ахеменидской эпохи, арамейские алфавиты утвердилисьочно в Средней Азии и Иране и бытовали там до арабского завоевания. Одна из разновидностей этих алфавитов, именно согдийский алфавит, вышла далеко за пределы Средней Азии на восток, дав начало через посредство уйгур монгольскому и манчжурскому алфавитам. Нам хорошо известны иранские алфавиты: средне-персидский (неправильно называемый обычно пехлевийским), парфянский, манихейский и согдийский, отныне (с открытия древне-хорезмийской культуры) также и хорезмийский, близкий к согдийскому, насколько можно пока судить по хорезмийским монетам.

Наши хорезмийские гlosсы написаны арабским алфавитом, специально приспособленным при помощи особых диакритических знаков — точек к хорезмийской фонетике. Некоторые из этих знаков идентичны с теми, которые употребляются в арабской графике при применении ее к таджикскому и персидскому языку, например: پ три точки внизу, شکب *pickab* 'стена'. Для некоторых других звуков, не имеющихся ни в арабском, ни в таджикском и персидском языках, применяется та же система, те же знаки, что и в других иранских (восточно-иранских) языках, в которых представлены те же звуки, например в афганском, где для с (*ts*) употребляется арабский خ, но с тремя точками наверху — خ (см. пример выше). Эти примеры, общие для разных языков, могут свидетельствовать о выработанной системе, имеющей свою традицию, широко распространенную среди ирано-язычных народов.

¹ См.: E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. 1938, стр. 12. — F. Altheim. Weltgeschichte Asiens, I, 37, 38, 137. — F. Altheim. Awestische Textgeschichte, 1949, стр. 8.

Тем не менее наличие большого количества разночтений в рукописях свидетельствует не только о небрежности переписчиков, но также и о колебаниях в употреблении графем, о некоторой неустойчивости в этом отношении самой традиции. Это естественно имеет отношение прежде всего к гласным, для выражения которых имеются в арабском алфавите *matres lectionis*: ل, و, ي и так называемые «харакаты» (т. е. надстрочные и подстрочные знаки для них). Так же как это мы наблюдаем в согдийском, здесь может быть отмечена большая неустойчивость в употреблении *matres lectionis*. Наличие ل, و, ي отнюдь еще не свидетельствует о долготе гласных. И, наоборот, долгие гласные могут быть выражены без *matres lectionis*; так, например, خوبام ذغل ‘хорошая моя дочь’ с ل (алифом) после ب отнюдь не имеет долгого гласного во втором слоге первого слова, как мы это знаем из истории иранских языков, иранских энклитических местоимений. Вторым моментом, затрудняющим определение хорезмийского вокализма по данным текста, является то обстоятельство, что последние, отражая живую речь, передают ее, в меру умения писцов, со всеми комбинаторными изменениями звуков. Таким образом, не всегда легко установить вокализм отдельных слов, но общая картина хорезмийского вокализма может быть выяснена и по данным текстам, конечно, при помощи исторической грамматики со всеми вытекающими из такого положения оговорками. Могут быть установлены следующие гласные фонемы: 5 долгих: ā, ī, ū, ū, ē и 3 кратких: a, i, u.¹ Вокализм хорезмийского языка, таким образом, подобен вокализму согдийского, персидского и других иранских (средне-иранских) языков.

Значительно легче, проще выяснить картину хорезмийского консонантизма, так как согласные графемы арабского алфавита, при всей их многозначимости, устойчивее надстрочных и подстрочных знаков для гласных. В хорезмийском языке существовали следующие согласные фонемы, неизвестные в арабском, для которых требовалось изобрести новые знаки, видоизменяя их посредством точек. Это — наличные также в таджикском и персидском языках r и č, которые передаются посредством арабских ب و ج, но не с одной, а с тремя точками внизу — ب و ج а также свойственные специально восточно-иранским языкам: губно-губное β и зубная аффриката c (последняя отсутствует лишь в согдийских говорах). Обе эти фонемы передаются в наших хорезмийских материалах соответственно через ف و غ с тремя точками сверху. Фонологическая функция этих графем как губно-губного спиранта и зубной аффрикаты определяется сравнением их с соответственными афганскими, где они выполняют ту же роль, а также историко-сравнительной фонетикой иранских языков. Фонема c в хорезмийском языке соответствует согдийскому č, с одной стороны, а с другой, — отражает, так же как в осетинском языке, в ряде

¹ К ним также, повидимому, можно отнести обозначенное в ряде случаев кесрой e краткое. (Приписка 1951 г.).

случаев глухой взрывной зубной *t* перед передними гласными *i, e*; например: *pīkamb* < **patiškambā* ‘стена’, согдийское *ptškb* и *aβāc* ‘путь будет’, древне-иранское *bavāti*. Последний переход *t > c*, сближающий хорезмийский язык с осетинским, является лишним подтверждением происхождения алано-асов из Хорезма. Одной из особенностей всех восточно-иранских языков, начиная с афганского и кончая осетинским, является исчезновение иранского придыхательного *h* после гласного: ср. ав. *xvāhayati* ‘бьет’, осет. *xuайуй*, согд. *γw'y*. Хорезмийский язык в этом отношении является исключением, сохраняя эту фонему в любом положении: **كَنَادْ دَهَا** ‘если я тебя ударю’ (*h* в середине слова между гласными), **پَرَاغْ هَافَاغْ كَهْ كَابِينْ** ‘путь будет разведенной та, на которой я женюсь’ (точнее ‘за которую я заплачу [букв. сделаю] калым’) (*h* в начале слова).

Согласные звуки хорезмийского языка могут быть установлены в следующем составе:

Задненёбные: *k, g, x, γ*.

Палатальные аффрикаты: *č, ĥ*; шипящая *š*.

Зубная аффриката *c*; свистящая *s*.

Соответственный звонкий *dz*, наличный в сакском и осетинском языках, не имел особенного графического выражения, но может быть обнаружен.

Зубные: *t, d, θ, δ, n*. Губно-зубной спирант *v*.

Губные: *b, p, f, β, m*. Сонанты: *y, r, l*.

Более подробное фонологическое описание исторических корреспонденций в хорезмийском языке будет дано в готовящемся исследовании.

Имя

Развитие флексии имен в хорезмийском языке не представляет никаких неожиданностей. Если осетинский язык, в окружении горских языков, отчасти уже на Кавказе выработал морфемы из своих же собственных языковых материалов (послелогов и т. д.), то хорезмийский язык пошел по тому пути общего обеднения и ослабления флексии, по которому пошли и другие средне- и ново-иранские языки с персидским во главе.

Показателей множественности можно отметить три. Один — *na*, восходящий к древнему родительному падежу множественного числа как результат наличия в средне-иранскую эпоху страдательного оборота в переходных глаголах, засвидетельствованный на известной стадии развития во всех почти иранских языках; другой — *c*, отражающий один из абстрактно-коллективных суффиксов, а именно *t*, отмеченный в этой функции и форме для осетинского и согдийско-ягнобского; и третий, идентичный с согдийским, — *ē*.

Таким образом, первый показатель множественности, восходящий к древне-иранскому родительному падежу множественного числа на *-ānāt*,

-inām, *-ināt*, заключает в себе согласный *n* с предшествующим гласным или без него в зависимости от конечного звука основы древне-иранского слова; например: **آمَا بِاسْنَدْخَ بِي سَدْ ذِينَارَنَ** ‘довольна ли ты мною за сто динаров’, **هَافِرْنَدْ بَا ذَغْدَامَ بِي سَدْ ذِينَارَنَ كَابِنَ** ‘я дал тебе мою дочь за 100 динаров махра’, **هَزارَ پِرَاشِنَ** ‘тысяча разводов’. Окончанием косвенного падежа ед. ч., восходящего к древнему родительному падежу, является *i* (*e?*); окончание падежа прямого объекта *-a*, *-i* восходит к *-at*. Имя, определенное препозитивным артиклем, часто сопровождается постпозитивным артиклем. Последний восходит к указательному местоимению, например: **حَاجَتْ زَادِكَوَىٰ مِنْ** ‘сделай нам необходимым этот сад’, **مَنَا اَكَ اِي فَاغَكَ نِي** ‘мы вырастили эту рабыню вместо (своего) ребенка’. Косвенный объект может выражаться показателем **ذَار**; например: **كَاهِيدْ رَاغِيَانَ**, **اِي نَاتَّامْ ذَار اَكَيْخَ** ‘если такому-то скажешь (сделаешь) это (слово)’, **شَغْلَانْ ذَار** ‘для работ, которые бывают вне города’.

Как и во всех других иранских языках: древне-иранских, средне- и ново-восточно-иранских, за исключением большинства западно-иранских, где имеется изофетная конструкция, требующая постановки определения после определяемого слова, в хорезмийском языке определение предшествует определяемому слову, например **خُوبَامْ ذَغْدَ** ‘хорошая моя дочь’.

Указательное местоимение мужского рода в хорезмийском языке **إِي** ‘этот’ и женского рода **يَا** ‘эта’ с ослабленной семантикой употребляется в функции определенного артикла. Помимо падежных окончаний синтаксические отношения слов выражаются рядом послелогов и предлогов: **فِي**, **بِ**, **عَلَى** и т. д.

Местоимение

Могут быть отмечены личные, указательные и относительные местоимения, историческое толкование которых не представляет особых затруднений и будет дано в специальном исследовании.

Местоимение 1-го лица: **أَرْ** ‘я’ — прямой падеж; **مِنْ** — **ما** — косвенный падеж.

Местоимение 2-го лица: **أَوْتَكْ** ‘ты’ — прямой падеж, **ثَالِثْ** — прямой объект; **دِي** — косвенный падеж; например: **پَارْذَنْ دِي** ‘я продал тебе этот баштан’.

Местоимение 3-го лица в косвенном падеже **هُى** ‘ему, ей; его, ее’. Относительное местоимение **كَ** ‘который’.

Количественные числительные **أَيُو** ‘один’, **ذَوْ** ‘два’, **أَخْسِلْ** ‘пятьдесят’, **هَزارَ** ‘сто’, **أَخْسِلْ سَلْ** ‘шестьсот’, **هَزارَ** ‘тысяча’ и др.

Глагол

Могут быть отмечены следующие формы глагола: настоящее время, прошедшее (от основы настоящего времени), будущее время, 2-е будущее, перфект, желательное наклонение, повелительное наклонение.

Окончание 1-го лица настоящего времени *-m*, как в других иранских языках. В прошедшем и желательном *-n*, как в осетинском. В желательном *-n* может отсутствовать. Окончание *-n* отражает *-ni* древне-иранского желательного наклонения; ср. др.-перс. *kunavāni* 'пусть я сделаю', осет. *къеноң* (желат. накл.), *кодтон* (пр. вр.).

Окончание 2-го лица настоящего времени *-i*, как в персидском, в прошедшем и желательном *-ix*, в котором конечное *x* исторически соответствует персидскому **بای** **حکایت** **یا** **شرط**; обе части окончания (*x* и *i*, ср. пер. *hē*) представляют отражение древнего optativ'a от глагола *ah* 'быть'.

Окончание 3-го лица настоящего времени и желательного наклонения *-c* восходит к *-t*, например **افخ** <*bavāti*; ср. согд. *γсу* 'есть'.

Окончание 1-го лица множественного числа *-tni*, *-tna*. Это окончание восходит, повидимому, к окончанию древне-иранского медиального причастия; подобное образование окончания 1-го л. мн. ч. может быть отмечено и для согдийского языка, например: *čwšw rty yh w'p'r'yt Zknumt' nywr L' βyrt 'st rtyšw nw ryr'yt*. Перевод в издании:¹ «was für Edelsteine (sind), die so vortrefflichen, die ein andres Mal nicht erlangt worden sind und die wir jetzt erlangt haben» — следует исправить на: 'что это за столь великолепные жемчуга, которые нами в другой (предыдущий) раз не получены, а которые теперь мы получаем'. *βyr'yt* есть 1-е л. мн. ч. с окончанием *-yt*, образованным по аналогии с медиальным причастием.

Во 2-м л. мн. ч. настоящего времени окончание *-bi*, восходящее к местоимению 2-го л., и в желательном — то же с прибавлением *x*, известного уже из форм единственного числа. В 3-м л. мн. ч. окончания на *-r* с различными огласовками. Эти окончания сближают хорезмийский язык с рядом других языков иранских и неиранских: с авестийским, ягнобским, сакским, латинским. Общий признак желательного наклонения — долгий гласный перед окончанием, как в таджикском и персидском, **ذ** 'пусть будет', также отражает древний показатель этого наклонения.

Будущее время образуется, как в согдийском языке, посредством присоединения частицы **مك** к настоящему времени. Перфект, так же как в согдийском, образуется посредством соединения глагола **لذ** 'иметь' с причастием прошедшего времени.

Прошедшее время с частицей **منجا**, восходящей к глаголу *tan* 'оставлять', образует второе будущее.

¹ H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

Примеры: أَجِيْوَ فَارِيْغَ مَا ‘согласна ли ты на это за динар’, буквально ‘приняла’. 1. فَارِيْغٌ — 2-е л. пр. вр. с окончанием -ix.

2. И она сказала: فَارِيْنٌ ‘я согласна’, буквально ‘приняла’ — 1-е л того же времени с окончанием -n.

3. از قَامِس بِاْجَازِبِن ‘я также пожелал тебя’ — 1-е л. пр. вр. глагола قَامِس с префиксом *рас-*, согд. *rēs*; *βās* ‘тебя’, *mis* ‘также’.

4. И сказал он: اقْلَرِ نَانِ ‘пусть будет так’. اقْلَرِ — 3-е л. мн. ч. желат. накл. от глагола *aβa-* ‘быть’, окончание -[ā]ri; نَانِ — указ. мест. в косв. п. в значении наречия.

5. هَافِرِنْ يَا ذَغَدَام بِي سَدِ ذِينَارَنْ كَابِنْ ‘я дал тебе мою дочь за 100 динаров махра’. *hāfrin* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от глагола *hafrar* ‘давать’, соответствует согд. *θfr*, ягноб. *tifar* с удлинением основного гласного, как в согдийском. ذَغَدَام ‘моя дочь’ с определенным артиклем لـ.

6. آهِي هَافِرِنْ ‘отдал ли ты ее’ — 2-е л. пр. вр. того же глагола.

7. امِيْه هَافِرِخ اِي زَرْدِ فِي نَكَامْ ‘имеешь ли ты склонность (букв. ‘сердце’) к браку со мною’, буквально ‘дала ли ты сердце’. Та же глагольная форма. زَرْدِ ‘сердце’ с определенным артиклем мужского рода.

8. فِي جَفْتَاوِكِ فِي حَلَّاُوكِ اهَافِرِخْ ‘отдал ли ты ее в состоянии дозволенности и способности к браку’ — та же глагольная форма. جَفْتَاوِكِ — персидское (جفت) и арабское (حلال) — слова с суффиксом абстрактности -āvak, соответствующим средне-перс. -ēvāy и осет. -euaq.

9. حَلَّال مِيْ بَارُوزَدْ ‘стала разрешенной мне’ — 3-е л. пр. вр. от глагола *vart* с префиксом и удлиненным гласным ā. مِيْ — косв. п. мест. 1-го л.

10. كَاهْ فَضُولِيكِ نَكَامْ اِكَافِيلَاتْ ‘если я женюсь на ней браком фузули, то (она разведена) трижды’. اِكَاهْ — 1-е л. желат.-усл. накл. с отпавшим n в конце слова. كَاهْ — союз *ka* и местоимение 3-го л. в косв. п. Три арабских слова: فَضُولِيكِ с суффиксом -ik, образующим прилагательное, نَكَامْ — *Nakam* и ثَلَاثْ.

11. اِفَاقِعْ كَامْ يَا نَانَام وَذِ اِفَاقِعْ ‘если будет такая-то женой для меня’. — 3-е л. ед. ч. желат.-усл. накл.; وَذِ ‘жена’, ср. согд. *wōsh*.

12. هَفْخَ دِي بَارُوزَدْ ‘дан тебе’. هَفْخَ — прич. пр. вр. от *hafrar* ‘давать’ с выпадением r перед согласным, как часто в хорезмийском (и в христианско-согдийском), и с переходом t > c.

13. فَانِيْجِنْ ‘я привязал’ — 1-е л. пр. вр. с удлинением основного гласного c из t. Глагол *βnd* ‘вязать’.

14. كَانَتْ ابُو غَوَّاغْ خَنَاهْ كَانَدْ شِي غَوَّارِي خَنَانْ 'если тебе нужен один развод, я съел, если нужны три развода, я съел'. شِي 'один' 'три', 3-е л. ед. ч. желат.-усл. накл. — غَوَّارِي — 'развод', от глагола غُو 'быть нужным', согд. *yw-* и осет. *изауун*. خَنَانْ — 1-е л. пр. вр. от глагола خُرْ 'есть'.

15. فَاجْفَسَ انْبَغَ بُوارِخِيْنْ 'я и моя супруга отделились друг от друга'. بُوارِخِيْنْ — 1-е л. мн. ч. пр. вр. с окончанием *-tan*; *vart* 'вращаться', с переходом *t > c* перед *i*. Префикс *ra < apa*; *vart* — перс. گردیدن.

16. سَكَنَدْ خَرْ خَازِنْ غَوَّاغْ 'поклянись какой хочешь клятвой' (букв. 'поклянись, как тебе нужно'). سَكَنَدْ خَرْ — перс. 3-е л. ед. ч. желат. накл.

17. دَامْ وَذَلَلْ مَا افَاقَ 'то да не будет мне жена дозволенной'. وَذَلَلْ — отрицание при желат. накл.: افَاقَ — 3-е л. желат. накл. от глаг. *aβa* 'быть'.

18. بِيزَارْ قَاءَ اكَّامْ بِا شِيكْ دَمِ چَكْ الْكَ 'я освобожу тебя (от маxра) за три, сделай мне документ'. اكَّامْ — 1-е л. ед. ч.част. вр. от глаг. *ikk- < kar* — перс. الْكَ — пов. накл. فين. п. лицн. мест. 2-го л., восходит к древне-иранскому *θvāt*.

19. بِيزَارْ قَاءَ مَكْنَنْ خَى حَقْ بِي سَكَنَدْ 'я освободил тебя от (моего) права клятвою'. مَكْنَنْ — пр. вр. от глаг. *ikk-*; حَقْ — оконч. 1-го л. Подобно согдийскому языку, глаголы с гласным в начале слова принимают *m*, восходящее к *mat*.

20. دَمَأَيْرْ سَكَنَدْ خَرْ أَخَاسِ 'так отпусти меня'. دَمَأَيْرْ — пов. накл., глагол восходит к древне-иранскому *hrz* = персидскому ما ; هشتن — вин. п. лицн. мест. 1-го л. в краткой форме; د — союз, вводящий независимое предложение, соответствует согдийскому *rty*, по смыслу здесь — перс. پس.

21. دَمَأَيْرْ سَكَنَدْ خَرْ مَاءِرْ 'поклянись надо мною'. دَمَأَيْرْ — винит. п. мест. 1-го л. с послелогом بِرْ.

22. شِيكْ قَاءَبْ خَرَامَكَامْ وَابَا خَرْ خَرَوْزْ 'я три развода съем над тобой или съедены'. خَرَامَكَامْ — буд. вр., об образовании которого уже сказано было выше; خَرْ — прич. пр. вр. — форма, этимологически соответствующая персидскому خورده.

23. كا پرپنام سکندر نې خريېنى دخى پرمك خر. ‘если ты не поклянешься о моей сопернице, то поклянись обо мне’. — 2-е л. желат. накл.

24. كا قېند نېيكەكم. ‘если ты не выйдешь замуж’ (букв. ‘если ты не сделаешь связи’). قېند — от *band*; نېيكەكم — буд. вр., 2-е л. от глаг. *ikk*.

25. يا غل كاسكام دى ذينار هفراكمام. ‘как только ты придешь, я дам тебе الدينار’. كاسكام — 2-е л. буд. вр. от глаг. *as* ‘приходить’. هفراكمام — 1-е л. буд. вр. от глаг. *ha�ar* ‘давать’.

26. Она сказала ему по-хорезмийски: اقاش يم پراخ ايو ‘разведена ли я от тебя одним разводом’. Он сказал: اما هزار باوير ‘напротив, тысячу раз’, и т. д.

Словарь

Хорезмийский словарь, как можно было убедиться даже на этих примерах, заключает в себе довольно большое число слов, заимствованных из таджикского, персидского и арабского языков; имеются заимствования и из тюркского языка (целые фразы). Эти заимствования не внешнего, литературного порядка, а прочно вошедшие в толщу языка, поскольку встречаются образования от этих слов с суффиксами. Такой характер словаря совершенно понятен, если учесть, что мусульманство, внесшее арабские и таджикские словарные элементы, господствовало в стране уже пять столетий. Тюркские языки в Хорезме вытесняли уже местные (население было уже к тому времени двуязычным) и вскоре вытеснили их окончательно. Окончательно ли? Нет ли в словаре местных говоров словарных остатков, элементов среднеазиатских восточно-иранских языков, так как они несомненно имеются в таджикских говорах? Ответ на этот вопрос должна дать диалектология узбекских говоров, изучение которых должно ити рука об руку с историей иранских языков. Изучение хорезмийского языка в нашей стране должно показать, наряду со всеми вначале отмеченными моментами, и пути сложения современных среднеазиатских языков, дать материал для истории народов братских республик СССР.

Настоящая статья имеет целью дать лишь краткое предварительное сообщение о новых важных материалах по истории одного из среднеазиатских языков, на базе которых советские востоковеды обязаны выполнить поставленные выше задачи.

Ленинград
Апрель 1937 г.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ХОРЕЗМИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Обнаружение арабского сочинения по Фикху хорезмийского законоведа XIII в., которое представляет собрание фетв о браке, разводе, клятве и т. д., с фразами на хорезмийском языке, в особенности же находка словаря к этим фразам, переводов на арабский, таджикский и персидский языки—всего около 3000 слов (из них некоторые, правда повторяются)²—дает возможность составить себе довольно отчетливую картину хорезмийского языка того времени, вскоре после этого вымершего окончательно. Само собою разумеется, что эта возможность представляется не на основании лишь одних хорезмийских фраз с их переводом. Историко-грамматическое осмысление хорезмийской грамматики становится возможным лишь благодаря сравнительно-исторической грамматике иранских языков, непременного учета исторического иранского языкоznания как единой науки. Это осмысление нуждается в привлечении не только фактов соседнего с хорезмийским согдийского языка, историческая судьба которого подобна хорезмийскому, но также и отдаленных по времени и месту иранских языков, составляющих единую систему: древне-иранских, осетинского, памирских и др. Настоящая статья, будучи посвящена образованию прошедшего времени в хорезмийском языке, служит иллюстрацией сказанного выше.³

Парадигма прошедшего времени⁴

Единственное число

1-е л.	ما فرین	<i>hāβrin</i>	‘я дал’
	فاريں	<i>βārīn</i>	‘я нашел, получил’
	پاخغازين	<i>pāxgazīn</i>	‘я принял’

¹ Статья напечатана в сборнике «Учен. зап. ЛГУ», № 60, 1940 г. Печатается здесь без изменений.

² См.: Зац. Инст. востоков. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 79—91, 306—319; также W. Hennig, ZDMG, т. 90, стр. *30—*36, где даны предварительные сведения о хорезмийском языке на основании этого памятника.

³ Очень большое значение, разумеется, будет иметь в этом отношении дешифровка древне-хорезмийских документов, обнаруженных в 1948—1949 гг. проф. С. П. Толстовым во время и на месте его раскопок в Хорезме. (Приписка 1950 г.).

⁴ Применяемая здесь система знаков—обычная в иранистической науке и не требует пояснений.

كاشين	<i>kācīn</i>	'я бросил, дал'
خارنا	<i>xārīnā</i>	'я отступил, ушел'
فانشين	<i>βāncīn</i>	'я привязал'
فاخيند	<i>βāxīndi</i>	'я подарил тебе'
فاختناق	<i>βāxxīnaβ</i>	'я подарил тебе'
مِكْنِ	<i>mikkīn</i>	'я сделал' (тебя?)
مِكْنِند	<i>mikkīndi</i>	'я сделал тебе'
مَكْنَاه	<i>mikkīnāh</i>	'я сделал его'
مَكْنِيْنَاخ	<i>mikkīnīnāc</i>	'я сделал его'
خرин	<i>xurīn</i>	'я съел'
دهناد	<i>dihinādi</i>	'я бил тебя'
مِيْنِ	<i>miyīn^a</i>	'я был'
پاروزین	<i>pārvuzīn^a</i>	'я стал'
پارذن	<i>pāraðīn</i>	'я продал'
ماسن	<i>māsīn^a</i>	'я взял'
مخايسين	<i>muixxāsīn</i>	'я отпустил'
مخاسناء	<i>muixxāsīnāhī</i>	'я отпустил ее'
پارين	<i>pārin</i>	'я оставил'
مسپامبنا	<i>muṣpāmīna</i>	'я вообразил'
ذارينامين	<i>ðārināminna</i>	'я имела (это?)'
غافيين	<i>γāθyīn^a</i>	'я счел'
انبيرسين	<i>anbirsīn</i>	'я удовлетворился'
قاربخ	<i>βārīx</i>	'ты нашла, получила'
پاسنرخ	<i>pāsindīx</i>	'ты одобрила'
هافربخ	<i>hāþrīx</i>	'ты дал(а)'
وازبخ	<i>vāzīx</i>	'ты вышел'
مي	<i>miyī</i>	'ты была'
پېنیغ	<i>pēnīx^a</i>	'ты удалил(а)'
پارذخ	<i>pāraðīx</i>	'ты продал'
نيق	<i>nēþþā</i>	'ты не был(а)'

بَاوَارِيخْ	<i>yāvārīx</i>	'ты узнал(а)'	
مَكَّيْخْ	<i>mikkīx</i>	'ты сделал'	
3-е л.	هَاوِرَدْ	<i>hāβird^a</i>	'он дал'
بَارُوزْدْ	<i>pārvuzd^a</i>	'он стал, превратился'	
مَخَاستْ	<i>muxxāst</i>	'он устал'	
مَيْتْ	<i>miyitta</i>	'он был'	
مَكِيدْ	<i>mikkid</i>	'он сделал'	
مَقْبِيلْ	<i>tafibid</i>	'он был'	
مَنْغَنِدْ	<i>manγnundad</i>	'он надел, бросил на'	
پَاخَنْدَرْ	<i>pāckand</i>	'он уплатил, удовлетворил'	
مَنْفَسْتْ	<i>manyast</i>	'дошло, поднялось'	
وَسْ	<i>vussa</i>	'она сказала'	
بَيْسِيرْ	<i>nibēsid</i>	'он написал'	
وَاسِيدْ	<i>vāsiid</i>	'она провозгласила'	
مَيْزِيدْ	<i>tez̄id</i>	'помочилось'	
مَرْغَنْدْ	<i>marγnund</i>	'он обратился к..., позвал'	
بَارُوكْسِيدْ	<i>pārvuccid</i>	'он крутил'	
خُردْ	<i>xurd</i>	'он выпил'	
رُوبِيدْ	<i>rūbidid</i>	'похитил(а)'	
بَسَّاوِيدْ	<i>pissāvid</i>	'он молол'	

Множественное число

1-е л.	بُوارْجِمَنْ	<i>pavārcimmanī</i>	'мы отделились'
	وَاحِيَامَنْ	<i>vāxxiyāmna</i>	'мы вырастили'
	نِيشَامَنْ	<i>niθāmna</i>	'мы сели'
	مَكَامَنْ	<i>mikkāmna</i>	'мы сделали'
	خَفَامَنَانْ	<i>xifāmnanā</i>	'мы взяли их'
	بَارُوزَامَينْ	<i>pārvuzāmini</i>	'мы стали'
3-е л.	مَخَيارْ	<i>maxxiyār</i>	'они заплакали'
	مَكَارْ	<i>mikkār</i>	'они сделали'

Как можно усмотреть из вышеприведенной парадигмы, простое прошедшее время в хорезмийском языке образуется, подобно соседнему согдийскому языку, от основы настоящего времени, а не от причастия прошедшего времени, как в других средне- и ново-иранских языках.

Историческое развитие спряжения прошедшего времени в хорезмийском языке представляет ряд явлений, известных в отдельности по ряду других иранских языков. Они отражают материальные возможности, унаследованные от древности, изменяясь соответственно новым условиям.

Окончание 1-го л. ед. ч. *-iñ* представляет отражение древнего optativ'a с его признаком *i* и окончанием *-n* и формально соответствует осетинскому optativ'у; напр. *кæнин* 'я сделал бы'. Модальная функция optativ'a еще в древнее время, в Авесте, превращалась во временную, выражая сначала возможность совершения действия, итеративность: *raoiryāt dərəgāt dərəgāēta ašiš* 'первой жалобой жалуется (жаловалась) Аши' (Yt, 17, 57). Модально > временное значение optativ'a представлено и в согдийском языке: *ywṛ'yt* 'они ели' (VJ, 973). В ягнобском языке гласный *i* optativ'a служит, как в хорезмийском, для образования претеритальной формы: *akunīt* 'я сделал'. Персидское *yāi hikāyat*, присоединяясь к форме прошедшего времени, образует прошедшее итеративное: *pursīdāti* 'я спрашивал'. *Yāi hikāyat* — *i* отражает optativ существительного глагола и восходит к **haim*, **haih*, **hait*, ср. перс. *hē*.

К этой же форме **haih*, 2-му л. optativ'a, восходит и окончание 2-го л. ед. ч. *-x* в хорезмийском языке, присоединенное к унаследованному окончанию 2-го л. *-i*. Таким образом, этот признак optativ'a отличает в хорезмийском языке окончание 2-го л. ед. ч. пр. вр. от настоящего: в настоящем *-i*, в прошедшем, как указано в парадигме, *-ix*. Исключение составляют глаголы 'быть, бывать' с засвидетельствованными формами 2-го л. без *x*: *miyi* 'ты была' и *nēβ̥a* 'ты не был(a)'. *Miyi* восходит к глаголу *√ah-*, *nēβ̥a* — к форме *na abavah*.

Окончание 3-го л. ед. ч. *-d* и (после глухих) *-t* отражает древнее окончание 3-го л. ед. ч. *-t*.

Окончания 1-го л. мн. ч. *-tna*, *-tn'i* (первое — активного залога, второе — медиального?) отражают, повидимому, окончание древнего медиального причастия. В качестве окончания 1-го л. мн. ч. оно известно из сакского языка: *hätātane*. Это окончание может быть показано и для согдийского языка, хотя и не отмечено в согдийской грамматике Benveniste'a: *þyr'utn* 'мы получили'.¹ Такого же происхождения окончания 2-го л. мн. ч. verba deponentia passiva в латинском яз.: *proficisciunti* 'вы отправляетесь'.

3-е л. мн. ч. оканчивалось на *-ār*. Это — унаследованное от древности окончание, известное также из авестийского и сакского языка (а из не-

¹ H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

иранских: из латинского и псевдо-«стохарского»), сохранилось по нынешний день в ягнобском *-ōr*: *akunōr* ‘они сделали’.

Из 44 представленных в парадигме глагольных основ прошедшего времени 19 имеют в первом слоге *ā*, 12 — в анлауте *m-* (в том числе одна имеет в то же время *ā* в первом слоге) и 13 не обладают указанными признаками. Очевидно, что оба признака, *ā* в первом слоге и *m-* в анлауте, должны быть определены как признаки образования основы прошедшего времени двух групп, качественно отличающихся друг от друга. Сравнение с согдийским языком позволяет легко заметить, что *ā* основы пр. вр. должно чередоваться с *a* в основе наст. вр. (напр. *yāvar* || *yavar*) и что *ā* представляет собою отражение аугмента (первоначально ставившегося между приставкой и глаголом) в глаголах с приставками.¹ Чередование, встречавшееся первоначально лишь в глаголах с приставками (так в согдийском, — в этом случае *ā* может чередоваться и с другим гласным: *hābr* || *hiðr*), распространилось в хорезмийском и на другие глаголы, имеющие в первом слоге *a*. Согдийские примеры:

ϑbr- || *ϑ̄br-* ‘давать’, *'psp-* || *p'spy-* ‘отбрасывать’, *pryc-* || *p'rycs-* ‘оставлять’, *wyz-* || *w'yz-* ‘спускаться’, *wyr-* || *w'yr-* ‘откидывать’, *wpt-* || *w'pt-* ‘падать’, *wsty-* || *w'sty-* ‘класть, ставить’, *wzyd-* || *w'zyd-* ‘спускаться’.

В хорезмийском же языке это чередование распространилось и на коренные гласные, что легко видеть на ряде приведенных глаголов. Так, *hābrin* ‘я дал’ имеет в наст. вр. основу *hiðr*, соответствует согдийскому *ϑbr*, др.-ир. **ati-bara*; чередование *ā* || *i* в приставке.

βārin ‘я нашел, получил’ — каузатив к *bar* ‘нести’ (соответственная согд. параллель *ϑyr*), имеет уже в основе наст. вр. *ā*; чередование отсутствует, точнее *ā* || *ā*.

rācūgzin ‘я принял’ — глагол с приставкой *rac-* <*pati*> — удлинение в приставке; *racūg-* || *rācūg*; *a* || *ā*.

kācin ‘я бросил, дал’ — каузатив к др.-ир. **kaft* ‘падать’ с выпадением спираанта в группе согласных, как в ряде других ново-иранских языков, и переходом *t* перед *i* в *c*, как в осетинском языке. Случай такой же, как в глаголе *βārin* — чередование отсутствует *ā* || *ā*.

xārinā ‘я отступил, ушел’ — согд. *yr* ‘итти’, удлинение коренного гласного, чередование *ā* || *ā*.

βāncin ‘я привязал’, согд. *βnt* < др.-ир. **band*; удлинение коренного гласного, чередование *a* || *ā*.

βāxxin ‘я подарил’ < др.-ир. **baxš* — то же, что в двух предыдущих глаголах.

rārvuzin ‘я стал’ — 3-е л. ед. ч. *rārvuzd^a* (употребляется в качестве вспомогательного глагола при образовании нового, вторичного *passiv'a*) — др.-ир. **paravart-*, согд. *prw'st* (VJ, 1107) — в том же значении, с па-

¹ На аугмент в согдийском обратил внимание Н. Reichelt в статье «Beiträge zur sogdiischen Grammatik» (в сборнике: «Studia Indo-Iranica», Leipzig, 1931, стр. 248—255). Согдийские примеры приведены из статьи Рейхельта.

дением *r* в группе согласных <*pr̥w'rst*¹ (ср. выше *kācīn*); удлинение гласного *a* префикса.

pāgadīn 'я продал', согд. *pr̥'dīt*; удлинение гласного *a* префикса.

pārin 'я оставил' < др.-ир. **par*; удлинение коренного гласного *a*.

dārin 'я имел(а)', согд. *d'rī*, др.-ир. **dār-*. Основа пр. вр. = основе наст. вр. Тот же случай, что в глаголе *βārin*.

γāβyin 'я счел', согд. *γr̥β*, др.-ир. **gr̥by*; удлинение коренного гласного.

pāsindīx 'ты одобрил(а)', согд. *pts'ynt* < др.-ир. **patisand-*; удлинение гласного *a* префикса.

vāzīx 'ты вышел' < др.-ир. **vaz*; удлинение коренного гласного.

yāvārīx 'ты узнал(а)'; то же лицо в наст. вр. *yavārī* 'ты знаешь'; удлинение коренного гласного.

pāckand 'уплатил, удовлетворил' < др.-ир. **pati- kan-*; удлинение гласного *a* префикса.

vāsīd 'проводила', согд. *w's*, осет. *yasun* 'кричать'; совпадение долгого гласного в обеих основах.

pārvuccid 'крутил' < др.-ир. **pari- vart*; удлинение гласного *a* префикса.

vāxxiūātta 'мы вырастили' < др.-ир. *vaxš-*. Удлинение коренного гласного *a* в хорезмийском для образования основы прошедшего времени или отражение старого удлинения при образовании каузатива < др.-ир. **vāxšay-*. Ввиду наличия *u* в хорезмийском глаголе, более вероятна вторая причина: *vāxxiy-* < **vāxšay-*.

Итак, из числа приведенных выше 19 глаголов, образовывавших основу прошедшего времени посредством подъема гласного первого слога в *ā* (в том числе 4—5 глаголов, уже имевших в основе наст. вр. *ā*), имеется 7 глаголов с префиксами и 12 без префиксов.

Ко второй группе относятся глаголы, начинающиеся в пр. вр. с *t-*. Уже одно процентное отношение этих глаголов к другим (11 из 43) показывает, что *t-* является формантом прошедшего времени, присоединявшимся к глаголам с определенным признаком. Из числа представленных здесь 12 глаголов с *t-* в анлауте следует исключить *tēzīd* 'помочилось' — глагол с коренным *t* < др.-ир. **tāeza-*.

Общим признаком корней основ настоящего времени остальных одиннадцати глаголов является гласность их анлаута к моменту образования этого форманта. Поэтому необходимым условием выяснения генезиса этого форманта является история, этимология слов, в которых он засвидетельствован. К этим одиннадцати глаголам следует присоединить также и соответственные согдийские глаголы с анлаутом *t-* в пр. вр., удовлетворительное объяснение которых не достигнуто ни в согдийской грамматике, ни в указанной статье Рейхельта.

mikkin 'я сделал'. Основа наст. вр. этого глагола в хорезмийском языке *ikk*; 1-е л. *ikkāt*, где два *k* < *kr*; *i* — протетический гласный, ср. согд.

¹ E. Benveniste. Essai de Grammaire Sogdienne, 2-me partie. Paris, 1929, стр. 22. — C. Salemann. Manichaica, V, Petersburg, 1913, стр. 1128.

kr- < 'krt, ср. ягноб. *ikta* < др.-ир. *✓kar-*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

tiyin^a ‘я был’. Основа наст. вр. *iy-*; 1-е л. *iyāt*; 2-е л. *iyahi*; 3-е л. *iyat*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

tāsin ‘я взял’, согд. *’s-* ‘брать’; анлаут основы наст. вр. — гласный.

tuxxāsīn ‘я отпустил’. Основа наст. вр. *ixxāsiy*, пов. накл. *ixxāsiyat* ‘отпусти меня’ < др.-ир. **us- hrz-*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

tusrātīn^a ‘я вообразил’. Основа наст. вр. *s"rātiy*, пов. накл. *s"rātiya* ‘думай’ < др.-ир. **us- pati- tby-*; анлаут основы наст. вр. — гласный.

tuxxāst ‘устал’, ср. осет. *xuāyūn*, *xuast* ‘быть’, ср. перс. *x^ast*, авест. *hvāhayati*. Основа наст. вр. *"xvāh*; анлаут — гласный.

taþid ‘был’; основа наст. вр. *aþ*, ср. согд. *'þ* ‘был’, где *a*, как показывает хорезмийская форма, не было аугментом, вопреки грамматике Benveniste'a (стр. 45) и статье Рейхельта, а протетическим гласным; анлаут основы наст. вр. — гласный.

manyundad ‘надел’, ‘накинул’, ср. согд.-христ. *m'uwnt* ‘покрыл’, согд. *nwnt* ‘надел’ и т. д. Основа наст. вр. *anyund*; анлаут — гласный.

manyast ‘дошло, поднялось’, ср. согд. *'nyz* ‘подниматься’; пр. вр. 3-е л. ед. ч. — *tnyz*. (VJ, 91, 105), 3-е л. мн. ч. *tnyz'nt*; основа наст. вр. — *anyaz*; анлаут — гласный.

maryund ‘обратился к ..., позвал’, ср. осет. *unærizun* ‘звукать, становить, вопить’; основа наст. вр. *aγyin-*, осет. *unæriz*, ср. согд. *wnyug* ‘голос’, осет. *umər* ‘гул’; анлаут — гласный.

taxxiyār ‘заплакали’; основа наст. вр. *axxiy*, др.-ир. **grz* с обычным оглушением звонкого, ассимиляцией и выпадением согласного в группе, ср. ново-перс. *giry*; анлаут — гласный.

К приведенным выше одиннадцати *m*-претеритам могут быть присоединены еще следующие согдийские, не засвидетельствованные в хорезмийском.

'ns"čt ‘он соединяет’, согд.-христ. *mnš'čnd* — 3-е л. мн. ч. пр. вр.

'nč'y ‘переставать’, ср. осет. *ənčtaiyun* — то же, пр. вр. 3-е л. ед. ч. — *tnč'y* (VJ, 374, 436).

'nkr'yp ‘подниматься’; 3-е л. ед. ч. пр. вр. — *tnkr'yp* (VJ, 1000).

'npt ‘падать’; 3-е л. ед. ч. пр. вр. — *tnpt*.

'nš't'y ‘указывать’; 3-е л. ед. ч. пр. вр. — *tnš't'y*.

Чередование основ настоящего и прошедшего времен выше приведенных 16 глаголов сводится, таким образом, к чередованию анлаута: гласный || *m* + гласный. Это чередование позволяет вывести следующее правило — закон образования основы прошедшего времени этой группы глаголов: глаголы с гласным анлаутом образуют в согдийском и хорезмийском языках основу прошедшего времени посредством присоединения в начале слова форманта *m*. Природа этого форманта должна была заключаться в его модально-временной значимости. Такой семантикой обладало авест. наречие

mat, др.-инд. *smať* со значением ‘всегда, постоянно’. Авест. *mat* и должно было отразиться в хорезмийском и согдийском языках в положении перед гласным как *m-*.

Остальные 13 глаголов нашего списка не изменяют в прошедшем времени основы; соответственные личные формы дифференцируются лишь окончаниями. Эти глаголы не вошли в две первые группы, они: 1) не имеют в первом слоге гласного (или *r sonans*), 2) не начинаются префиксом и 3) не начинаются гласным. Под эту отрицательную характеристику легко подойдут глаголы:

xurin ‘я съел’ < др.-ир. **x^har* с гласным *u* в первом слоге и согласным *x* в анлауте.

dihin ‘я был’ — глагол, широко распространенный в современных живых иранских языках, вероятно, восходящий к индо-ир. *Vdha* ‘класть, ставить’; в восточно-иранских языках, отражающих древне-иранское начальное *d* междузубным спирантом, наличие этого глагола с начальным *d* может быть объяснено заимствованием; глагол с гласным *i* в первом слоге и согласным анлаутом.

pēnīx^a ‘ты удалила’ < др.-ир. **ara-nay*; гласный *ē* в первом слоге и согласный анлаут.

nēb̥a ‘ты не был(а)’ < *nē + aβ* в одном сочетании; гласный *ē* в первом слоге и согласный анлаут.

vussa ‘(она) сказала’, ср. согд. *γbst || γwβ?*; гласный *u* в первом слоге и согласный анлаут.

nibēsīd ‘написал’ — хорошо известный иранский глагол, представляет, вероятно, заимствование из таджикского языка. Гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

tēgīd ‘помочилось’ < др.-ир. *taēga*; гласный *ē* в первом слоге и согласный анлаут.

rūbīdīd ‘похитил(а)’ — вероятное заимствование из таджикского языка; гласный *u* в первом слоге и согласный анлаут.

nīfātta ‘мы сели’, согд. *nuð*; гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

xifātta ‘мы взяли’ < др.-ир. **gr^hb* < согд. *γrβ* с оглушением первого согласного, ср. *γābūin* ‘я счел’ — тот же глагол с сохранением звонкости *γ* в переносном значении; гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

pissāvīd ‘молол’; гласный *i* в первом слоге и согласный анлаут.

Оставшиеся два глагола: *pavārcimtani* ‘мы отделились’ и *anbīrsīn* ‘я удовлетворился’ представляют как бы исключение из общего правила. Первый глагол < др.-ир. **ara-var-* имеет удлинение гласного *a* не в первом слоге, слоге префикса, а во втором слоге. Основа прошедшего времени второго глагола должна была бы начинаться с *m-*.

Возможно, что написание первого глагола بورخیمن предсталяет описание вместо باورخیمن, т. е. что удлиненным был первый слог. Второй

глагол этимологически не ясен, и, быть может, представляет позднее заимствование, описку или то и другое вместе. Во всяком случае оба эти глагола не могут изменить силу правила, выведенного на основании учета всех остальных, до сих пор засвидетельствованных и разъясненных хорезмийских глаголов.

Настоящая статья представляет первый в науке опыт анализа одной из грамматических категорий хорезмийского языка, вновь воскресшего языка советской Средней Азии. Концепция ее состоялась на основании учета исторического иранского языкознания как единой науки. Результаты этой концепции должны показать обоснованность данного положения.

СОГДО-ХОРЕЗМИЙСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ¹

(Опыт сравнительной характеристики)

Согдийский и хорезмийский языки, представители восточной группы иранских языков, засвидетельствованы в основном документами: первый — VIII в. и второй — XIII в.² По своей стадии развития согдийский язык относится, вместе с средне-персидским, парфянским и сакским (хотанским) языками, к языкам так называемого нами иранского языкового средневековья. Эта стадия развития характеризуется в основном разной степенью распада, упрощения древне-иранской морфологии и отчетливо выраженным аналитическим характером глагольных образований, а также, в разной степени, и выражением падежных отношений. Постепенное усиление аналитических тенденций является основным стержнем развития иранских языков. Оно отчетливо обнаруживается в средне-иранских языках, памятники которых отделены от языка памятников древне-иранских языков несколькими столетиями.

Ценность сравнительной характеристики согдийского и хорезмийского языков заключается прежде всего, как и всякой характеристики, в научно-теоретическом ее значении. Она позволяет установить аналогичные, типологически сходные способы выражения сходных языковых знаков, иллюстрируя тесную связь двух сторон единого процесса: мышления, выраженного в языке. Она, помимо этого, проливая свет на историю этих языков, способна показать развитие их языковой ткани. Но историческое сравнение древних языков одной системы имеет, кроме того, еще практическое значение, являясь иногда единственным и во всяком случае основным способом проникновения в структуру этих языков. Оно помогло расшифровать древне-персидские клинописные надписи, хеттские документы. Историческая и сравнительная грамматика иранских языков помогла и помогает дешифровке согдийских и хорезмийских документов. Сравнение согдийского

¹ Статья печатается с незначительными поправками. См.: Сов. востоков., т. IV, 1944, стр. 157—170.

² Древне-хорезмийские документы, открытые в археологических раскопках проф. С. И. Толстова, окажутся после их дешифровки весьма существенным материалом для построения истории хорезмийского языка.

и хорезмийского языков в этом отношении особо ценно, несмотря на скучность документов, в которых последний засвидетельствован, и на то, что документы этих языков отделены друг от друга промежутком в пять столетий. Многовековое непосредственное соседство согдийцев и хорезмийцев не могло не сказаться на особой близости этих языков. Эта близость столь велика, что когда будут прочтены хорезмийские документы, открытые проф. С. П. Толстовым, то можно предположить, что отношение этих языков друг к другу будет определено как отношение не языков, а диалектов. И вообще иранские языки представляют собою тесную группу языков. Отношение древне-персидского к авестийскому языку, по устрашении кажущихся отличий, обусловленных письменностью, вскрывается как отношение диалектов. Отношение восточно-иранских языков друг к другу в эпоху раннего языкового средневековья было также отношением диалектов, как свидетельствует об этом Страбон, говоря, что их носители *διμόγλωττοι παρὰ μηδέν*. Лишь ново-иранские языки являются языками, далеко разошедшимися, и связь их устанавливается только исторически.

Иранская диалектография и диалектология находятся еще только в зачаточном состоянии. Современные живые иранские языки недостаточно изучены и описаны. Лингвистическая география только еще намечается. Языковые документы прошлого не изданы. Новые открытия делают необходимым пересмотр давно установленных взглядов на языки и их отношения. Совершенно естественно поэтому, что установление историко-диалектологических вех в нашей науке может быть сделано только *grosso modo*.¹ Тем не менее от подобного пути отказаться невозможно, так как эта работа вносит некоторую предварительную ориентировку и помогает, в частности, работе по дешифровке документов прошлого, имеющих большое лингвистическое и историческое значение.

Согдийский язык, язык Согда, как было сказано, засвидетельствован в основном документами VIII в. Эти документы, по преимуществу религиозного содержания — буддийского, христианского и манихейского, — были добыты уже в нынешнем столетии археологическими экспедициями СССР и некоторых стран Европы вместе с памятниками других языков, иранских и неиранских, и памятниками искусства в древних очагах культуры Центральной Азии. Сразу было замечено, что эти документы написаны на каком-то иранском языке. Но лишь сравнение некоторых календарных терминов, сохранившихся в манихейско-согдийских текстах, с данными календарной и астрономической терминологии согдийцев и хорезмийцев, сохранившейся у арабоязычного писателя X в. Бируни, хорезмийца по происхождению, позволило притти к заключению, что язык этих документов — согдийский. Транслитерация этих документов не представляла затруднений, так как они написаны шрифтами северно-семитического происхождения: буддийские (основные документы) — шрифтом, уже известным по уйгурским

¹ В общих чертах.

документам,¹ христианские — также известным сирийским, манихейские — особым манихейским, которым написаны и персидско-парфянские манихейские документы. Наличие этих трех письменностей у согдийцев Центральной Азии вызывалось особыми культовыми и связанными с последними особыми культурными запросами и условиями. В 1933 г. экспедицией АН СССР в Таджикистане на горе Муг, о которой мы уже упоминали выше, на территории древнего Согда были найдены в засвидетельствованной арабскими нарративными источниками (Табари) исторической обстановке остатки архива «Согдийского царя, Самаркандского государя Дёваштича», как называет Дёваштич себя сам и как его называют его корреспонденты.² Эти документы написаны тем же шрифтом, что и согдийско-буддийские документы Центральной Азии, лишь несколько более курсивным. Они могут быть точно датированы первой четвертью VIII в. Они написаны, очевидно, на обычном для того времени согдийском языке деловых документов согдийских владетелей. Поскольку этот язык идентичен с языком согдийских (буддийских) документов Центральной Азии (за исключением, конечно, стиля), то этим самым окончательно подтверждается правильность высказанного ранее взгляда о языке этих документов как о языке согдийском. Найдки на горе Муг вызвали усиление интереса к истории Согда и прилегающих областей. Они стимулировали новые археологические экспедиции и привели к появлению некоторых новых находок, а также исследовательских работ, из которых, в особенности работы в области согдийской нумизматики, в свою очередь, помимо своих специальных исторических установок, также укрепляли за языком всех названных выше документов определение «согдийского».³

Изучение согдийского языка шло параллельно с изданием документов. Уже издана и согдийская грамматика.⁴ Однако, если основная линия исследования намечена и ведется правильно, то, как и следовало ожидать, это изучение не может считаться ни законченным, ни вполне нас удовлетворяющим в частях уже завершенных. Здесь весьма у места поговорка: «*dies diem docet*».⁵ Почти каждый вновь изданный документ вносит новые факты, пополняющие наши сведения. Последние проливают новый свет на старые и заставляют отказаться от прежних, казалось бы, удовлетворительных толкований.

Наши сведения о конкретном хорезмийском языке относятся, как было сказано, к XIII в. и базируются в основном на обнаруженных в 1936 г.

¹ Согдийский алфавит дал начало уйгурскому, последний — монгольскому и далее — манчикурскому.

² Согдийский сборник, Л., 1934.

³ А. А. Фрейман. К имени согдийского ихшида Гурека. Вестник древней истории, 1938, № 3. — О. И. Смирнова. О трех согдийских монетах. Вестник древней истории, 1939, № 1. — О. И. Смирнова. Новые данные по истории Согда VIII в. Вестник древней истории, 1939, № 4.

⁴ R. Gauthiot. Essai de Grammaire Sogdienne, 1-e partie (Phonetique). Paris, 1914—1923. — E. Benveniste. Essai de Grammaire Sogdienne, 2-me partie (Morphologie, syntaxe et glossaire). Paris, 1929.

⁵ День учит день.

хорезмийских фразах, формулах брака, развода, клятвы, иска и т. п. в сочинении, написанном на арабском языке, хорезмийского законоведа XIII в. ал-Газмий.

К приобретенной, как указано было выше, в 1936 г. Институтом востоковедения АН рукописи этого сочинения была пришита тетрадь, заключающая в себе, между прочим, словарь Джелал ал-Имади к указанному сочинению. В этом словаре хорезмийские фразы переведены частью на арабский, частью на персидский язык: Хорезмийский текст, написанный как и все сочинение арабским алфавитом, огласован. В сочинении свыше 3000 хорезмийских слов, причем некоторые из них повторяются. Все же этот материал, изучаемый сравнительно с другими иранскими языками, прежде всего с согдийским, позволяет составить себе известную картину хорезмийского языка XIII—XIV в.

Подробному анализу этого сочинения и предварительной характеристики хорезмийского языка посвящены две статьи в VII томе «Записок Института востоковедения» (ЗИВ); (в настоящее время в ИВ подготовлено к печати издание этого сочинения с переводом, а также исследование содержащегося в нем хорезмийского языкового материала). Краткие предварительные сведения об этом источнике и языке напечатаны также в журнале ZDMG (Bd. 90, *30—*36).

Перед этим источником отступают на второй план другие, ранее известные. В 1927 г. в журнале «Islamica» (III, стр. 190—213) была напечатана статья об одном, аналогичном нашему, сочинении VIII в. Хорезмийские слова в этом тексте искажены. Однако теперь наши знания позволяют уяснить себе и восстановить искаженные слова. В этой же статье приведено несколько фраз на хорезмийском языке, находящихся в одной рукописи известного арабско-персидского словаря *العلاء*. Автор этого словаря Замахшари (XI—XII в.), хорезмиец по происхождению, знал, конечно, хорезмийский язык. Эти фразы представляют, таким образом, образец хорезмийского языка XI—XII в., но они совершенно недостаточны для каких-либо выводов сравнительного характера. Кроме того, как было ранее сказано, хорезмийские календарные и астрономические термины приведены Бируни, отдельные слова — у других писателей.

Хорезмийской археологической экспедицией в числе других ценнейших находок и достижений обнаружены недавно на территории Хорезма монеты.¹ Значительное их количество, несомненно, должно быть признано местными, хорезмийскими. Эти монеты после их издания окажутся весьма ценными языковыми документами независимо от их значения как исторических документов. Шрифт на легендах хорезмийских монет северно-семитического, арамейского происхождения. Он весьма напоминает шрифт уже изданных согдийских монет. В этом нет ничего удивительного, поскольку известно, что все иранские шрифты домусульманской эпохи — одного указан-

¹ С. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма. Вестник древней истории, 1938, № 4.

ного происхождения. Шрифты двух соседних среднеазиатских народов должны быть особенно близкими, если не идентичными. Историческая палеография этой области — задача столь же увлекательная, сколь и актуальная, — с несомненностью покажет тесную связь этих алфавитов, начиная с открытых во время раскопок Чикагского восточного института в Персеполе остатков древне-персидской надписи арамейским алфавитом (V в. до н. э.),¹ вплоть до курсива согдийских документов с горы Муг (VIII в. н. э.) или уйгурских, монгольских и манчжурских документов. Тогда окажется, что дифференциация этих алфавитов шла по общему пути развития, изменившись больше исторически-вертикально, чем географически-горизонтально — национально. Тогда объяснится, почему шрифт древнейшей согдийской надписи из находок в Тали-барзу (I в.)² или согдийских писем, найденных в Дунь-хуане,³ хотя они согдийские (в особенности первой), ближе к арамейскому шрифту древне-персидской надписи V в. до н. э., чем к шрифту согдийских же документов VIII в.

В вопросах развития письма особую, хорошо известную палеографам роль играет материал, на который нанесены те или другие знаки, и условия, в которых производилась работа. Последнее в полной мере относится и к нумизматике. Отличия в шрифтах легенд домусульманских монет Средней Азии, относящихся приблизительно к одному и тому же времени (VII—VIII вв. н. э., как в данном случае), должны быть приписаны больше создавшимся штампам, технологии литья и т. д. в различных городах Средней Азии, чем коренному различию в шрифтах, которое могло бы быть отражено в документах на коже, бумаге или дереве. Не следует поэтому ожидать, что письменность Хорезма (Курдара, Ургенча) или Бухары (Варахша, Пунджиката), если она будет найдена в документах на коже или бумаге, будет как-нибудь особенно отличаться от письменности Самарканда, Шахрисабза (Каша), Пянджикента (с горы Муг) или Центральной Азии (буддийские документы).

Давно известно, что в языках, обладавших письменностью разной давности или распространенности, устанавливался известный письменный шаблон, так называемая историческая орфография. (Положение, в разной степени присущее современным письменным языкам). Эта историческая орфография, с одной стороны, помогает выяснению исторических процессов, предшествовавших данной, определенной стадии языка; с другой стороны, она же служит серьезным препятствием к установлению реальной структуры языка, в особенности его звуковой стороны, фонетики, если не фонологии. Коррективами здесь служат следующие моменты: 1) непоследовательность орфографии, недостаточная грамотность писца, вносящего в моменты ослабления его внимания «неграмотные», т. е. фонетически верно отобра-

¹ E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, стр. 12.

² А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. Вестник древней истории. 1939, № 3.

³ H. Rechelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, II Teil. Die nichtbuddhistischen Texte. Heidelberg, 1931.

жающие его произношение приемы письма; 2) свидетельства иностранцев, воспроизводящих средствами своего языка и письменности живое слово или фразу данного языка; 3) по значению аналогичный предыдущему моменту переход по тем или другим причинам на новый алфавит. Последнее мы в значительном количестве наблюдаем после Великой Октябрьской социалистической революции при переводе языков народов Советского Союза или зарубежных стран, ранее имевших свою графику (главным образом арабскую), на латинскую и ныне на русскую или грузинскую графику.

Этот переход на новую графику, точнее, создание новых письменностей, наблюдался в истории ирано-язычных народов и стран неоднократно. В разные исторические периоды этот переход имел разное (принципиальное) значение. В древности к древне-персидскому языку была приспособлена клинопись, были составлены древне-персидские клинообразные надписи. Наряду с клинописью, как показывает остаток надписи арамейским алфавитом, получил распространение арамейский алфавит. Последний употреблялся, очевидно, в записях более обыденного, менее лапидарного характера, в записях, не предназначенных дляувековечения царей, в переписке и т. п.

Это письмо арамейского происхождения мы застаем в средне-персидских надписях, в средне-персидской, так называемой пехлевийской литературе и т. п., в парфянских параллельных переводах сасанидских надписей, в согдийском и манихейском алфавитах, в ныне засвидетельствованном монетами и рукописями хорезмийском. Эти документы подтверждают наши общие данные о распространении арамейских алфавитов в ирано-язычных странах.

После завоевания ирано-язычных стран арабами, включения их в состав Халифата, экономика и вся надстроенная сторона жизни этих стран были вовлечены в культурно-экономический обмен Халифата. Арабский язык, арабская письменность, арабский алфавит получили распространение в ирано-язычных странах, в том числе и в Средней Азии. Среднеазиатские ученые пишут по-арабски. Как на один из моментов, иллюстрирующих внедрение арабской культурной стихии, арабского языка и алфавита в Средней Азии, может быть указано на названный уже остаток архива Дёваштича: вся внутренняя переписка Дёваштича ведется по-согдийски, согдийским алфавитом, его же письмо к арабскому правителю Хорасану — по-арабски, арабским алфавитом. Письмо было написано лицом, по-арабски вышколенным. Арабский алфавит, соответственно приспособленный путем диакритических знаков, вытесняет алфавиты арамейского происхождения. Арабским алфавитом пишут таджики, персы, курды, афганцы. Известны отдельные записи арабским алфавитом и на других языках (на осетинском). Наши хорезмийские цитаты свидетельствуют о внедрении арабского алфавита в подвергшемся мусульманизации Хорезме. По аналогии можно предполагать, что и в соседнем Согде применялся после мусульманизации арабский алфавит к согдийскому языку, пока он в культурных центрах не был вытеснен таджикским языком.

Внедрение новых алфавитов на смену старым позволяет, как было сказано, лучше наблюсти изменение наших языков, чем это можно бы было сделать, если бы они сохраняли письменность, введенную 2500 лет назад. Наши хорезмийские фразы XIII в., написанные арабским алфавитом, употребляющимся для этой цели, повидимому, недавно, без традиции, которая могла бы получить более или менее широкое распространение, представляют собою, очевидно, безыскусственные записи в противоположность согдийским текстам (согдийско-буддийским, национально-согдийским с горы Муг), где уже имеется установившаяся историческая орфография, кое-где нарушаемая непоследовательностями (ср., например, выражение *ś* двумя знаками: исторически *dr* или фонетически через *ś*, например в слове *drūy*, *śy* 'три'; *kdrūy*, *qśy* 'теперь', и т. п.). Некоторые непоследовательности в огласовках объясняются, как можно судить, не столько ошибками или колебаниями переписчика XIV в., а затруднениями самого автора XIII в., не имевшего перед собою твердых орфографических норм, затруднениями, которые вставали перед ним на каждом шагу при любом комбинаторном изменении звуков. Но эти колебания не являются слишком серьезным препятствием в установлении основных фонем хорезмийского языка XIII в., основных морфологических категорий. Безыскусственность же записи дает гарантию, что перед нами живой хорезмийский язык XIII—XIV в., вскоре после этого вытесненный окончательно тюркским. Отдельные тюркские слова, в особенности же целые выражения, вставленные в наш скучный текст, говорят о том, что население, говорившее еще в XIII в. по-хорезмийски, было уже двуязычным. Монгольское нашествие, приведшее повсюду к усилению тюркской стихии, было основной причиной этого процесса исчезновения хорезмийского языка как языковой нормы. Исследование словаря узбекских говоров Хорезма поможет выяснить остатки хорезмийского словаря, сохранившиеся в этих говорах.

Аналогия с хорезмийским языком, а также сохранение по сей день одного из согдийских говоров, так называемого ягнобского языка, на котором в настоящее время говорит весьма незначительное число людей (около 1500), заставляет отказаться от ранее существовавшей точки зрения, главным образом на основании «Хронологии» Бируни, о том, что согдийский язык вымер к XI столетию. Согдийский язык территории Согда и близкие к согдийскому говоры прилегающих областей лишь постепенно уступали место таджикским говорам, а те и другие — тюркским. Города, центры культурной, экономической жизни, торговые пути уступали этой волне раньше; но до сих пор сохранился еще в трудно доступной, высокой долине Ягноба согдийский говор. Когда Бируни говорит о некоторых календарных терминах и институтах хорезмийцев и согдийцев, как о чем-то исчезнувшем из быта, забытом, то необходимо принять во внимание ту аудиторию, к которой он адресовал свои сочинения — широкую аудиторию арабо-язычного или во всяком случае объединяемого арабским языком, как языком науки, ученого образованного мира Халифата. Для этой ауди-

тории согдийское и хорезмийское захолустье, двуязычное, сохранившее свой язык лишь в своей среде, было *quantité négligeable*,¹ оно для него не существовало, его на столбовой дороге общей мусульманской учености могли не замечать, замечали его лишь отдельные пытливые географы или историки.

Изучение нашего советского собрания согдийских документов с горы Муг сравнительно с терминами, приведенными у Бируни, и нашими хорезмийскими фразами дает лишние основания полагать, что иранские языки Средней Азии того времени представляли в сущности ряд переходных говоров. В 1938 г. в «Вестнике древней истории» (№ 2) был издан один согдийский документ этого собрания, содержащий календарь (названия месяцев, дней месяца, дней недели) и названия лунных станций. Подобные календари представляли для того времени известный материал для составления гороскопов, без которых не могло обходиться ни одно более или менее серьезное предприятие. Оказалось, что названия, приведенные у Бируни, как хорезмийские, представлены в нашем согдийском списке и, наоборот, в нашем списке отсутствуют некоторые названия, имеющиеся в согдийском списке Бируни. Точно так же не идентичны, как выяснилось в связи с этим, календарные термины даже у самих согдийцев в собственной Согдиане (в наших документах с горы Муг) и в центрально-азиатских колониях (в манихейских документах).

При изучении языка согдийских документов необходимо, конечно, учитывать среду и место их составления. Согдийско-буддийские тексты писались, переводились с китайского и других языков буддийской культуры в уединении буддийских монастырей Центральной Азии; согдийско-манихейские тексты составлялись в иранских манихейских общинах Центральной Азии, где языком манихейской церкви был, повидимому, персидский язык, а население говорило по-согдийски; согдийско-христианские тексты (Евангелие и др.) переводились с сирийского. Лишь наши документы с горы Муг и письма из Дунь-Хуана представляют непереводную литературу, если этот род письменности может быть назван литературой. Эти обстоятельства безусловно должны быть учтены при анализе стиля, синтаксиса, фразеологии и словаря соответственных текстов. Согдийско-христианские тексты (в особенности Евангелие) представляют рабский перевод, почти кальку, с сирийского. Недоразумения в согдийско-буддийских текстах часто объясняются тем же влиянием оригинала, с которого делался перевод, иногда его непониманием. Относительно большое количество персизмов и парфянismов в согдийско-манихейских религиозных текстах обусловлено указанным уже симбиозом иранцев различных языков в одной общине с преобладанием персидского языка как языка церкви и согдийского как обиходного.

В одной из названных статей в ЗИВ уже было приведено краткое описание фонологической системы хорезмийского языка. Сравнительно с системой согдийского языка, она отличается от последней, особенно

¹ Т. е. не имело значения.

в отношении отражения древне-иранской палатальной аффрикаты *č*. Согдийский язык, насколько можно судить по имеющимся данным, во всех говорах сохранил древне-иранскую палатальную аффрикату, не изменяя ее в зубную *c*. Имея только один ряд переднеязычных аффрикат, он является в этом отношении исключением из восточно-иранских языков (согд. *rnc's*, хорезм. *rincās* 'пятьдесят', осет. *фондз* 'пять'). В западной группе восточно-иранских языков отмечается перед передними гласными (*i*) смягчение зубного взрывного (*t*). Это смягчение может быть отмечено уже для VIII в., поскольку оно (спорадически) засвидетельствовано в согдийских документах. И в отношении этого последнего согдийский язык обнаруживает такое же отличие от хорезмийского и осетинского, как и в отношении отражения древне-иранской палатальной *č*, а именно: в согдийском она представлена как *č*, в хорезмийском и осетинском как *c*, например: согд. преф. *rč-*, *γсу* 'есть', ягнобск. *wičč* 'есть', хорезм. преф. *ric-*, *akic* 'делает', *ic* 'идет', осет. *канычи* 'делают' (во всех последних примерах — 3-е лицо, ед. или мн. ч. наст. вр., оканчивавшееся в древне-иранских языках на *-ti*, *-nti*). Так же как и в других восточно-иранских языках, в хорезмийском языке палатальная аффриката *č* может быть показана в заимствованных словах, в данном случае из таджикского и тюркского (например *چار طاق* 'навес', *چرم* 'кожа').

Историческое развитие др.-ир. *θ'* склонялось к упрощению и к стяжению в один звук — линия развития, наблюдаемая уже в древнюю эпоху в древне-персидском, где этот звук отражался в качестве какого-то близкого к зубному, но точнее не определяемого сибильнта (напр. др.-ир. **riθ'a* 'сын', др.-перс. *riθ'a*, средн.-перс. *ris*). Это отражение сказалось в хорезмийском так же, как и в согдийском, неодинаково, в зависимости, очевидно, от положения (в анлауте или илауте, перед разными по качеству гласными, ударными или неударными). Так, *θ'* отражено через *š* в таком слове, как *še* 'три', в том же самом слове в сложении с другим словом: *arcivak* 'треть', где поддержанный протетическим гласным сохранился древний комплекс *θ'* с перестановкой, как в осетинском *ərtæ* 'три', и смягчением. Третье отражение *θ'* — это переход его в *hr*, как в парфянском *hrē* 'три', *hrēton* 'Феридун', напр. *purak* 'сын' (с утерей *h*) — переход общий для северо-западных говоров Ирана, ср. средн.-перс., заимствованное из северо-западных говоров *ruhr*. Эти три отражения др.-ир. *θ'* налицо и в согдийском (цитированное ранее *qšy* 'теперь' <*kdry*, где *š* < *θ'*, *m̥ts'r* 'сюда', др.-ир. < **im̥aθrasara*, и перс. *فغفور* 'богдыхан', очевидно, как показывает начальный спирант, — заимствование из согдийского *θy* + *pwr* 'божий сын' или, точнее, из согдийско-парфянского, так как само слово *pwr* не засвидетельствовано в согдийском, в котором 'сын' — *z'tk*). Хорезмийский вместе с согдийским и другими восточно-иранскими языками отразил древний звонкий взрывной соответственным звонким спирантам: др.-ир. *gaiaša* 'ухо' > согд. *γwš*, осет. *izos*, др.-ир. *grab* 'брать, понимать' > согд. *γrβ*, хорезм. *γifuya* 'считать' и *xif* (с оглушением) 'брать'.

Вместе с согдийским и большинством других восточно-иранских языков сохранил хорезмийский язык древние зубные спиранты, звонкую **ð** и глухую **θ**: хорезм. **ڏاڻا** ‘жена’, согд. *wdw* id. Хорезм. **ڏاڻد** ‘твёрдый’, авест. **θaxta-**, перс. **خست**; в согд. многочисленные примеры: *wdu* ‘там’, **ڦر** ‘давать’ и т. д.

Формы, подобные приведенной только что **ڏاڻد** — прич. пр. вр., со звонким зубным в конце после звонкого спиранта уже обратили на себя внимание в согдийском (*swyt*, *w'yt*),¹ но не получили объяснения. Подобные причастия известны из гатского диалекта авестийского языка, а также из осетинского и других восточно-иранских языков, напр. осет. *саид*. Эти формы представляют собою закономерное отражение причастия прошедшего времени в корнях, оканчивавшихся на звонкие спиранты, в индо-иранских языках — по закону Бартоломе, согласно которому звонкие спиранты таких корней теряли придыхание, а зубная конечной морфемы причастия *-ta* превращалась в звонкую аспирату; так, в санскрите, напр., от *budh-* — прич. пр. вр. *buddha-* и т. д. Эти формы уже в древне-иранских языках (персидском, авестийском) претерпевали изменения, выравниваясь по типу причастий с глухим конечным согласным корня, вследствие чего и образовались в персидском формы: *suxta-*, *saxta-*, *gufsta-* вм. *suγda-*, *sayda-*, *giθda-*. Сохранение таких форм в согдийском, хорезмийском и осетинском, наряду с гатским диалектом, в противоположность древне- и ново-персидскому и авестийскому, указывает на диалектальный характер этих чередований **ڏاڻd** || *saxt*. Формы со звонким взрывным зубным в конце и звонким щелевым перед ним, первоначально причастные, получили в этих языках (согдийском, хорезмийском, осетинском) распространение и на другие категории слов, подобные им в исходе (*Auslaut'e*), напр. согд. **'βt** ‘семь’, хорезм. **ڣو**, осет. *aθd*, шугн. *uuwd* в противоположность тадж. *ҳафт* ‘семь’.

Огласованность хорезмийских фраз позволяет установить в этом языке, между прочим, склонность к переходу гласного *a* к более передней и верхней артикуляции перед переднеязычными согласными или после них, ср. *fitnick* ‘первый’, др.-ир. **fratamačaka*, согд. *prtmcyk* или *sid* ‘сто’. Эта тенденция наблюдается и в других иранских языках, но не в такой степени.

Колебания в начертании слов, заимствованных из арабо-персидского источника, слов, в которых в арабо-персидском засвидетельствован ‘айн или велярный ё и которые в хорезмийском пишутся то с ‘айном, то с алифом, с велярным ё или средненебным ڦ — эти колебания могут свидетельствовать о том, что: 1) в хорезмийском не существовало фарингальной взрывной фонемы, что и естественно было предполагать; но что, 2) вероятно, в нем не существовало еще и той фонемы, которая ныне выражается знаком ё и существует в языках Средней Азии, в том числе в иранских. Такое же положение было и в согдийском языке, письменность которого

¹ *t* выражает здесь (после звонкого) звонкую взрывную.

знала 'айн только в семитических идеограммах (в согдийско-буддийском), или в словах, заимствованных из сирийского (в согдийско-христианском), а велярного ѡ не было вовсе (наличие буквы ѡ в христианских текстах, написанных сирийским шрифтом, обусловлено лишь сирийским письмом и не свидетельствует о наличии фонемы ѡ в языке согдийцев-христиан); так же точно и некоторые другие особенности в орфографии этой писменности недостаточны для выводов об особой специфике христианско-согдийской фонологии. Такое слово, как персидско-таджикское *نفره* 'серебро', считающееся словом арабского происхождения, звучало по-согдийски *nkri'k* с *k* средне-небным и иранским суффиксом *-k'* в конце, свидетельствующим о том, скажем мимоходом, что данное слово хорошо обосновалось в Средней Азии и заимствование его непосредственно из арабского должно быть поставлено под сомнение.

Представляя собою тип цокающего языка, как осетинский и ряд других восточно-иранских языков, хорезмийский язык, кроме названной уже глухой палатальной ć, обладал соответствующей звонкой ѡ только в заимствованных из арабо-персидского источника словах, например: **جك**, 'документ'.

Хотя соответствующая глухой зубной аффриката с звонкая *dz* не выражена особым знаком, наличие ее в хорезмийском может быть показано на основании косвенных данных. Вероятно, фонема эта была неустойчивой (оглушалась или чередовалась, переходила в другое).

Одной из характерных особенностей восточно-иранских языков является исчезновение в них древне-иранского гортанного спиранта (глухого или звонкого) *h*. Современные живые восточно-иранские языки знают *h* в новых, заимствованных главным образом из таджикского словах (в языках, находившихся в орбите таджикского культурно-экономического влияния); появляется *h* также в новообразованиях, в словах, выражающих повышенную эмоцию, в междометиях; в этих случаях трудно сказать, является ли *h* самостоятельной фонемой (ср. осетинское *ыæй джиди* и *æй джиди!* 'о! увы!'). Согдийское письмо не обладает особым знаком для выражения звука *h* — этого последнего, повидимому, и не было в языке. Если этот знак *h* и встречается иногда в конце слова, то он служит лишь орфографическим знаком. Как полагают, его назначением было указывать на слова женского рода.

В хорезмийском языке имеется известное количество слов с *h*. Анализ этих слов еще не доведен до конца, и в настоящее время затруднительно сказать что-нибудь положительное о роли этой согласной. Поскольку, например, все хорезмийские числительные показывают закономерное, ожидаемое в хорезмийском развитие древне-иранских числительных и не являются заимствованиями из таджикского языка, то наличие числительного **هزار** 'тысяча' с *h*, единственного числительного, идентичного с персидским **هزار**, не давало бы, как кажется, основания считать его таковым заимствованием, а давало бы известное основание заключать о сохранении в хорезмийском *h*. Но исчезновение этого же *h* в другом числительном **اھف** 'семь' (перс. **هفت**) и в ряде других слов дает основание судить об обратном.

Сравнительное изучение согдо-хорезмийской морфологии оказалось весьма плодотворным. Морфологические категории хорезмийского языка освещались соответственными, уже отмеченными и разъясненными, согдийскими. Хорезмийские — помогли выявить и определить некоторые факты согдийского языка, засвидетельствованные в текстах, но остававшиеся незамеченными, не зарегистрированными в грамматике или неправильно читавшиеся или истолковывавшиеся.

Наши хорезмийские материалы позволили без особого труда отметить в этом языке наличие артикла, уже засвидетельствованного в согдийском, категории, хорошо представленной в этих языках несколькими местоименными, с различными оттенками ослабленной значимости основной местоименной функции. Обнаружение артикла в хорезмийском языке выяснило особый характер анлаута в хорезмийских словах, начинающихся с *y*, приведенных Бируни. Этот анлаут оказался артиклем *i*, *yā*, абсорбированным словами, начинающимися с гласного. Эта абсорбция вызвала в свою очередь возникновение постпозитивного артикла *j*. Последний легко может быть показан в согдийских текстах, но до сих пор не отмечен в грамматике.

Склонение имён существительных показывает наличие нескольких падежей (трех или четырех); оно представляет редукцию древне-иранского склонения, развивающуюся по тому же пути, что и в согдийском, с родительным падежом на *i*; винительным на *u* — в коротких основах и, вероятно, без оформления в долгих основах и с местным падежом, формальное отличие которого от родительного не поддается пока более точному определению (не лишним будет отметить при случае, что в осетинском языке родительный и местный падежи ед. числа совпадают и что разъяснение осетинского *locativ'a* должно идти по тому же пути, что и в хорезмийском и согдийском, а не выводиться из *genitiv'a*). Потребности уточнения падежных отношений вызвали появление новых аналитических образований с предлогами и послелогами, в большинстве известными по согдийскому и другим восточно-иранским языкам (предлоги *ra*, *fi*, послелоги *sar*, *dāra*). Категория рода точнее определяется артиклем. Слова женского рода (вероятно, определенная группа этих слов) оканчиваются на *a*. Распределение слов по родам в целях выяснения генезиса этой категории в хорезмийском языке в связи с древне-иранскими еще не производилось. Для других иранских языков подобная работа уже осуществлена в советской науке и оказалась плодотворной.¹

После утери показателя категории множественности древне-иранских языков (окончания имен. п. мн. ч.) эта категория могла не обозначаться вовсе, и неоформленные имена могли и могут обозначать множественное число и согласоваться со сказуемым во множественном числе в том случае, если эти слова выражают понятия собирательные. По этому пути шло в иранских языках развитие новых показателей множественности; в этой

¹ Л. А. Хетагуров. Категория рода в иранских языках. Учен. зап. ЛГУ, № 20, л., 1939.

Функции стали выступать различные форманты, образовывавшие собирательные имена, и таким образом возникла единая категория слов со значением коллективности-множественности, с формантами коллективности или без них. Такого происхождения персидско-таджикский формант *ـو*, восходящий к древне-иранскому форманту *-θva*. Таков и восточно-иранский показатель *-t*, восходящий к древне-иранскому *-tā*, рядовой показатель множественности в согдо-ягнобском и осетинском (*-mæ*) языках. Этот же показатель с указанным раньше смягчением *t* в с налицо и в хорезмийском: *اَيْ رِعَاجِيَّة* 'его подданные', *اَيْ خُواجِيَّة* 'его ходжи', *اَيْ اَفْرُوغ* 'брови'. Причастно-пассивная конструкция переходных глаголов в прошедшем времени, которая была свойственна древне-иранским языкам, возымела глубокое влияние на изменение структуры иранских языков, поставив логическое подлежащее в косвенном падеже. Таким образом, падежом субъекта становился бывший косвенный падеж, в большинстве иранских языков родительный.

Окончание род. п. мн. ч. в древне-иранских гласных основах *-ānāt*, *-īnāt*, *-īnāt*, несколько редуцированное, дало средне- и ново-иранское окончание мн. ч. *-ān*, *-īn*, *-īn*. Оно хорошо известно из персидского *-ān*. Изредка встречается в согдийском и ныне засвидетельствовано в хорезмийском *-na*: *rī sid bīnāt-na* 'за сто динаров', *hazār paracna* 'тысяча разводов', *zābināh* 'его наибы'.

Аналитический строй особенно ярко обнаруживается в хорезмийском глаголе. Несмотря на относительно небольшое количество сохранившихся фраз, благодаря тому, что в них содержатся разнообразные условия, формулы, в последних довольно богато представлены временные и даже модальные категории. Мы не только получаем известную картину хорезмийского глагола, но, как и в других частях речи, лучше уясняем себе и структуру согдийского глагола. Засвидетельствованы следующие временные и модальные образования в хорезмийском языке: настоящее время изъявительного наклонения — эта форма продолжает собою соответственную древнюю; обращает на себя внимание довольно большое количество некаузативных глаголов по классу на *-aya-* (*ðātīyāt* и т. п.); это заставит внести некоторый корректив, диалектиально уточнить демаркационную линию в известной карте распределения основ на *-aya-* и *-a-* в иранских языках, согласно которой класс на *-aya-* представлен в основном западно-иранскими, а класс на *-a-* — восточно-иранскими языками. Одной из глагольных категорий в хорезмийском языке, а именно образованию прошедшего времени, уже была посвящена статья в «Ученых записках ЛГУ» (№ 60, 1940 г.). В этой статье были показаны три типа образования прошедшего времени от основы настоящего. Хорезмийский язык вместе с согдийским (согдо-ягнобским) являются единственными иранскими языками, сохранившими это старое образование (в других языках, как уже было сказано, старое прошедшее время было вытеснено конструкцией с субъектом в косвенном падеже). В них (в хорезмийском и согдийском языках), по указанной

выше причине, меньшее отразилась перестройка предложения. В этой статье было показано сохранение аугмента и своеобразное развитие его в определенной группе глаголов, имеющих в первом слоге гласный *a* или *r* sonans (они удлиняют этот гласный в прошедшем времени: *расгāz-* || *расгāz-* ‘принимать’), — развитие параллельное, но не идентичное согдийскому; на последнее уже было обращено внимание ранее Рейхельтом.¹ О живучести аугмента в средне-азиатских иранских языках свидетельствует сохранение его по сей день в якнобском языке, причем в форме, совершенно идентичной с древне-иранской (*kupāt* ‘я делаю’, *akupāt* ‘я делал’). В статье было показано и разъяснено образование прошедшего времени во второй группе основ (в основах, начинающихся с гласного). Эти глаголы имеют в прошедшем времени в анлауте согласный *t* (*mikkin* ‘я делал’ от *ikkāt* ‘я делаю’). Была показана природа этого форманта, ее происхождение из индо-иранского наречия-частицы (авест. *mat*, санскр. *sma*), имевшей модально-временное аналогичное значение в санскрите: *prativasati sma* ‘жил, проживал’. Это дало возможность объяснить и соответственную группу согдийских глаголов, имевших *t* в прошедшем времени.

В парадигмах глаголов обращает на себя внимание окончание 2-го л. ед. ч. прошедшего времени и желательного наклонения *-ix*, конечный согласный которого *-x* представляет отражение древне-иранского optativ'a от глагола *ah-* ‘быть’ (соответственная форма **haih* — форма, сохранившаяся в таких сочетаниях, как средне-персидское *hē* (*guft hē*), новоперсидское *guftī* (так наз. *yāi šart*, *yāi hikāyat*). Эта форма с конечным *-x* также может быть показана в согдийском, но она равным образом до сих пор не отмечена. Окончание 1-го л. мн. ч. *-tana*, *-tini* (чередование гласных вызвано здесь, вероятно, модальными оттенками), известное из сакского языка — *hātātane*, представляет, вероятно, отражение древнего медиального причастия (ср. соответственное окончание 2-го л. мн. ч. в латинском языке — *proficisciunti*). И это окончание может быть показано в согдийском *βyγ'ymn*,² и оно также не отмечено. З-е л. л. мн. ч. обоих времен: — наст. и пр. вр. — оканчивалось на *-āt*. Окончания с *-r*, известные в индо-европейских языках, начиная с хеттского языка, засвидетельствованы в латинском, псевдо-«тохарском», из иранских — в авестийском, сакском и в современном якнобском. Окончания с элементом *-r* в хеттском языке связываются с так называемым гетероклитическим чередованием в склонении *r* || *n*: в именительном — *-r-* и *-n-* в косвенных падежах.

На этих соображениях, приведших к весьма интересным исследованиям в области индо-европейской грамматики, здесь останавливаться не место. Для нашей цели достаточно здесь указать на наличие этого окончания в иранских языках, начиная с авестийского, и на то, что оно засвидетельствовано в восточно-иранских языках.

¹ H. Reichelt. Beiträge zur soghdischen Grammatik. Studia Indo-Iranica. Leipzig, 1931.

² H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste, I. Heidelberg, 1928, стр. 92.

Аналитические образования в хорезмийском глаголе весьма богаты, хотя соответственные формы и не могут быть, как естественно ожидать, представлены целыми парадигмами. Они особенно пригодны для выражения различных оттенков модальности и вида. Таков, очевидно, их генезис во всех языках.

Будущее время образуется, как и в согдийском, сложением форм настоящего времени с частицей (неизменяемой формой) — основой глагола *kāt* со значением 'желать': *ikkāt kāt*. Наряду с этим, эта же частица может присоединяться и к желательному наклонению, образуя особое сложное желательное наклонение: *ikkix kāt* (2-е л.), оттенок значения которого в данном скучном материале пока не удалось выяснить. Эти формы желательного наклонения, простая и сложная (*ikkix* и *ikkix kāt*), засвидетельствованы в наших фразах вследствие того, что значительная их часть представляет различного рода условные предложения, условия реальные и ирреальные.

Сложное желательное наклонение, аналогичное хорезмийским образованиям, имеется и в согдийском (*ðbr'y k'm*), но опять-таки не отмечено в грамматике. В согдийском языке имеется даже повелительное наклонение с частицей *k'm* ("с *k'm*"), также не отмеченное в грамматике.

Близкое по значению и аналогичное по образованию к формам желательного наклонения представляет образование, состоящее из личной формы прошедшего времени и неизменяемой частицы *منشاع*, восходящей к причастию прошедшего времени (3-му л. пр. вр.) от глагола *tān-* 'оставлять, оставаться'.

Сложные образования с глаголом *tān-* известны из средне-персидского (маннхейско-турфанского) и таджикского языков, где они, несколько другого типа, чем в хорезмийском (любая личная форма от глагола *tān-* + причастие прошедшего времени глагола), выражают законченность начавшегося действия.

Указанная хорезмийская форма выражает, повидимому, так наз. второе будущее, *praeteritum futurum* — прошедшее в будущем, особый вид условного наклонения типа немецкого *er wird gesagt haben*. Эта хорезмийская форма и переводится соответственно по-персидски вторым будущим: хорезм. *فلان را آواز داده باشم*, перс. *بیانانامی ذار مرغندنا منشاع*, я позвал бы, я позову.

Модальное значение (потенциальности) имеют в хорезмийском, как и в согдо-ягнобском и сакском языках, сложные образования, состоящие из причастия прошедшего времени и личных форм от глаголов со значением делать: в хорезмийском *ikk-*, в ягнобском *kun-* (оба <*kar-*>), в согд. *wn-*, в сакском *yan-*, например *نيتکلخ* 'не может взять'.

Богатое развитие имели, как показывают остатки в наших фразах, сложные прошедшие времена типа западноевропейских форм с *haben*, *avoir*, а также *sein* и *être* (менее богато представленная категория).

В хорезмийском и согдийском вспомогательным глаголом служил глагол *δ’r-* ‘иметь’. Он образовывал перфект и прежде-прошедшее время, притом как от переходных, так и непереходных глаголов, например *ذارېدك* ‘пришла (раньше)’. Засвидетельствовано от этих форм в хорезмийском не только изъявительное, но и желательное наклонение. Последняя форма представлена и в согдийском *’krtw δr’n;* она также в грамматике не отмечена.

Краткий обзор диалектальных отношений в рамках сообщения не позволил остановиться на других моментах, имеющих значение в показе общности структуры обоих языков.

В частности, здесь не рассмотрены местоимения и числительные, не показана и лексика. Более обстоятельный анализ будет сделан в другом месте.

Основное, чего хотелось достичнуть, это показать научно-теоретическое значение сравнительного изучения двух языков. Параллельное изучение обоих языков помогло освоить новый хорезмийский языковый материал и отметить и разъяснить неясное, не разъясненное до сих пор в согдийском.

Ленинград
Июнь 1941 г.

АРТИКЛЬ В ХОРЕЗМИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Обогащение иранского языкоznания новыми средне-восточно-иранскими материалами на согдийском и сакском языках поставило на очередь и позволило решать ряд новых проблем иранского языкоznания. К числу последних относится проблема артикла в иранских языках. Практические задачи дешифровки и анализа согдийских и сакских документов привели к установлению наличия этой категории в названных языках. Назрела уже и новая углубленная постановка вопроса об артикле и в западно-иранских языках и об исторических корнях этой категории в иранских языках в целом.

В отношении артикла в согдийском и сакском языках заслуга постановки этого вопроса принадлежит двум ученым, оказавшим (помимо Р. Готье) наибольшие услуги делу изучения согдийской грамматики, — П. Тедеско, труды которого лежат в основе современных представлений о строе восточно-иранских языков и иранской диалектологии, и Э. Бенвенисту, автору 2-го тома согдийской грамматики² и целого ряда других первоклассных работ по иранскому языкоznанию. Вопрос об артикле поставлен П. Тедеско в его работе о склонении в восточно-иранских языках³ и Бенвенистом в его согдийской грамматике, в разделе, посвященном артиклю и указательным местоимениям (стр. 121—131 согдийской грамматики).

Артиклем (определенным) служат в сакском, как показано уже в цитированной работе Тедеско, указательные местоимения *ši*, *ša* (имен. п. ед. ч.) и *tt-* (основа остальных падежей обоих чисел и всех родов). В согдийском языке артиклем служит в основном в имен. п. ед. ч. *γuc*, *γw*, восходящее к авест. *hāi*, др.-перс. *hauv*, и в имен. п. мн. ч. *γ'*; в косвенных падежах обоих чисел — разные формы от др.-ир. основы *ava-:*⁴ *γ' pryštyt* 'ангелы'; *ZKh* (идеограмма, отражающая *γh*) *pr'mnt* 'брахманы' (артикль имен. п. мн. ч.); *'γw 'βc'prb'y γwyštr pr'γ'z 'w* *δrtm pr'b'yrt* 'господин мира начал

¹ Институт востоковедения Академии Наук СССР предпринял издание арабского документа с хорезмийскими гlossenами. Пишущему эти строки поручена работа по исследованию языка этих гlossen. Настоящая статья примыкает к этой работе. См. Зап. Инст. востоков. АН СССР, VII, 1939.

² E. Benveniste. Essai de Grammaire sogdienne, 2-me partie (Morphologie, syntaxe et glossaire). Paris, 1929.

³ Paul Tedesco. Ostiranische Nominalflexion. Zeitschrift für Indologie und Iranistik, Bd. 4., N. I, Leipzig, 1926, стр. 94—166.

⁴ Примеры из грамматики Бенвениста, проверенные по соответственным текстам.

излагать закон' (вин. п. ед. ч.); *'w ČWRH¹ βrβwδn βyrt δ'ry* 'ты приобрел тело благоухающее' (вин. п. ед. ч.); *rtyšy 'yw kršn 'ywγwntcud* "у č'n'kw ny 'wy γwγt βry 'и его красота была такого рода, как (красота) бога солнца' (*'yw* — артикль имен. п., *'wy* — род. п.); *rtyšy γw kršn m'yd γ'y* č'n'kw ny ZKn βry 'и его красота была такой, как (красота) бога' (*γw* — артикль имен. п., *ZKn* — дат. п.); *rty 'yw ZKw γr'ywh 'wy z'yh puz* 'и он бросился на землю' (*ZKw* — артикль вин. п., *'wy* — косв. п.); *L' wypd' ZKw pryw 'BY' ZY 'w pryh m'th* — 'не видите милого отца и милой матери (своей)' (*ZKw* и *'w* — артикль вин. п. ед. ч.); *'wy 'yšktyh ... pr'm'y* 'приказал женщинам' (здесь *'wy* — артикль дат. п.); *rty 'yw βr' nm'čuy wyšn βγ'n ZY 'wyn 'BY' ZY 'wy m'th prn* 'и он воздал почтение во славу богов, отца и матери' (*wyšn* — артикль род. п. мн. ч., *'wyn* и *'wy* — косв. п. ед. ч.); *rty ZK 'wy t'yw'kt L' pr'dt* 'и он не продавал детей' (*'wy* вм. *'w* — артикль вин. п.); *'wy kndyh* 'в городе' (*'wy* — артикль косв. п.); *'wy s'ykn* 'во дворце' (*'wyh* — артикль косв. п.); *'wy γryh* 'на горе'; *'wy tmyh* 'в аду'; *'wy zm'k* 'зимою' (*'wy* — артикль косв. п.); *ZNh mrtym'tt* 'люди' (*ZNh* — артикль имен. п. мн. ч.); *'pZY ZNh mz'yuk 'nw'z'k ... nw'wš'nt 'pZY šw'nt* 'чтобы великое собрание... выслушало... и пошло' [*ZNh* — артикль в имен. п. мн. ч. и сказуемое (по-согд.) во мн. ч. при собирательном подлежащем — 'собрание'].

Реже встречается в согдийском языке артикль, восходящий к другому указательному местоимению: др.-ир. *ayat*, *iyat*; вин. п. *itmat*, *itmāt*: *'tu n'β γwystr* 'господин народа' (*'tu* — артикль косв. п.); *'tun γwystry ZKw nmγ'wpy uhyt* 'он причиняет обиду господину' (*'tun* — арт. дат. п., *ZKw* — арт. вин. п.); *tušpiw mrtym'ty 'ns'rty γwrt δβ'rt* 'он дает людям охлажденную пищу' (*tušpiw* — артикль в косв. п. мн. ч.); *tušpiw putyst'ft 't put'yšty δβ'r δβ'ry* 'дающий дары бодхисатвам и буддам' (*tušpiw* — артикль в косв. п. мн. ч.).

Среди небольшого количества хорезмийских слов, сохраненных Бируни в его «Хронологии», засвидетельствовано одно *uārah* ² — название восьмого месяца и десятого дня месяца хорезмийского календаря, которое соответствует персидскому *ابان* и согдийскому *'rwx*.³ Наличие в хорезмийском слове начального *u* затрудняло установление исторической связи с его персидским и согдийским эквивалентами — с 'водами', которым этот месяц и день были посвящены в иранском календаре.

Новые хорезмийские материалы позволяют и здесь с полной уверенностью внести необходимое исправление в расстановку точек у Бируни и обосновать сближение хорезмийского слова *uārah* с согдийским *'rwx* и персидским *ābān*. Наращение в хорезмийском согласного *y*, которое здесь

¹ Идеограмма.

² В издании Бируни с неправильной постановкой точек *بَاخْرَ*. Dr. C. Edward Sachau. The Chronology of ancient nations. An English version of the Arabic text of the Athār-ul-Bākiya of Albiruni. London, 1879, стр. 57.

³ W. B. Henning. Zum sogdischen Kalender. Orientalia, VIII, Fasc. 1/2, Nova series, Roma, 1939, стр. 95.

наблюдается перед словом *ār* 'вода', может быть указано и для других слов в наших новых материалах, например в слове *بَاسْمُ* 'небо'. Это наращение не вызвано чисто фонетическими причинами, появлением спиратного *у* перед начальным гласным, в данном случае перед *ā*: в наших материалах достаточно слов с любым гласным анлаутом, например *utak* 'ты', *acīva* 'а что' и т. д., в которых подобного наращения нет. Начальное *у* в цитированных словах представляет собою начало слова с ослабленной семантикой, а именно начало бывшего указательного местоимения, превращающегося в определенный артикль (мужского рода — *i* и женского — *yā*), легко слившегося в благоприятствующей этому процессу фонетической обстановке со следующим словом, начинающимся с гласного (в особенности с *a*), в одно слово: *yā ārah* > *yārah*; *yā āzm* (или *i āzm*) > *yāzm*.

Подобная абсорбция препозитивного артикля, превратившегося в служебное слово, следующим словом, с которым артикль и составляет одно смысловое целое, имеет место и в других языках, ср., например, арабско-перс. *البيان* из *ليوان* 'портик', исп. *lórrío* из лат. *oríum*.

Частые случаи подобной абсорбции препозитивного артикля вызвали в хорезмийском языке появление нового артикля, постпозитивного *نِ nī* и *نَا nā*, представляющего собою так же, как и препозитивный *أِ i* и *بِ yā* указательные местоимения с ослабленной семантикой.¹ Наши документы представляют стадию развития хорезмийского языка, в которой слова могут определяться одновременно обоими артиклями: препозитивным и постпозитивным.

Примеры

A. Препозитивный артикль

а) мужского рода ед. и мн. ч. *أِ i* <*ayam*.

<i>أِ زرذ</i>	<i>i zard</i>	'сердце'
<i>أِ معنای</i>	<i>i ma'nāy</i>	'смысл тот'
<i>أِ جك</i>	<i>i jik</i>	'документ'
<i>أِ فندرک ذار</i>	<i>i bindik dāra</i>	'богу'
<i>أِ مراده</i>	<i>i murādihi</i>	'желаемое ею'
<i>أِ پشام</i>	<i>i picami</i>	'мой отец'
<i>أِ زادکم</i>	<i>i zādikam</i>	'дитя мое'
<i>أِ مرخ</i>	<i>i mare</i>	'человек'
<i>أِ خوارزم</i>	<i>i x̣ārazm</i>	'Хорезм'

¹ Указание на аналогичный процесс в болгарском языке см.: А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, т. I, Казань, 1918, стр. 208—209.

ای حلال	<i>i halāl</i>	'дозволенное'
ای رمضان	<i>i ramazān</i>	'Рамазан'
ای نانام	<i>i nānām</i>	'такой-то (определенный)'
ای واد ذار	<i>i vad dāra</i>	'ветру'
ای چرمیمن	<i>i čarmīmna</i> (<i>car-</i> <i>mimna</i>)	'наши кожи'
ای سارذرنه	<i>i sarxutihī</i>	'ее голову'
ای ارذن ذار	<i>i arōān dāra</i>	'стороне (?)'
ای نانام ذار	<i>i nānām dāra</i>	'такому-то'
ای فتیحک سُرْڈ	<i>i fitmick sirđ</i>	'первый год'
ای ملک الموت	<i>i malak almaut</i>	'ангел смерти'
ای جان	<i>i jān</i>	'душу'
ای محمد	<i>i muhammad</i>	'Мухаммед'
نین ای همک	<i>nin i hamk kāfirūnak</i>	'это тот самый нечестивый взгляд'
کفرانک رای	<i>rāy</i>	
ای کتن	<i>i ktan</i>	'дела'
ای رسولم	<i>i rasulmi</i>	'(был) моим послаником'
ای ڦیندکم	<i>i bindikmi</i>	'(был) моим богом'
ای فاڻس	<i>i qāss</i>	'рассказчик'
ای نفووش	<i>i nīrōsic</i>	'слушатели'
ای نکنڅ	<i>i nikanc</i>	'колья'
ای سپرڅ	<i>i sparc</i>	'щиты'
باسم	<i>yāsm</i> < <i>i asm</i> [?]	'небо'
ای سغاونځیک	<i>i sayāvčīk</i> [?]	'прибыль'
?	?	
ای راغیان شغلان ذار	<i>i rāriyān šuylān dāra</i>	'для полевых работ'
ای خواججه	<i>i xājčīhi</i>	'его хаджи'
ای الله	<i>i allāh</i>	'бог'
ای نایبناه	<i>i nāyibnāhi</i>	'его наибы'
ای مشربغناه	<i>i mušrīfnčīhi</i>	'его мушрифы'

ای رعیتچیه	<i>i rayīcīcīhi</i>	'его подданные'
ای خدمتкарچیه	<i>i xidmatkārcīhi</i>	'его слуги'
ای شافار ¹	<i>i šāfār¹</i>	'свидетель'
با پریو	<i>yaparēv <i aparēv [?]</i>	'другой'
ای قبالک	<i>i qabālak</i>	'квитанцию'
ای زرنی	<i>i zirni</i>	'золото' (вин. п.)
ای فایدک	<i>i fāidak</i>	'прибыль' (вин. п.)
ای شکود	<i>i škūd</i>	'расстроенное'
ای وصیّه	<i>i vasiyāthi</i>	'его завещание'
ای پرذار	<i>i pur dāra</i>	'сыну'
ای جفت ذار	<i>i juft dāra</i>	'мужу'
ای مهره	<i>i mahra</i>	'махр'
ای وصیّ	<i>i vasiy</i>	'наследник (?)'
ای ذراک ذار	<i>i xidak dāra</i> (ср. осет. <i>jæxædæi</i>)	'себе'

б) женского рода ед. и мн. (?) ч. با *yā*.

با نانам	<i>yā nānāma</i>	'такая-то'
با ذُغل	<i>yā dīyād</i>	'дочь'
با جفت	<i>yā juft</i>	'супруга'
با وُذ	<i>yā vīd</i>	'жена'
با باتّ	<i>yātti < yā atti [?]</i>	'губа (?)'
با ذست	<i>yā dast</i>	'рука'
با خوبام ذُغل	<i>yā xūbām dīyād</i>	'хорошая моя дочь'
با غلّ	<i>yā yūda</i>	'ерок'
با ذوان ذار	<i>yā dīvān dāra</i>	'обоим (?)'
با نانامى ذار	<i>yā nānāmi dāra</i>	'такой-то'
با نانامك	<i>yā nānāmak</i>	'такую-то'
با ناناوک	<i>yā nānāvak</i>	'такую-то'
با پوخاھ	<i>yā pūxāh</i>	'его борода'
با مغک	<i>yā mayak [?]</i>	'ямка (затылочная)' ²

¹ Искаженное شاهید *šāhid?*

بَا خِرْخَ عِلْمَ	<i>yā xirc [xuc?]</i>	'кайма, шитая из золота'
بَا وَارْمِيْنُخْ	<i>yā vārmēnc</i>	'дождевик'
بَا مَادَكْ	<i>yā mādak</i>	'капитал'
بَا سَغَاوِخِيْكْ	<i>yā</i> (или <i>i</i> по другим рукописям) <i>sayāv-cik [?]</i>	'прибыль'
بَا رَشْتِمِيْنُخْ	<i>yā raštēmēnc</i>	'продолжавшаяся (дыня)'
بَا خَرْبِزْغُونْ	<i>yā xarbzugōn</i>	'дынегидная (?)'
بَا رَاخْمَانْ	<i>yā rāxman</i>	'рахман (сорт дыни)'
بَا نَرَازَكْ	<i>yā tarazak</i>	'весы'
بَا جَفْتَامْ	<i>yā juftamī</i>	'моя жена'
بَا غَرِيْبُوْ	<i>yā rrīva</i>	'себя, свою душу' (ср. согд. <i>m'yw</i>)
بَا جَفْتَى پَخْمَاسْ	<i>yā jufte pīxās</i>	'одежду жены'.

Б. Постпозитивный артикль

Слова с постпозитивным артиклем определяются одновременно и пре-позитивным.

1) Постпозитивный артикль *nī* نی для обоих родов и чисел восходит к косвенному падежу древне-иранского указательного местоимения *ana* 'тот' и стоит по преимуществу при прямом объекте, представляя как бы его характеристику.

a) мужского рода

اَيْ شَغْلَ نِي	<i>i šuyl nī</i>	'это дело' (вин. п.)
اَيْ زَرْنَيْ نِي	<i>i zirnī nī</i>	'это(?) золото' (вин. п.)
اَيْ نَامَكَ نِي	<i>i nāmak nī</i>	'это имя'
اَيْ كَالَكَ نِي	<i>i kālak nī</i>	'этую вещь' (вин. п.)
اَيْ بَرْذِيزَكَ نِي	<i>i pardēzak nī</i>	'этот баштан'
اَيْ قَاغَكَ نِي	<i>i qāgak nī</i>	'этот сад' (вин. п.)
اَيْ سَكَنَدَ نِي	<i>i sukanī nī</i>	'клятву' (вин. п.)
اَيْ هَونَزَادَكَ نِي	<i>i hūnzādak nī</i>	'этого раба' (вин. п.)

b) женского рода

بَا هَونَانَ نِي	<i>yā hūnāna nī</i>	'этую рабыню' (вин. п.)
بَا هَونَانَ نِي	<i>yā hūnāna nī</i>	'этая рабыня'.

2) Постпозитивный артикль ناو *nāv* засвидетельствован при трех словах:

أى تونو ناو	<i>i tūtū nāv</i>	'эти туты',
أى شغل ناو	<i>i šuyl nāv</i>	'эти дела',
وياروخ ناو	<i>vyārūc nāv</i>	'эти тыквы (дыни)'.

3) Постпозитивный артикль وان *vān* встречен при одном слове:

يا فساع وان	<i>yā fāṣāx vān</i>	'женщина'.
-------------	---------------------	------------

Из отмеченных последних четырех случаев в одном, *vyārūc nāv* 'эти тыквы', представлен постпозитивный артикль без препозитивного. Количество засвидетельствованных случаев с постпозитивными артиклами *nāv* и *vān* слишком незначительно для того, чтобы можно было сделать далеко идущие о них заключения. Можно только отметить, что все три примера с *nāv* представляют слова во множественном числе. Случаи с постпозитивными артиклами نی *nī* и شغل *šuyl* *nāv* при одном и том же слове شغل *šuyl* 'дело', с противоположными значениями ед. и мн. ч.:

أى شغل نی	<i>i šuyl nī</i>	'это дело'
-----------	------------------	------------

и

أى شغل ناو	<i>i šuyl nāv</i>	'эти дела',
------------	-------------------	-------------

при наличии двух других случаев:

أى تونو ناو	<i>i tūtū nāv</i>	'эти туты'
-------------	-------------------	------------

и

وياروخ ناو	<i>vyārūc nāv</i>	'эти тыквы (дыни)'
------------	-------------------	--------------------

во мн. ч. могут дать некоторое основание для утверждения, что постпозитивный артикль ناو *nāv* употребляется в языке наших документов при словах во множественном числе, выражая как бы категорию множественности.

Все отмеченные артикли: *i*, *yā*, *vān* — могут быть охарактеризованы по степени ослабления их первоначальной роли, как самостоятельных указательных местоимений, до полной утраты этой значимости и превращения их в настоящий артикль. К последним следует отнести изменяющиеся по роду артикли *i* (м. р.) и *yā* (ж. р.). Превращение этих бывших указательных местоимений в настоящие артикли с крайне ослабленной самостоятельной значимостью обнаруживается прежде всего в случаях абсорбции этого артикла (таких, как в названии месяца *uārah* или в слове *yāst* 'небо'), абсорбции, первым условием становления которой и является крайнее

¹ *Basn* <др.-ир. *hama- rafni- 'жены одного мужа'.

ослабление самостоятельной значимости. Вторым показателем ослабления их значимости является возникновение вторичных, постпозитивных артиклей: *nā*, *nāv* и *vān*, функция которых заключалась в подкреплении определенности сопровождаемого ими имени существительного после ослабления значимости препозитивного артикля. Место, занимаемое артиклами *nā*, *nāv* и *vān* после слова, к которому они относятся, и сочетания их с препозитивным артиклем (засвидетельствован лишь один случай без препозитивного артикля: приведенное выше *vuāgīc nāv* ‘эти тыквы, дыни’) — все это утверждает роль этих слов как артикля.

⌚ *nā* в качестве самостоятельного указательного местоимения не встречается. Оно может употребляться в этой функции лишь в сложении с другим местоимением نِنْ *nīn* ‘этот’.

Может быть указан в наших материалах один случай употребления *nā*, *nāv* в качестве самостоятельного указательного местоимения, в недостаточно ясном, правда, контексте اَنَّاتِ نَاوُ *acātī nāv*, что может быть переведено как ‘что есть это’.

Этот случай может быть приведен в качестве доказательства употребления نَاوُ *nāv* как самостоятельного местоимения, так как и в качестве артикля примеров для этого слова в наших материалах весьма немного (при словах: *tūtū* ‘туты’, *šiyl* ‘дела’ и *vuāgīc* ‘тыквы’). На неослабленную значимость *nāv* может указать употребление этого постпозитивного артикля в одном случае без препозитивного: *vuāgīc nāv* ‘эти тыквы’.

Nāv и *vān* — образцы многочисленной, хорошо представленной и в наших материалах, и в согдийском, и ягибском языках из группы скифских категорий сложных местоименных образований из двух и более основ.¹ Они состоят из основ указательного местоимения: др.-ир. *ana* и *ava*. «Таинственное» согдийское местоимение үшту ‘этот’ отныне должно потерять свою таинственность: оно представляет сложение из *yw* и *ny*, т. е. состоит из трех основ *yw<hau*, *na<ana* и *yw<hau*. Христ.-согдийское *xipu* состоит из *xw+ny*; в последнем следует видеть косвенный падеж указательного местоимения, идентичного с хорезмийским ⌚ *nā*. Весьма вероятно, что часто встречающаяся в согдийских текстах частица *ny*, которую принято было считать идеограммой *ZY*, окажется при проверке во многих случаях в действительности тем же указательным местоимением, что и приведенное выше *ny* из сложения *xipu*. К таким примерам можно отнести два предложения из *VJ*, цитированное выше: *rtyšy 'yw kršn 'uyxipscub 'y c'n'kw ny 'cu ywyr βty* ‘и его красота была такого рода, как та (красота) бога солнца’. Функция этого местоимения полностью совпадает с соответственной немецкой или французской: *et sa beauté était pareille à celle du dieu soleil*. Другой пример почти идентичен с первым:

¹ Ср. выше *nānāvak* ‘такой-то’.

rty šy γw kršn m'yd γ'y č'n'kw ny ZKn βry 'и его красота была такой, как та (красота) бога' — *et sa beauté était comme celle d'un être divin.*

Данные примеры увеличивают число совпадений строя согдийского и хорезмийского языков. На близость структуры обоих среднеазиатских скифских языков и вытекающую отсюда, естественно, пользу сравнительного их изучения, уже нами указывалось ранее, последний раз в статье под заглавием «Согдо-хорезмийские диалектологические отношения».¹

¹ См. Сов. востоков., т. IV, 1944.

ХОРЕЗМИЙСКИЕ ГЛОССЫ В СОЧИНЕНИИ «ҚЫНИЙАТ
АЛ-МУНИЙА...» ('ПРИОБРЕТЕНИЕ ЖЕЛАННОГО...')
ХОРЕЗМИЙСКОГО ЗАКОНОВЕДА XIII в. НАДЖМ АД-ДИН
АБУ-Р-РАДЖА МУХТАР ИБН-МАХМУД АЗ-ЗАХИДИ
АЛ-ГАЗМИНИЙ¹

ГЛАВНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Gr. и Gr., II	— E. Benveniste, <i>Essai de Grammaire Sogdienne. Deuxième partie.</i> Paris, 1929.
вах.	— ваханское.
барт.	— бартангское (цитаты из работы И. Зарубина «Бартангские и рушанские тексты и словарь», Л., 1937).
сак.	— сакское.
руш.	— рушанское.
ZII	— <i>Zeitschrift für Indologie und Iranistik.</i>
VJ	— <i>Vessantara Jātaka</i> , éd. Gauthiot J. A., 1912.
язг.	— язгулемское.
мундж.	— мундженское (цитаты из работы И. Зарубина «К характеристике мундженского языка». Л., 1927).
шугн.	— шугнанское.
SCE	— <i>Le Sutra des Causes et des Effets</i> éd. R. Gauthiot, P. Pelliot et E. Benveniste. Paris, 1929.
V.	— <i>Vidēvdāt</i> (<i>Vendidad</i>).
R., I, II	— H. Reichelt. <i>Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, I und II Teil.</i> Heidelberg, 1928—1931.

¹ Настоящая статья, подготовленная к печати в 1940 г., является результатом частичного выполнения поручения, возложенного на автора Институтом востоковедения Академии наук СССР в 1936 г., когда в Рукописное отделение Института поступила рукопись этого сочинения. Оно представляет собою собрание фетв о браке, разводе, клятве и т. п. К основной рукописи пришита тетрадь, заключающая три сочинения Джелал-ал-Имади, в том числе перевод указанных глосс на арабский, частью на персидский язык. Предварительным сведениям об этом источнике и хорезмийском языке посвящены две статьи в VII т. Зап. Инст. востоков. АН СССР, 1939 г.: С. Л. Волина, «Новый источник для изучения хорезмийского языка» и А. А. Фреймана «Хорезмийский язык». Издание самого сочинения как источника нашего исследования поручено выполнить С. Л. Волину. Это издание ныне печатается отдельно, так как оказалось более целесообразным отделить издание текста от исследования заключающегося в нем хорезмийского языкового материала, ввиду того, что не для всех читателей, интересующихся хорезмийским языком, может представлять интерес весь текст «Қынийат ал-мунийа...» и, наоборот, не все читатели «Қынийат ал-мунийа...» с одинаковым интересом отнесутся к лингвистическому анализу хорезмийского материала. На основании подготовленного к печати С. Л. Волиным критического издания этого источника, с его переводом, автором этих строк, помимо указанной выше предварительной статьи о хорезмийском языке, помещенной в VII т. Зап. Инст. востоков. АН СССР, напечатаны статьи: «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке» (Учен. зап. ЛГУ, 60, 1940), а также «Согдо-хорезмийские диалектологические отношения» (Сов. востоков., т. IV, 1947) и «Артикли в хорезмийском языке» (Сов. востоков., т. V, 1948).

I. كتاب النكاح — КНИГА О БРАКЕ

إِخْيَوْ فَارِيَّنْ مَاءْ بَرَا دِينَارْ

aciva $\beta\bar{a}r\bar{x}(x)a$ mā para $\delta\bar{i}nāra$ ‘нашла ли ты согласие на это за динар?’
точнее: ‘а что, приняла (взяла) ли ты меня за динар?’ перс. **راضی شدی با**
من یافتی نورضا بیک دینار

1 *a* — вопр. част., *civa* — вопр. мест.; ср. согд. *čw.* (Gr., 132).
فَارِيَّنْ $\beta\bar{a}r\bar{x}(x)a$ — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *βar* — ‘получать, принимать, брать’, согд. *βug-* с закономерным в хорезмийском языке удлинением гласного *a* в основном слоге для образования основы прошедшего времени: *βar*:*βār*. Это закономерное удлинение гласного *a* для образования основы пр. вр. в хорезмийском языке является отражением древнего аугментума, до сих пор сохранившегося в полной мере в ягнобском языке (*t'far-*:*at'far-* ‘давать’) и засвидетельствованного также в согдийском. В последнем он выразился, между прочим, подобно хорезмийскому языку в удлинении гласного *a* (*θβr-*:*θ'βr-* ‘давать’).¹ *-ix(xa)* в форме $\beta\bar{a}r\bar{x}(xa)$ представляет окончание 2-го л. ед. ч. conjunctiv'a и пр. вр.; оно восходит к **hait* (ср. перс. *hē*) — личной форме optativ'a глагола *ah. mā* — вин. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. ‘меня’. ‘**بَرَا para** — предл. ‘за’. **δِينَارَا** ‘динар’. Ввиду непоследовательности огласовок наших рукописей, выражавших вин. п. через фатху, дамму или без огласовки над последней буквой, трудно с уверенностью определить окончание вин. п. ед. ч.; повидимому им был редуцированный гласный, восходящий к *-i* < *-am*, ср. согд. *-w* < *-am*.

فَارِيَّنْ

βārin(na) ‘я приняла, взяла’.

Окончание 1-го л. ед. ч. пр. вр. *-in*. Наличие конечного согл. *-n* в этом окончании, а также в соответственной форме conjunctiv'a [*ikkā(n)* ‘(если) я буду делать’], является одной из особенностей, сближающих хорезмийский язык с осетинским, где также 1-е л. ед. ч. пр. вр. и conj. оканчивается на *-n* (*кодтон* ‘я делал’ и *кенон* ‘я буду делать’). Гласный *-i* окончания *-in* пр. вр. хорезмийских глаголов отражает конец основы большинства хорезмийских глаголов, образовывавших наст. вр. по классу *-aya-*, *-iya-* (*ðāriyāt* ‘имею’ и т. д.).

¹ Ср.: Gr., стр. 46, и в особенности статью Рейхельта «Beiträge zur soghdischen Grammatik» (Studia Indo-Iranica — Ehrengabe für Wilhelm Geiger, Leipzig, 1931, стр. 248—249); см. теперь также указанную выше статью автора «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке».

اخيو فاريغ ما، فنكاح

aciva βarīx(xa) mā finikāha 'согласилась ли ты на брак за столько?' точнее: 'приняла ли ты меня в брак?', перс. راضى شدی بنکاح بجنلبن.

فنكاح *finikāha* 'в брак'. Предлог *fi-*, чередующийся в этом значении с بـيـ *bi* (ср. согд. *ry*, ягноб. *re*), выражает направление, нахождение в чем-нибудь, орудие, близок по значению к персидскому *اب*, с которым он связан исторически. Не ясно, имел ли здесь место переход в начале слова *r* в *f*: как в осетинском (ср. осет. *ֆանդա* 'путь'), что было бы единичным явлением, так как в хорезмийском начальное *r* сохранилось (ср. پنداك *pindāk* 'путь'), или же здесь можно отметить изменение (графическое?) под влиянием арабского نکاح *nukāh* (встречается и в написании 'брак' — заимствование из персидско-арабской религиозно-бытовой терминологии).

آز (از فامس باخغازين)

آز (az βāmis pācyāzīn(a)) 'я также пожелал тебя' точнее: 'принял', перс. من نيز خواستکاری کردم نرا.

آز или از (az 'я') — личн. мест. 1-го л., ср. осет. *aż* и т. д. فامس *βāmis* 'тебя также'. فا или قا, как дальше в других местах. *βā* (или с глухим *fā*) вин. п. личн. мест. 2-го л. 'тебя' < др.-ир. *θvāt*. مس *mis* 'также', ср. согд. *m'yud* 'так', барт. *mis*. باخغازين *بـاـخـغـازـيـن* с بـ с بـ с باخغازين — с удлинением гласного *a* для образования прошедшего времени, см. выше.

اما پاسندخ بي سـلـ دـيـنـاـرـ (في سـلـ دـيـنـاـرـ)

اما پـاسـنـدـخـ بي سـلـ دـيـنـاـرـ (في سـلـ دـيـنـاـرـ) 'довольна ли ты мною за сто динаров?', перс. بسـنـدـلـيـدـيـ مرا بـصـدـ دـيـنـاـرـ? مرا قـبـولـ كـرـدـيـ بـصـدـ دـيـنـاـرـ?

اما *amā*: вopr. част. *a+ta* — вин. п. личн. мест. 1-го л. *pāsindixa* (перс. پـسـنـدـلـيـدـيـ) 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a*, см. выше. سلـ *sid* 'сто' ср. согд. *stw*, осет. *cæðæ*, перс. *sad*. Гласный *i* < *a* под влиянием предшествующего *s* или же кесра здесь, как и в ряде других случаев, выражает *ě*. *d* < *t* в положении после сонорного закономерно в хорезмийском. دـيـنـاـرـ *đināra*: *-na* < *-nāt* — показатель косв. п. мн. ч. Употребление мн. ч. при числительном (здесь *sid đināra*, *hažār parāspa* 'тысяча разводов', как далее) отмечается здесь наряду с ед. ч. (*sid đinār*) в другой рукописи.

اقار نانی (نان)

ағарі нан(i) 'пусть будет так'.

aғarī — 3-е л. мн. ч. (медиального залога?) от основы *aғa* 'быть'. Составитель словаря различает, как следует из цитаты ниже, окончания *-āri* и *-āra* (с кесрой и фатхой), а также окончание *-īr*. Последнее является окончанием наст. вр., а первые два — conjunctiv'a, притом *-āri*, повидимому, медиального, а *-āra* активного залога. В хорезмийском языке, таким образом, сохранились древние окончания 3-го л. мн. ч. с элементом *r*, представленные среди иранских языков: в авестийском (*ārhaire* 'сидят' 3-е л. мн. ч. медиального перфекта), ягнобском (*akunor* 'они сделали') и сакском (*bvāre* 'они понимают' 3-е л. мн. ч. наст. вр. медиального залога). Форма 3-го л. ед. ч. пр. вр. этого глагола *taғīd* 'он был' (см. ниже), характеризуемая начальным *t-*, который является признаком пр. вр. лишь в глаголах, основа наст. вр. которых начинается с гласных, очевидностью свидетельствует, что основа этого глагола в хорезмийском языке, восходящего к др.-ир. **bav-*, начиналась с протетического гласного *a:aғa*. Следует поэтому считать, что и в согдийском '*β*' 'был' начальный гласный *a* — не аугмент, как сказано в согдийской грамматике (Gr. II, 45) и за ней в цитированной выше работе Рейхельта (стр. 248), а протетический гласный, как в соответственной основе хорезмийского глагола. *nān(i)* — косв. п. указ. мест. 'этот', в адвербиальном значении 'так'.

هافریند يا ذُعْدَام بِي سِد دِينارْن كَابِنَ

hāβ(i)rindi yā δuydāmi pi sid δinārna kābīna 'я дал тебе мою дочь за сто динаров махра', перс. دادم دختر خودرا من بصد دینار کابین.

hāβ(i)rindi 'я дал тебе': *hāβ(i)rin* 'я дал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного основы от глагола *haғar*, сак. *haur*, согд. *θfr*. ягноб. *tifar. di* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. <*tai*. **يا** *yā* артикль женского рода, соответственная форма мужского рода **ای** *i*. Наличием названного артикла в хорезмийском языке и случаями его абсорбции следующим за ним именем (что значительно облегчалось гласным исходом артикла) может быть объяснено появление таких форм, как *yāst* 'небо' (из *yā āst*). Абсорбция артикла (явление хорошо засвидетельствованное в ряде других языков, ср., напр., *البُوَانِ لِيُوَانَ* из *ليوان* 'портик') вызвала впоследствии в свою очередь появление постпозитивного артикла **ن**, о чем речь будет ниже.

ذُعْدَام δuydātī 'мою дочь': **δuydā** 'дочь' — закономерное соответствие ав. **دُغَدَار**, *dugdar-*, *duғdar-*. **ti** — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. 'меня, мой'. **كَابِن** *kābīn* 'махр, выкуп за невесту, калым'.

هافریند فِ نَكَام

hāβ(i)rindi fi nikāha 'я дал тебе в брак'.

آهی هافرینغ

ăhī hāβ(i)rīx(a) ‘отдал ли ты ее’, перс. اهی ؟ ادادی (вар. آهی).

ăhī — вопр. част. ă+hī — вин. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. hāβ(i)rīx(a) ‘ты отдал’ — 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлиненным гласным *a* основы от *haβar*, ср. согд. ӯғr и окончанием ӣx(a); ср. выше.

هافرین

hāβirīna ‘я отдал’ (вар. هافرین) — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от того же глагола.

شاد

Значение этого слова не ясно. Объяснение в тексте: «Значение его — согласие на обещанное. Это — согласие (если оно сказано) во время заседания, не после него». З-е л. ед. ч. conjunctiv'a от какого-то глагола (?), испр. на شماخ ‘вы’ (?) или ҳavād ‘путь будет’ (?).

امیه هافرخ ای زرد ف نکاح

amīhī hāβ(i)rīx(a) I zīrđ fi nīkāh ‘дала ли ты мне (его) сердце на брак?’ (т. е. ‘имеешь ли ты склонность к браку со мною?’), перс. داری دادی (вм. بمن بنکاح).

امیه amīhī — вопр. част. a+mī — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. ‘мне’ < *mai* + hī — вин. п. ед. ч. энкл. мест. 3-го л. ‘его’ < *hai*. hāβ(i)rīx(a) ‘ты дала’ — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *haβar*. ای i — артикль м. р. zīrđ < ав. zərəd, согд. (с перестановкой) ӯrz. fi nīkāh(a) ‘на брак’.

لعامال

lāmhāl арабск. ‘неизбежно’ — адвербиальное выражение.

هاء hā ‘да’ (?).

فی جفتاواک فی ملا لاوک اهافرخ

fi juftāvak fi halālāvak ahāβ(i)rīx(a) ‘отдал ли ты в состоянии дозволенности и способности к браку (твою доверительницу)?’.

جفتاواک jufṭāvak — абстрактное имя от *juft* (перс.) ‘супруг, супруга’, с суффиксом абстрактности -āvak. *jufṭāvak* ‘брачность, способность к браку’, ср. средн.-перс. суффикс абстрактности -ēvay (*framatēvay* ‘поручительство’), осет. -иу(ə)г (хистәриуң ‘свойство, обязанности старшего’). ملا لاوک halālāvak ‘состояние дозволенности’ — абстрактное имя с суффиксом -āvak от арабск. حلال ‘дозволенный’. اهافرخ ahāβ(i)rīx(a) ‘дал ли ты’ — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *haβar* с вопр. част. a.

حلال می پاروْزدَ

halāla mī pārvuzda ‘разрешенной мне стала’, перс. دلل شد مرا.

حلال halāla ‘разрешенная’ — с показателем ж. р. *a*. *mī* — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л., ср. согд. *ty.* *pārvuzda* ‘стала’ <*par + vart* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* первого слога и обычным для хорезмийского и отчасти для согдийского (в особенности христианско-согдийского) выпадением *r* в группе согласных¹ образует страдательный залог.

خوشیا کام کام حلال پُرۇڭىن

c“iy”ciyakāma kāmmi halāla parvuzācīnna ‘как только станет такая-то дозволенной мне’.

c“iy”ciyakāta: *kā* — временной союз с оттенком значения многократности: ‘когда, всякий раз когда’, перс. هرگاه. *c“iy”ciyakāta* *kā* < *c“iyu(d)-ciyakāta* *kā*. *ciya* — вопр. мест., ср. согд. *čw*, *’čw*, осет. *ci*, *чи*. *yu(d)* — прич. пр. вр. от безличного глагола *yau* ‘долженствовать, недоставать’, ср. согд. *yw-*, см. Gr., II, 9 (где исправить значение ‘désirer’ на ‘manquer, être nécessaire, falloir’), ср. осет. *ыауун*, *yu(d)* — в значении имени: ‘необходимый срок, время’, ср. осет. *ыауд*, *аңыуд*. *kāta* ‘желание, воля’ — в функции обобщительной частицы, ср. лат. *libet*: *ciyakāta* || *quod-libet*. *kā* — союз ‘когда, если’; *c“iy”ciyakāta* *kā* ‘всякое (любое) время, когда; каждый раз, когда; когда’; *-mī* (с удвоением *m* после гласного) — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. ‘мне’. پُرۇڭىن — два слова: глагол *purvuzāc* и мест. *inna*; *purvuzāc* — 3-е л. ед. ч. *conjunction*’а в придаточном предложении времени от ранее засвидетельствованного глагола *parvuz*; колебание огласовки в первом слоге *a* | *u* — под влиянием губного согласного; *ج* вм. *j* — не ясно (быть может *j* выражает *dz*?). Признак *conjunction*’а — долгое *a*, как в согд., перс. и осет. *қанон*, *қенай*, *қана*. *-c* — оконч. 3-го л. <*ti*, в хорезмийском закономерно, аналогичный переход в согдийском *t(i)>c* спорадичен, ср. согд. *γсу*, *βwсу*. *inna* — указ. мест. ‘эта, такая-то’.

کاھ فضولیك نکاح اکا

kāhhī fuzūlik nikāh ikkā ‘если я женюсь (сделаю бракосочетание) на ней браком Фузули’ (значение не ясно).

kā — союз времени, условия ‘если, когда’, *hi* (с удвоенным после гласного *kkāhhī*) — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 3-го л. ‘ей, ее’. *fuzūlik* — образо-

¹ Ср. согд. *prw’st* в том же значении: Gr., II, 22 и К. Г. Залеман, Изв. Российской Акад. Наук, 1913, стр. 1128.

ванное суффиксом *-ik* прилагательное от *fuzūl*. كِل ikkā — 1-е л. ед. ч. conjunctiv'a от глагола *ik* 'делать', с протетическим гласным <*kar* || *k'r*', ср. согд. *'krt*, ягноб. *ikta* 'сделанный'.

كَمْ بَا نَانَامَ وُدْ اَفَّاخْ

kāmmi yā nānāma vud aβ(β)āc 'если мне такая-то женой будет'.

نَانَامَ nānāma — мест. ж. р. وُدْ vud 'жена, женщина', ср. согд. *wōw*, мундж. *wela*; اَفَّاخْ aβ(β)āc — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a от *aβ* 'быть'.

II. كتاب الطلاق КНИГА О РАЗВОДЕ

هُشْ دِي پَارُوزَ

hiβca dī pārvuzda 'дан тебе'.

hiβca — прич. пр. вр. от *haβar*, *hiβar* 'давать' (согд. *θβr*) с выпадением *r* в группе согласных, ср. выше *pārvuzda*; -с в слове *hiβc* <-t. دِي dī косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л.

هُشْ هِيلَ غِفْنِ

hiβc(a) hīda γiβya 'думай, что дан', перс. داده گیر.

hīda — не ясно, допускает двоякое толкование: 1) *hīda* — энкл. мест. *hi* 'его' + *d(a)* частица, союз, соединяющий два предложения, вводящий главное предложение, ср. согд. *rty*: *hiβca hīda γiβya* (букв.) 'данным его да считай (думай)'; 2) *hīda* (или *hēda*) — указ. мест. = согд. *γud* 'этот'. غِفْنِ (с выпадением *r* в группе <*γrβya по классу на-ya) — пов. накл.=перс. گیر 'возьми, думай', ср. согд. *γrβ-id*.

a) خُرْخِي نَادِ إِسْبَامِيَ

xurciya nāda ispāmiya

ب) خُرْخِي نَادِ غِفْنِ

xurciya nāda γiβya

'думай, что поклялся'

Xurciya — вин. п. ж. р. от причастия *xurc* 'съеденный' <*x"art-*, ср. согд. *γwr*, осет. *хуэрүн*. *nāda* — не ясно, допускает различные толкования: 1) указ. мест., состоящее из двух основ: *nā* <*ana* + *da* <*ta* — 'это'; 2) указ. мест. *nā* + союз *d(a)* <*rty* (см. выше) и 3) прич. пр. вр. 'взятый', ср. ягноб. *nāta*, сак. *nāta-id*. Предложения *xurciya nāda ispāmiya* и *xurciya nāda*

γίβυα почти идентичны по значению: 'думай (считай), (что) поклялся' [собств. 'съедены' (клятвы) о трех разводах]. Текст говорит: «Человек может знать различие между этими двумя словами только, если он знает по-хорезмийски...» Пов. накл. *γίβυа* передается персидским **گیر** 'считай', а *ispātiya* — **انگار** — 'воображай'. Эти оттенки значения автор передает словами: «слово *γίβυа* **غُنْقِي** употребляется только по отношению к существующему», т. е. *γίβυа* имеет отношение к более конкретному пониманию, убеждению, чем *ispātiya*; это и выражено персидским переводом **گیر** 'считай' (собств. 'держи') и **انگار** 'воображай'. *ispātiya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. <*us-pati-tā(y)*> соответствовало бы этимологически персидскому **پیمودن**.

هزار پراشن فی پچکوساد فانشین

hazār parācna fī puckōsadi βānc̄īn (перевод в тексте:) 'я привязал тысячу разводов к краю твоего покрываля'.

هزار *hazār* 'тысяча'. Это слово, как и ряд других, свидетельствует о наличии и сохранении в хорезмийском *h* в противоположность другим восточно-иранским языкам, в том числе соседним: осетинскому и согдийскому; нет оснований считать *hazār* заимствованием из таджикского, тем более, что и другие сохранившиеся и засвидетельствованные здесь числительные — не таджикские, а закономерные для хорезмийского языка отражения древне-иранских числительных. **پَرَاشْن** *parācna* — косв. п. мн. ч. от *parāc* 'развод', восходящий к род. п. мн. ч. В другом месте приведена другая форма этого слова *parād*. Чертежование в этом слове с и *d* указывает на происхождение здесь с из *t*. Вероятная этимология этого слова **apa+rāta* 'отданный' < ав. *rā*, сп. вах. *rāud*, *rət* 'давать', осет. *parð* 'отданный'. **پُچکُوساد** *fī puckōsadi*; сп. средн.-перс. *rābdōs*, армянское заимствование *ratgos* 'область'. *di* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л., *fī puckōsadi* 'к области твоей'. Предлагаемый перевод: 'я привязал тысячу разводов к твоему краю(?)'. **فَانْشِين** *βānc̄īn* 'я привязал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. по классу на -(a)*ya*- от *band* с удлинением основного гласного *a* и переходом зубного в *c* перед *i*, сп. согд. *βnt*.

خناد هزار پراشن دنا فی پچکوس قشی

xafāda hazār parācna danā fī puckōsa βinciyā (перевод текста:) 'возьми тысячу разводов и привяжи их к нему'.

خناد *xafāda* 'возьми' — 2-е л. пов. накл. от *xaf-*, согд. *yrβ* по классу **نا** *a* с выпадением *r* в группе и оглушением согласных. *xaf-* представ-

ляет параллельное образование к *γιβύα* от того же корня, др.-ир.* *grab-*, но по другому классу, классу на *a*. Разные основы, повидимому, имеют и различные значения: *xafa* 'брать', *γιβύα* 'считать', как это представлено выше в примерах; *da* (в сочетании *xafāda*), вероятно = согд. *rty*. **لِنَّا** — указ. мест. **فِنْجِيَّة** *binciya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. Огласовка в первом слоге изменилась под влиянием следующего гласного. Первоначальная основа звучала *βanc-*, как следует из формы пр. вр., образованной с удлинением гласного: *βancin* 'я привязал'. Буквальный перевод фразы: 'возьми (да) тысячу разводов да их к области (стороне) привяжи'. *ruckōsa* — вин. п.

اما هازىٰ شى

ammā hāziya šē(šī?) [исправить **بَارِي** на **هَانِي** *bārē*(?); см. *Islamica* III, 2, 197] 'напротив, конечно, три'.

امّا *atmā* 'напротив' — арабск.(?) исправить на 'конечно'. (Cр. *Islamica* III, 2, 197). **شى** *šē(šī)* 'три' — закономерное, подобно поздне-согдийскому (ср. *dry* 'три', *'styk* 'третий'), развитие в хорезмийском *š* из *θr*: *šē(šī)* < *θray*. Наряду с переходом *θr* в *š*, могут быть отмечены отдельные (основанные на диалектном смешении или различном положении в слоге?) факты перехода *θr* в *rt*, как это имеет место закономерно в осетинском и в отдельных случаях — в согдийском, ср. хор. *arcik* (или *arcyak*? аналогично перс. *arxīk*) 'треть' (здесь *c* < *t* перед *i*), осет. *ərtəx* 'три', согд. *mrt's'r* 'сюда' < **imadrasara*, а также в *hr* > *r*, ср. *purak* 'сын'.

إِيْ مَعْنَىٰ كَا هُوَ فِيرِ

إِيْ *ma'nāy kā hū βīr* 'смысл тот, чтобы они получились'.

إِيْ *ī(e?)* — указ. мест. или артикль м. р. **مَعْنَىٰ** *ma'nāy* — арабск. 'смысл'. **كَا** *kā* — союз, вводящий придаточное предложение времени, условия, цели. **هُوَ** *hū* — личн. мест. 3-го л. мн. (?) ч. 'они' (?), ср. согд. *'yw* (ед. ч.?) < др.-ир. *ahau*. **فِيرِ** *βīr* — 3-е л. мн. ч. наст. вр. от '*β*' 'быть' с отпадением протетического гласного после слова (*hū*), оканчивающегося на гласный; *-īr* — окончание 3-го л. мн. ч. наст. вр., см. выше.

اما اِقداْخ بَاوَر هُوَ قَارِ

ammā iβdāc yāvar hū βārī (текст указывает определенно на огласовку последнего гласного последнего слова: «с кесрой буквы *r*») 'напротив, чтобы получилось семьдесят раз'.

اَفْدَاخْ *iθdāc* ‘семьдесят’ <др.-ир. *haptāti*, ср. осет. *æððai*. В хорезмийском *iθdāc* отпало начальное *h*, как закономерно в осетинском. **يَاوَرْ** *yāvar* ‘раз’, ср. согд. *y'ur*, средн.-перс. *yāvar id.* **فَارِ** *βāri* — 3-е л. мн. ч. (*medii?*) (см. выше) conjunctiv'a от 'þ' ‘быть, становиться’.

أُونَكْ مَاخْ شِبَاوَرْ

ňtak măc(i) *šiyāvar(a)* ‘ты от меня трижды’.

أُونَكْ *ňtak* — личн. мест. 2-го л., образованное с перестановкой (из *tava*) и субстантивированное именным суффиксом *-ak*, который придал ему большую экспрессивность: *ňtak* ‘ты, (именно ты), ты (в противоположность другому лицу)’, фр. *toi*, ср. аналогичное по образованию и значению согд. мест. *t'þkh*, «*toi, ta personne*» (Gr. II, 111). **مَاخْ** *măc(i)* — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. *ta +* послелог *-ci* ‘от меня’, ср. согд. *mč*, язг. *timjə*, *timja*. **شِبَاوَرْ** *šiyāvar(a)-ši* ‘три’ + *yāvar(a)* ‘раз’.

پرَانَّ

parācca — прич. пр. вр. ж. р. <**apa + rātā* ‘разведенная’, см. выше.

كُثِيَامِيٍّ

kaciyāmih ‘даю (развод)’, (в сноске перевода точнее:) ‘бросаю’.

كُثِيَامِيٍّ — 1-е л. ед. ч. наст. вр. *causativ'a* от *kaf* ‘падать’. *kaciyām*, с выпадением щелевого согласного (*f*) в группе, как часто здесь, и переходом *t* в с перед *i*; *hī* — косв. п. энкл. мест. 3-го л. ‘его’. *kaciyām(i)hī* ‘бросаю его’.

پرَانَّ هَافِيْخْ

parācca hăþþix ‘пусть будет тебе развод’ (точнее:) ‘будь (да будешь) разведена’.

parācca — прич. пр. вр. ж. р., см. выше. **هَافِيْخْ** *hăþþix* ‘будь’ — 2-е л. ед. ч. conjunctiv'a от 'þ' ‘быть’ с окончанием *-ix*, где *x* <**hait*, см. выше. Не ясно начальное **هَا** *hā*. Оно должно быть поставлено в связь с **هُ** *hī* формы *hăþþir*, которое было объяснено выше как указ. мест. и поставлено в связь с согд. 'γw. Поэтому и *hā* должно было бы быть понято как указ. мест. ж. р. (?). Возможно также было бы видеть в *hăþþix* соединение двух основ близкого значения *ah* и 'þ' ‘быть’, обеих в conjunctiv'e. Недостаток материала не позволяет пока уточнить этот вопрос.

مُخَسِّنَافٌ

muxxāssināf 'я отпустил тебя'.

muxxāssināf — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *tmixxāssin(a)* + вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. *f(a), β(a) < ḫvāt*. Глаголы, основа настоящего времени которых начинается с гласного, образуют основу прошедшего времени посредством присоединения в начале согласного *m-*. Подобное образование прошедшего времени было отмечено (без объяснения) К. Г. Залеманом в 1913 г. (Изв. АН, стр. 1144). Залеман определил согд.-христ. форму *m'ywnt* 'одел' как *imperfectum definitum* в противоположность формам с частицей длительности *-sq* (= согд. буд. *skvn*), которые названы им *imperfectum continuum*. Определение форм с начальным *m-* как прошедшего определенного, т. е. законченного, едва ли правильно ввиду того, что законченное действие выражают и глаголы в прошедшем времени без приставки *m-*. Залеману не было вполне ясно, что приставка *m-* присоединяется в прошедшем времени лишь в глаголах, основа которых начинается с гласного. Во всяком случае за ним остается заслуга определения *m-* как частицы, образующей прошедшее время. Шагом назад является объяснение этой частицы в согдийской грамматике Бенвениста (Gr. II, 59—60), где формы: *tm̄c'y-* и *'n̄cy-*, *tm̄yz-* и *'n̄yz-* объясняются как параллельные, и в этих глаголах, начинающихся с *'n*, предполагается наличие удвоенной приставки **(h)am-* *an-*. Бенвенист не заметил, что формы с *m-* все в прошедшем времени. В хорезмийском языке достаточно глаголов, не начинающихся с приставки *an-*, основа которых начинается с гласного. Все эти глаголы مَكِّن *mikkīn* 'я сделал' от *ik-*, مُخَاصِّتٌ *muxxāst* 'устал' от *ihxāh < vxāh, xvāh-* (ср. осет. *хуайун* || *хуаст*, средн.-перс. *x^oast*, н.-перс. مُخَسِّنَة), مَيْنَ *miyin(a)* 'я был' от *'y-*, مَبِّلَ *maryundin(a)* 'я позвал' от *argynd*, ср. осет. *унергун*; مَبِّلَ *miyida* 'пошла' от *i-*, مَقِيلَ *taθid* '(он) был' от *aθa-* (отсюда можно заключить, что и в согд. *'β* 'был', в противоположность высказанному в Gr. II (стр. 45) мнению, начальное' не аугмент, а протетический гласный (см. выше), مَغْلَدَ *tanγundid* 'надел' от *anγund-*, ср. согд.-христ. *m'ywnt*, مَحْيَار *mixxiyyār* 'заплакали' от *'xx'* < *γrz* (с оглушением звонкого *y* и выпадением согласных в группе и с протетическим гласным), مَاسِنَ *mās(i)n(a)* 'я взял' от *ās-*, مُغْسَلَتَ *tanγast* 'дошло' ('поднялось') от *anγaz*, ср. согд. *'n̄yz-*, مَسِيَّانِنا *tm̄srātīn(a)* 'я вообразил' от *is+ra+tāy-* и др. имеют в основе настоящего времени в начале гласный, так же как и согдийские глаголы с этим префиксом *m-*: *tm̄c'y* || *'n̄cy*, *tm̄yz* || *'n̄yz*. Префикс *m-*, сохранившийся перед гласными, восходит к др.-ир. частицам *tā* или *mat < hmat*, ср. др.-инд. *sta*. Частица *tā* усиливала логическое ударение слова, при котором она стояла, наречие *mat* означало, между прочим, 'всегда'.

постоянно' и могло поэтому употребляться для выражения длительности действия, т. е. вида, модальности, а впоследствии для выражения времени; ср. такой переход функции в перс. частице *mē*; др.-инд. частица *sma* могла употребляться для выражения понятия прошлого, напр. *prativasati sma* 'жил' (глагол в наст. вр. с частицей *sma* в значении пр. вр.). К категории этих частиц и относится наше хорезмийско-согдийское *m-*, восходящее к *tā*, *mat*. Будучи слабо ударным, как и ее древние прототипы, оно могло сохраняться лишь в благоприятных условиях, в данном случае перед гласными. Функция этой частицы-префикса в хорезмийско-согдийском заключалась в подчеркивании претеритального характера глагольной основы. Это было особенно необходимо в данных языках, которые в противоположность другим сохранили древнее образование прошедшего времени от основы настоящего времени.¹ *Mixxāssināf* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *mixxasin(a)* 'я отпустил' + *f(a) < ḍvāt* — вин. п. личн. мест. 2-го л. ед. ч. 'тебя'. *Mixxāssin* < *vi + hrz*, ср. согд. *wyšmnty* 'освобождение'. Начальное *vi-* дает в хорезмийском *u-*, ср. **أُوسِب** < *vispa* 'весь'.

اوْنَكْ شِيَاوَرْ پِرَاعْ

ňtak šiyāvar(a) parāc(ca) (paruc) 'ты трижды разведена'.

شِيَاوَرْ مَاخْ پِرَاعْ

šiyāvar(a) māc rūgīc 'трижды от меня на месте'.

В колебании *parāc(ca)*, *rūgīc*, возможном при быстрой речи, заключается игра слов, которую приводит текст. Написание этих слов: *parāc(ca)* и *rūgīc* отличается лишь в надстрочных знаках. **پِرَاعْ** «с даммой буквы ب», как определено говорится в тексте, представляет имя существительное **مَاخْ** ис 'место' и предлог *par* 'в, на', перс. **بِر**, в котором гласный уподобился гласному следующего слова *ис*. **مَاخْ** ис 'место', где с < *t*, известно нам из согдийского *'wt̪* мугских документов, *wt̪k*. **اوْنَكْ** *ňtak* — субстантивированное личн. мест. 2-го л. 'ты', ср. согд. *t̪β'k* id. **مَاخْ** *māc* — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом *c*, ср. согд. *mč* id. 'от меня'.

اْفَاعِ بَاتْ بَا جُفْتْ شِيَاوَرْ پِرَاعْ

اْفَاعِ بَاتْ بَا جُفْتْ شِيَاوَرْ parāc(ca) 'есть ли от тебя жена тремя разводами'.

¹ См. по этому вопросу: А. А. Фрейман. Образование прошедшего времени в хорезмийском языке Учен. зап. ЛГУ, вып. 60, 1940.

اْفَأْخَ *aβāc(i)* 'от тебя'. *a* — вопр. част. *βāc(i)* — косв. п. личн. мест.

2-го л. + послелог *c(i)*. **بَتْ** *yāt* 'есть' — 3-е л. ед. ч. наст. вр.; ташдид над **تْ** — удвоение конечного согласного вследствие выпадения *s* (?), ср. шугн. *yast*, но ср. согд. *yču* 'есть'. **جُنْتْ** *juft(a)* 'супруга' заимствовано из таджикского.

بَا وُذْ شِيَاوَرْ پِراخْ

yā vuð šiyāvar(a) parāc(sa) 'жена тремя разводами'.

شِي بِرَادْ *ši bīrad* 'жена', согд. *ibdsh*.

شِي parād 'три развода'.

parād || *parāc* — чередование *d* || *c* обусловлено положением перед следующим гласным: *t > c* — перед передними гласными (напр. перед *i*, *e* — окончанием косв. п. ед. ч.), озвончение *t > d* после сонорных.

„Сказали ему (арабск.): «есть ли у тебя жена». Он сказал (арабск.): «Нет». Сказали ему: **اْفَأْخَ يَاتْ** *aβāc(i) yātt(i)* 'есть ли от тебя' и он сказал: **بَاتْ**; если он показал на свою губу и взял ее рукой, ему следует верить, что он не подразумевал жену, потому что значение (слова) **آتِ** по-хорезмийски 'губа'“. Заключенное в выше цитированном отрывке условие основано на сходстве слов **آتِ** и **بَاتْ** 'есть' и **آتِ** 'губа'. Согд. *y't* 'тело, мясо', ягноб. *yāt* id. позволяет предположить, что в приведенном слове *atti* 'губа' в действительности скрывается *yātti* 'мясо'. Составитель текста считал начальное *y* артиклем.

اْفَأْخَ بَتْ اِي جُنْدِ

اْبَّا *yitt(i)* I (ошибка вм. *yā*, слово женского рода) جُنْتادِ *juftadi* 'есть ли от (у) тебя жена'.

— **اِي جُنْدِ بَاتْ** то же, что выше **اِي جُنْدِ بَاتْ** 'жена твоя, жена у тебя'. артикль м. р. вм. (**بَاتْ** ошибочно?), *di* — энкл. мест. 2-го л.

اَمَّا اُخْسَلْ

امما uxssad 'напротив, шестьсот'.

اَمَّا *amma* арабск. заем. **اُخْسَلْ** *uxssad* 'шестьсот', ср. согд. *wuššw* 'шесть', *stw* 'сто'. В хорезмийском обычный переход *š > s*, как в осетинском *uxs < uxš*.

بِيرْ بُوشْ سَنْ

‘ты разведена’ — тюркская цитата в тексте (говорится о тюргах) свидетельствует о распространении тюркоязычного населения и тюркского языка в XIII в. в Хорезме.

شى شى

ši(še) ši(še) ‘три три’.

كَانَدِي اَبُو غَواشِي خُرَنَاهِ كَانَدِي شِي غَوارِي خُرَنَانَ

kăndi ēv γavāci xurnăhi kăndi ši(še) γuvāri xurnăna ‘если тебе нужен один развод, я съел его (т. е. поклялся, подразумевается «клятву» съел, как в перс. سوگند خوردن); если тебе нужны три, я съел их’.

کَانَدِي kăndi ‘если тебе’, kă(n) — союз условия, времени. اَبُو ēv ‘один’, ср. средн.-перс. ēv, осет. ey, iy, согд. ’yw id. غَواشِي γavāci — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a, др.-ир. *γavāti, ср. осет. ғæуүн — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a ғæyya, согд. γw- id. (в Gr., II, 9, неверно «désirer» вм. «falloir, manquer» и «participe» вм. «3 p. s. ind.»). خُرَنَاهِ xurnăhi ‘я съел его’, xur(i)n — 1-е л. ед. ч. пр. вр., hi — косв. п. энкл. мест. 3-го л. خُرَنَانَ xurnăna из xur(i)năna (?), năna — вин. п. мн. ч. указ. мест. ‘их’.

كَا وَسَاخِي حِلَالَ دَحْلَلَ أُودْ كَا وَسَاخِي حِرَامَ دَحْرَامَ

ka vasāci helāla dⁱ helāla ūd ka vasāci harāma dⁱ harāma ‘когда скажет: разрешенная, так разрешенная, когда скажет: запрещенная, так запрещенная’.

— 3-е л. ед. ч. conj., ср. согд. *wys-*. حِلَالَ حِرَامَ — *وساخِي* — заимствовано

из арабского, конечно *a* — показатель ж. р. أُودْ ūd ‘и’ <др.-ир. *utā*> согд. ’t, dⁱ || согд. *rty*.

اوْسَاخِي

usāciya ‘помирись’ — 2-е л. ед. ч. пов. накл. *usāciya* — *v-i-sac.* по классу на -aya-.

پِنْدَاكْ وَ اِنْجِ

pindāk vă inc ‘пути (к)ней нет’.

pindak ‘путь’, ср. осет. фæндак, vă — вин. п. направления (?). <*avām* — указ. мест., ср. βᾶ. اِنْجِ inc ‘нет’ <*na + yati*>.

كاس مبه نېھراري بيارى دوا بنداك انج

kas mīhi nēhiθrāri biyāri dⁱ vā pindāk inc 'если мне ее не дадут в эту ночь, так нет пути к ней'.

ka(s), ka(n)—союзы условия, времени 'если, когда'; к истории частицы *-s* ср. барт. *mis, das* 'так', где *mi-* и *da-* местоименные основы. *mīhi* 'мне, ее', *ti* — косв. п. энкл. мест. 1-го л., *hi* — энкл. мест. 3-го л. *nē, nī* — отрицание при личной форме глагола. *ھەراري hibrāri* — 3-е л. мн. ч. conj. от *haθar* 'давать', согд. *θbr*. *biyāri* 'вечер', ср. ягноб. *wiyor, dⁱ* || согд. *rty*.

فاماد و بنداك بٰت خيو فازان انج

fā mād vā pindāk yittⁱ cīva fā nān(a) inc 'к матери путь есть, а что (почему?) к ней нет'.

ف *fā* (с последующим дальше послелогом) — предлог направления. **ماد** *mād* < *mātā* 'мать'. **و** *vā* — послелог направления(?). **بٰت**, ср. **ياث** 'есть', **نان** *nān(a)* — указ. мест. **خيو** *cīva* 'что? почему?'.

نازڏي [؟نازوڏ ... و ؟] ش پُرادِيك

вм. nāz vūðē šī (šē) purādīk (согласно переводу в тексте: 'я женщина разведенная тремя разводами').

ناز *nāz* 'я' ср. *az, āz* id. Возникновение согласного *n* перед *az* вызвано междусловной фонетикой (sandhi) от сочетаний, в которых предшествовавшее *az* слово оканчивалось на *n*; к таковым сочетаниям должны относиться, напр., 1-е л. ед. ч. пр. вр. любого глагола + *az*, ср. засвидетельствованное в наших цитатах сочетание **مڪن از** *mikkin az = mikkin naz* 'я сделал'. Часто повторявшиеся подобное сочетание и вызвало появление формы *naz*. **نازڏي** в переводе 'я женщина', очевидно, следует исправить, вставив после **ش پُرادِيك** *naz vūðē šī (šē) purādīk* — оформленное суффиксом прилагательного *-īk* сложное слово *šī(šē) purād* 'три развода', *šī(šē) purādīk* 'с тремя разводами, разведенная тремя разводами'.

وابا پُنجاَس پُرادِيك وابا اُخْيَش پُرادِيك

vābā pincās purādīk vābā uxxīc purādīk 'или разведенная пятьюдесятью или шестьюдесятью'.

وَاباً vābā 'или' < др.-ир. vā, осет. yæ+? др.-ир., осет. ба?. pincās purādīk, uxxicpurādīk — образования, аналогичные šīpurādīk. بِنْخَاسْ pincās 'пятьдесят' < pančasat. أُخْيَعْ uxxīc 'шестьдесят', ср. أَفْسَدْ uxxsad 'шестьсот', согд. wryšw 'шесть', ав. xšvaštay-'шестьдесят'.

وَاباً بِنْخَاسْ يَاوَرْ

vābā pincās yāvar 'или пятьдесят разами'.

اَمَا هَزَارْ يَاوَرْ

ammā hazār yāvēr 'напротив, тысяча раз'.

hazār 'тысяча', ср. согд. z'r, сак. ysar, осет. æræs (в эпосе) id < *ha-zahra.

هَزَارْ يَاوَرْ كِيَاٰهْ حَرَامْ

hazār yāvar kiyāhi harāma 'тысяча раз, что ты запрещенная'.

ki — союз причины, относительное местоимение يَاٰهْ yāhi — 2-е л. ед. ч. 'еси', ср. بِتْ بَتْ 3-е л. ед. ч.

إِخِيلْ يُوتْ (بِوتْ وَثْ) بِتْ شَهْتْ

(ba'wuz ba'wuz (глухой ъ вм. обычн. звонкого δ, конечное ъ в слове yitti šubhutti 'а что у тебя жена (есть) в сомнении?' (šubhutti косв. п.?)). a — вопр. част. ci — вопр. мест. šubhutti — арабское заимствование.

فَا جِفْتَى اِنْبَعْ بُوَارْخِبَنْ

fā jiftē (гласный после ѡ изменен под влиянием ѡ, конечное ѵ в слове جِفْتَى выражает косвенный падеж?) anbic puvārcīmmani 'с супругой мы отделились (друг от друга)'

فَا — انْبَعْ fā — anbic — предлог и послелог — соединение, значение которого определяется главным образом послелогом; anbic выражает совместность 'с'. Огласовка i в слове anbic по связи с глаголом βand, спрягающимся по классу на -aya-, с именами βind, βindak. anbic, ср. согд. 'nθnt. بُوَارْخِبَنْ puvārcīmmani < apavart — 'отворачиваться', puvārcīmmani — 1-е л. мн. ч. пр. вр. медиального залога с удлинением гласного a для

образования пр. вр. Окончание 1-го л. мн. ч. *-mani* восходит к др.-ир. медиальному причастию *tana* и засвидетельствовано в функции окончания 1-го л. мн. ч. conj. в сакском языке *hämätane* 'да станем' и может быть засвидетельствовано в согдийском языке (не отмечено до сих пор), например *βυγ'утт* 'мы получаем'¹. Таким образом, это окончание засвидетельствовано для всех средневосточно-иранских языков для 1-го л. мн. ч. Это же окончание *-mini* служит в латинском языке для образования 2-го л. мн. ч. *medii: laudamini* (в последнем *i* является, конечно, окончанием мн. ч. причастия).

چاپشاد

čāpšāda 'бейте в ладоши' (?), ср. тадж. *чон*, согд. *β'δ*.

مانبا کیمی حلال اکتیکام دوا انغوساماکم

manbă kimībi halāla ikkiβ̄īkām d^uvā anyōssāmkām, перс. اگر مرا ویرا
‘агар миравира’
‘манба’ — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом ‘мне’. *ki* — союз
времени, условия ‘если, когда’. ^واکتیکام *ikkiβ̄īkām* — 2-е л. мн. ч. буд. вр.
‘вы сделаете’. Будущее время в хорезмийском языке образуется, так же как и в согдийском, присоединением к спрягаемой форме настоящего времени неизменяемой частицы *kām*; *ikkiβ̄ī* — 2-е л. мн. ч. наст. вр.
Окончание *-β̄ī* восходит к основе косв. п. мн. ч. личн. мест. 2-го л., ср.
zana 'вам, вас', ср. мундж. *mof yīsaf* 'вы берете'. دوا d^uvā 'то, это (?)' d^u<
rty, vā — указ. мест. انغوساماکم *anyōssāmkām* — 1-е л. ед. ч. буд. вр.
с окончанием *-ām*, как в согдийском ‘послушаю’ ('соглашусь'), ср. осет. *нигзосун* 'прислушаться'.

أوفانيَ كِمِي حلَّلَ مِيتَ

ufāniya kimī halāla miytt^a 'в то время, когда (она) была дозволенной
для меня'.

أوفانيَ *ufāniya*, ср. осет. *афон* 'время', او — указ. мест. < *ava*. مِيتَ *miyyt^a* 'была' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с префиксом *m-*, ср. 3-е л. ед. ч.
наст. вр. بات *bit*.

¹ H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

نَاوْ خِكَامْ يِدَّ

nāv cikām(a) yiddi, перс. اینها بسیار اند 'их много есть (суть)'.

نَاوْ nāv — указ. мест., состоит из двух основ <*ana*> + <*ava*>. Сложные местоимения засвидетельствованы в данном хорезмийском документе в достаточном количестве, ср. نَانَام и др., ср. соответственные образования в согд. яз. خِكَام cikām(a) 'много', собств. 'сколько угодно': *ci* 'что', *kām(a)* 'желание' — неопр. мест., ср. лат. *quodlibet*. يِدَّ yiddi 'суть' — 3-е л. мн. ч. наст. вр. с выпадением *n*, ср. сак. *indä*.

بَارْ بَارْخِ نِيَشَامَنْ

pārpārci nīθāmna, перс. از یکدیگر جدا شدیم 'друг от друга отделились' (собств. 'отдельно' [-*pārpārci-*, перс. باره *pāre*] 'сели'). nīθāmna, ср. согд. *nyd* 'садиться'? pārpārci — мн. ч. с показ. *e(i)?* nīθāmna 'сели' — 1-е л. мн. ч. пр. вр. акт. зал. с окончанием *-mna*. Окончание *-mni* медиального залога?, ср. сак. *-mane*(?).

خَاكْ وِيَاكْ

cāk vyāk 'полным домом', перс. تَعْنِي يَكْ خَانَةٌ بِرْ طَلاقَهَا т. е. 'один дом, полный разводов'.

خَاكْ cāk 'полный', ср. перс. جاک *gāk*(?). وِيَاكْ vyāk 'дом' собств. 'место', ср. согд. *wy'k* 'место', средн.-перс. *vy'k*, н.-перс. جا *id.*

خَاكْ سُكْرِنْكْ بِرَأْخَنْ

cāka sukurnuk pirācna 'полной миской разводов'.

خَاكْ cāka — прил. ж. р.? كَاسَه که از گل ساخته باشد 'глиняная миска'. *-uk* — именной суффикс. pirācna 'разводов' — род. п. мн. ч. с оконч. *-na* <-nām>. О категории числа говорит текст в этом месте: «... слово множественного числа по-хорезмийски — я подразумеваю — بِرَأْخَنْ — падает на два, и нет у него (хорезмийского языка) двойственного числа».

أَوَّتَكْ شِيَاوَرْ

ūtak šiyāvra 'ты тремя разами', см. выше.

إِيْ حَلَالِ مَابِرْ إِيْ حَرَامَ

إِيْ halāli (*halāla?*) mābir إِيْ harāma, перс. حَلَال بِرْ مِنْ حَرَام 'дозволенное — для меня запрещенное'.

اى ـى — опред. артикль м. р., ср. осет.-диг. *u* (напр. *u лæи* 'мужчина').
 مابر *mâbir* (или *mâpar*) — вин. (нправ.) п. лиц. мест. 1-го л. с послелогом, ср. согд. *-pr.*

سُكْنَدْ خُرْخَانْدِ سُكْنَدْ غَوَّاخْ

sukand xura cāndi sukandi γ^uvāc. 'клятву ешь (клянись), сколько клятвы нужно'.

سُكْنَدْ *sukand*, перс. id. سوگند *xura* — 2-е л. ед. ч. повел. накл., перс. *cāndi* 'сколько', ср. согд. *čntn.* خاندِ. خور. *γuvāc* 'нужно будет' — 3-е л. ед. ч. conj. от *γau*, ср. осет. *изауун*, согд. *γw*

خَوَّاهَوْخْ مِبِيسْ إِكْ دَا نَازْ حَدِيثْ إِكْ

xuvāhāvc(i) mīmas ikka da naz hadīs ikkā 'позволь мне, чтобы я рассказала'.

xuvāhāvc ... ikka 'позволь' — сложный глагол, состоящий из абстрактного имени *xuvāhāvc* и 2-го л. ед. ч. повел. накл. от глагола *ik* 'делать' <*kar*>, согд. *'kr.* В слове *xuvāhāvc -(ā)vc* — суффикс, образующий абстрактные имена, ср. аналогичный (с перестановкой) суффикс в царфянском языке *-ft* <*-θva*. Основа наст. вр. *xuvāh-* заимствована из зап.-ир. 'желать' (?) или к <*vihrz-* 'пускать' (?), ср. *tūxāsim* 'я пустил' — не ясно. مِبِيسْ *mīmas* 'мне', точнее: 'мне' — *mī + mas* 'так', ср. барт. *mis* — основа указ. мест. <*ima*+суф. *s*, ср. здесь часто *kas* 'когда', *cas* 'что, сколько': دا *d* || согд. *rty*. نَازْ *naz* 'я' — личн. мест. 1-го л., см. выше. حَدِيثْ *hadīs* 'рассказ' — заимств. из арабск. حَدِيثْ *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conj. *ikkān* id.

مِكْنَازْ دَخَانْ إِكْ دَنَا إِكْ

mikkinaز dⁱ candi ikki dⁱ nā ikka 'я позволил (собств. 'я сделал', подразумевается 'разрешение' *xuvāhāvc*), 'сколько (что) расскажешь' (собств. 'сделаешь', подразумевается 'рассказ' *hadīs*), 'то' *dⁱ* 'это' *nā* 'расскажи'.

mikkin — 1-е л. ед. ч. пр. вр. Соединение в контексте слов, подобных *mikkin*, с конечным *n* и мест. *az* и вызвало возникновение параллельной к *az* формы *naz*. إِكْ *ikki* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. نَا *nā* — указ. мест. <*ana*.

خَوَّاهَوْخْ مِي إِكْ دِ شَاهِيدِ إِكْ

xuvāhāvc mī ikka dⁱ dī šāhīdīk (?) ikkā 'позволь мне, чтобы я сделал действие, вредное для тебя'.

شاهر د $d^a < rty.$ دی $dī$ ‘тебе’ $< tai.$ $\dot{sh}\bar{h}d\bar{d}k$ заимствовано из арабского с суф. \bar{ik} (?), не ясно ввиду расхождения значений: арабск. شاهر ‘свидетель’ [переход значения через перс. شاهرباز ‘любовник’(?)]

ای فیندِک ذار ما قُمْ

۱ $\betaēndīk$ ($\betaēndīk$) $\deltaāra$ $mā$ \betaaxxa , перс. مرا بخرا بخش ‘подари меня богоу’ (т. е. ‘прости меня’). $\betaēndīk$, перс. خدا собств. ‘господь’ (первон. знач. ‘господин’) в противоположность понятию الله — ‘бог’. $\betaēnd$ (встречается ниже) ‘муж’ $< band$ ‘связывать’, $\betaēndīk$ ‘связывающий’, ‘бог’. $\betaēnd$ ‘связь, супруг’. Относящаяся к этому месту цитата в рукописи Д: این شوهر که داری بمن بخش ‘этого супруга, которого имеешь, подари мне’, может быть понятна при предположении, что переписчик смешал $\betaēndīk$ с $\betaēnd$. ماردار $\deltaāra$ — показатель косв. доп., дат. п. ردار $< r\deltaāra$, напр. $mar\deltaāra$ ‘мне’ $<$ др.-ир. послелога $rādi$, с перестановкой и удвоением, ср. соответственные отражения этого послелога с тем же значением в других иранских языках: барт. -re, -r^e, -rō, руш. -(a)re(d), вах. -rī, -r, -rək, перс. rā и т. д. ما $mā < māt$ ‘меня’ — вин. п. личн. мест. 1-го л. قم $\betaaxxa < baxs$ ‘подари’ — 2-е л. пов. накл.

فاختناف

βāxxanāba ‘я подарил тебе’ — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением *a* в коренном слоге для образования прошедшего времени. $\check{\text{ف}} \betaā < \vartheta vāt$ — вин. п. личн. мест. 2-го л. ‘тебя’.

يا ذست مَازَدَ (مَارْذَ) انبرَ مُعَّاكَ

دست از من کناه بکن $yā \check{dist}$ (\check{cast}) $mārda$ ($māzda$) $anbaz$ mac $ikka$, перс. ‘сделай от меня короткой руку (т. е. не прикасайся ко мне)’.

با — опред. artikel ж. р. ذست $dist$ ($dast$) ‘рука’ согд. dst . $mārda$ (?) вм. $māzda$) — сокр. вм. $mār\deltaāra$ (?) ‘мне’. انبرَ $anbaz < anbarz$ с выпадением *r* (?) ‘короткий’, ср. согд. $mwrzk$ id. مُعَّاكَ mac — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом ‘от меня’, ср. согд. $mč$, id.

أونك مَارْذَارَ فِي جُفتاوكَ نِي شايَ

تو مرا بجنتى نمى شائى $\check{ittak} mār\deltaāra fi juftāvk nē šayī$, перс. ‘ты мне не подобаешь в супружество (не годишься в супруги)’.

أُونك ٰitak — личн. мест. 2-го л. 'ты', ср. согд. *t'β'k*. *mārdāra* — дат. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. от основы косв. п. *mā* + формальный показатель-*rđāra*, ср. выше. **جُفْتَافُك** *juftāv(a)k* — образованное суффиксом -āvak от слова *juft* абстрактное имя. **فِي** *fi* — предлог. **نِي** *nē* — отрицание при изъяв. накл. **شَاءِي** *shāyī* 'подобаешь' — 2-е л. ед. ч. наст. вр.

درام يا أُونك

harām(a) yā (вм. *yāhi*) ٰitak, перс. درام نوئی 'ты (только) запрещенная'.

دَامِ وَذْ حَلَالَ مَا اقْتَلَعْ

dammi vuð halāla mā aββāc, перс. خانون بر من حلال مبادا, так да не будет мне жена дозволенной'.

دا *da* < согд. *rty*, *ti* (с удвоением начального *t* после гласного, как часто здесь) — энкл. мест. 1-го л. **ما** *mā* — отрицание при conj.<ир. *mā*, ср. осет. *ma* и т. д. **اقْتَلَعْ** *aββāc* 'да будет' — 3-е. л. ед. ч. conj.

كَافَنَا خَبِيرَ (?) زَيْبُوكْ بَرِي هَقِي اخْوازِيَا دَشِيَارُ بَرَادِكْ اقْتَلَعْ

kā βanā cipar(?) ēv katar(?) haβi(?) acvāziyā d* šiyāvar parādik aβāc 'если к вам кого-нибудь... введу, то трижды разведенным пусть будет' — не ясно, чтение конъектурное.

ك *kā* — союз условия, времени. **فَتَا** *βanā* — косв. п. мн. ч. личн. мест. 2-го л., новообразование аналогично *tanā* для 1-го л., по именному склонению с окончанием род. п. мн. ч. -na (ср. *parācna* 'разводов') от основы косв. п. мест. 2-го л. *βa:βanā* 'vas'. *cipar* (ср. согд. *čwpr*) — послелог: *βanācipar* 'к вам' (?). **هَقِي** *haβi(??)* — преф., ср. согд. *βy-*. **اخْوازِيَا** *acvāziyā* (если) введу' — 1-е л. ед. ч. conj. от *√vaz-* — понудительная форма с преф. *ac* <*ati*. **بَرَادِكْ** *parādik* 'разведенный': *parād* <*para+rā*+суф. прил. -ik. **اقْتَلَعْ** *aβāc* — 3-е л. ед. ч. conj.

نَادِيَا شِ بَرَادِ

nādiya ši parādi, перс. دار سه طلاق را 'держи три развода'.

نَادِيَا *nādiya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. по классу на *aya*, ср. ягноб. *nāt*, сак. *nāta* 'брать'.

مَكْمَنَاهِ اَيْ مَرَادِهِ دَاسِهِ تَبَرَّكَ اقْتَلَعْ

mikkimnahi ī murādhi dashi tabarrukak aβāc 'мы сделали желаемое ею и да будет благословенно для нее'.

مَكِّنَاهٌ *mikkimnahi* — 1-е. л. мн. ч. пр. вр. от *ik-* с *m* формантом пр. вр. в основах, начинающихся с гласных, + *hi* — энкл. мест. 3-го л. ای *i* — опред. артикль м. р. مراده *murādihī* 'ее желание': *murād* — заимств. из арабск. + *hi* — энкл. мест. 3-го л. دَارَسْهُ *da* — союз 'и', -*s* — усилительная частица, ср. здесь *kas*, *cas*, барт. *mis*, *das* и т. д. تَبَرُّكٌ *tabarrukak* арабск. заимствование.

خَامٌ فِي مِلْكٍ يَا عَاصِحٍ حَلَالٍ دَحْرَامٍ اَفَارِ

cammi fī milka yahāc halāl(i) d^a harām(i) aβāri 'что есть в моем владении из дозволенного, да будет запрещенным'.

خَامٌ *cammi* 'что у меня' — вопр.-относит. мест. *ca*, согд. *čw*+энкл. мест. 1-го л., удвоение *m* после гласного. **مِلْكٌ** *milka* — вин. (?) п. после предл. *fī*. **يَا عَاصِحٍ** *yahāc* — 3-е л. ед. ч. conj. от *yah-*<ир. *ah-* 'быть'. **حَلَالٌ** *halālī* — род. п. части (gen. part.) (?). **اَفَارِ** *aβāri* — 3-е л. мн. ч. conj. от *aβa* 'быть, бывать, становиться'.

أُودْ مَادَابِرْ خَارَ

ud mădabar xăra, перс. 'а ты от меня отступись'.

أُودْ *u / <utā* 'и'. **مَادَابِرْ** *mădabar* — *abar* (*apar*) — послелог. *măd^a* (ср. дальше аналогичную форму мест. 2-го л. *βăñ^a*) — личн. мест. 1-го л. в косв. п. под ударением, восходит к засвидетельствованному в согдийском *t'm* с перестановкой по аналогии с *č'm'kh* || *mč* — *t'm'kh* || *mt*, ср. дальше *βăd^a* <*t'β*'. *xăra* 'отступись' (собств. 'двигайся, иди'), ср. согд. *yr*.

خَارَنا فَادَابِرْ

xār(i)n(ă) fă(βă) dabir 'я отступил от тебя'.

فَادَابِرْ *xār(i)n(ă)* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a*. см. выше.

أَكِيْ قَاتَارِيْخَانَةِ زِينَدَرا أُودْ فِيْ چَاهِ اَيَّ

акē βă ðărēc(a) xēza d^a fă zēndā ud fi čāha iya, перс. 'кто тебя держит, встань и иди в тюрьму и в колодец' (в персидском переводе пояснение: «т. е. в черную землю». Но ср. осет. *зиндоң 'ad'*).

أَكِيْ *akē* — вопр. мест. с протетическим гласным 'кто', ср. согд. *ky* id. **قَاتَارِيْخَانَةِ** *βă<θvāt* — вин. п. личн. мест. 'тебя'. **ðَارِيْخَانَةِ** *ðărēc(ă)* — 3-е л. ед. ч.

наст. вр. 'держит', ср. согд. *δ'r-id.* خیز *xēza* — 2-е л. ед. ч. пов. накл..

ср. перс. د. خیز *d^ā xīz* — союз 'и' < согд. *rty.* فا *fā* — предлог, выражающий направление, место. زندان *zēndān* < *zēndān* — заимств. (?), перс. زندان 'тюрьма', ср. выше осет. зиндон 'ад'. چاه *čāh* 'колодец, яма' — заимств. из перс. آی *iya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *i-*, *ay-*, ср. перс. آی.

بَسِ عَوْ

nēmī γiyī (*γavi*), перс. مرا نمی بایی 'ты мне не нужна'.

nē — отрицание. ti — косв. п. личн. мест. 1-го л. 'мне'. غَوْ γa'vi — 2-е л. ед. ч. наст. вр. 'ты нужна', ср. осет. *tsaуун*, согд. *γw-*

غَازْ خَاكْ نَاكْ

γāza cakki, nākka 'иди (ступай) и все, что хочешь, делай' (точнее: 'иди (ступай), что делаешь, то делай').

γāza — 2-е л. пов. накл., ср. осет. *tsaузун* 'танцевать, играть'. *cakki* 'что (ca) ты делаешь (*ikki*). *nākka* 'то (nā) делай' (*ikka* — пов. накл.).

أَخْوَاسِيَّام

uxxvāsiyāma, перс. رها کن مرا 'отпусти меня'.

uxxvāsiyā 'отпусти' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *vi+hrz*, ср. *mix-xāsin* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. 'я отпустил'. -تā 'меня' — вин. п. личн. мест. 1-го л.

غَازْ خَاكْ نَاكْ

γāza cākki nākka 'иди, что делаешь, то делай', см. выше.

عَازْ خَاكْ نَاكْ

γāza cākki nākka 'иди, что делаешь, то делай', см. выше.

غَازْ خَاكْ نَاكْ

γāza cākki nākka 'иди, что делаешь, то делай', см. выше.

بَا هَمْخَ كَابِن

pă hamca kābīna 'с этим (же) махром (веном)'.

hamca kābīna — ж. р. (?). *hamca* — перс. *همان* <*ham-čit* 'тот же'.

بِيزَارْ قَا اكَّامِي بَا شِيكْ دِ مِي چِكْ إِكْ

bīzār (bēzār) βă ikkām(i) pă šik dⁱ mi čik ikka 'освобожу тебя за три и сделай мне документ'.

bīzār... *ikkām(i)* 'я освобожу' — сложный глагол *bīzār* — тадж. *اكّامى* 'заимств. 'беззаботный, свободный'. قا βă 'тебя' <*θvāt*, см. выше *ikkām(i)* — 1-е л. ед. ч. наст. вр. *i* — остаток древнего оконч. <*ti*, или *medium* (?). *شِيكْ šik* — субстантивированное числит. 'тройка, трое, три'. *چِكْ čik* 'документ', ср. арабск. *صِكْ*, перс. *چک*, европ. 'чек', в неизданном согдийском документе Мугского собрания *čtt* — источник заимствования (?). إِكْ ikka — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'сделай'.

بِيزَارْ قَا مِكْنَ خَى حَقْ بِى سُكَنْدَرْ

bīzār βă mikkin ci hak pi sukand 'я освободил тебя от права за клятву' (клятвой).

mikkin — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *ik* 'я сделал'. خَى ci — 'от', согд. *č*. *حَقْ hak* — арабск. заимств. 'право'. سُكَنْدَرْ sukand 'клятва', ср. перс. *سوگند*.

دِ ما آخْوَاسِي

dⁱ mă axxvāsiya 'так освободи меня'.

دِ dⁱ — согд. *rty* 'и, так'. ما mă — вин. п. личн. мест. 1-го л. 'меня'.

آخْوَاسِي axxvāsiya (uaxxvāsiya) 2-е л. ед. ч. пов. накл. <*vi+hrz* 'освободи'.

دِ ما بَر سُكَنْدَرْ خَرْ

dⁱ măbar sukand xura 'так надо мною клятву съешь (поклянись)'.

ما بَر măbar — личн. мест. 1-го л. вин. п. с послелогом *par*, *bar*. *sukand*, см. выше. خرْ xura — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'съешь', ср. согд. *γwṛ-*, перс. *غور* *id.*

د مِ ای چَک اکّ

dⁱ m̄ i čik ikka 'так сделай мне документ'.

— опред. артикль м. р., см. выше. **اکّ ikka** — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'сделай'.

اٽاخْ

aβθāc 'пусть будет' — 3-е л. ед. ч. conj.

شِيكْ ثَابِرْ خُرامِكَامْ وَابَا خُرُّخْ بَارُوزْدَ

شِيكْ بَرْ تَوْ بَخُورِمْ, перс. طلاق بر تو بخورم — 'я три (развода) в отношении тебя съем или съедены'.

شِيكْ šik — субстантивированное числительное, употребляемое самостоятельно, — 'тройка, трое, три' — числительное **شِي šē(ši)**+ именной суффикс **-a(k)**; **ثَابِرْ thābar** (*θābar*), (-par) 'над тобою' ('в отношении тебя') — вин. п. личн. мест. 2-го л. <*θvāt* с послелогом -bar, -par. **خُرامِكَامْ xurāmkām** 'съем' — 1-е л. буд. вр., образованное, как указывалось выше, присоединением к соответственной форме настоящего времени частицы *kām*, как в согдийском языке, ср. согд. *xur* и т. д. **وَابَا wābā** — союз 'или', ср. согд. *β*, осет. *yæ* и т. д. **خُرُّخْ بَارُوزْدَ xurx(a) pārvuzda** 'съедено' — страд. зал., образованный, как постоянно здесь, соединением причастия спрягаемого глагола *xurx(a)* 'съеденный' и соответственной (личной) формы глагола **pārvuz-**<*par-vart-* 'превращаться, становиться', **pārvuzd(a)** — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a*.

کَا بِرَا بِنَامْ سُكْنِدِ نِي خَرِيْبِيْنْ دَخِ بِرْمَكْ خُرْ

کَا بِرَا بِنَامْ سُكْنِدِ نِي خَرِيْبِيْنْ دَخِ بِرْمَكْ خُرْ [pināmi] sukundⁱ nē xurixī d^b ci pirmak(a) [parmak(a)] xura 'если ты не съешь клятву о моей сопернице (другой жене, араб.-перс. ضرہ), то съешь обо мне'.

parā — предл. **panāmi** — косв. п. от **panām(a)<patināma**, перс. **بنانع**, тадж. **палонч** id. **خَرِيْبِيْنْ xurixī** — 2-е л. ед. ч. conj. *xī*, ср. перс. *hē*. **ci pirmak(a)** — сложный предлог, **ci par** (перс. از بر) + личн. мест. 1-го л. с именным суффиксом *-ak*, ср. согд. *č'm'kh*;

خُرْنَاخْ

xurnac 'я съел' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. xur(i)n+усилит. част. *-ac*, ср. согд. *rly*.

فَا(وَابَا) بِرْمَكْ سُكْنَدْ خُرْ وَابَا بِرَا بِنَامِ

fā (vā bā) parmak(a) sukund xur vābā para panāmī 'или надо мной съешь клятву или над моей соперницей'. Колебание в рукописях в первом слове между فَا (fā) и وَا (vā). وَا (vābā) отражает действительное колебание в произношении между губно-губным и губно-зубным спирантами, ср. согд. *β'* и осет. *yæ*.

خُرْنَاخ

خُرْنَاخ 'я съел', см. выше.

اھافیخ پراچ کافی مکھا منھا

ahāβīx parācc(a) kāhī mikkixă mincă 'будешь ли ты разведенной, если ты сделаешь это'.

اھافیخ ahāβīx 'будешь ли ты'. *a* — вопр. част., *hāβīx* 2-е л. ед. ч. conj. от *aβa* 'быть', см. выше. مکھا منھا *mikkixă mincă* 'если ты сделаешь', перс. пер. کرده باشی — conditionalis, 2-е будущее, praeteritum futurum. Эта форма, многократно здесь засвидетельствованная, образуется сложением прошедшего времени спрягаемого глагола (с алифом в конце اشباع | ?) и частицы منھا *mincă*, *tancă*. Последняя, по всей вероятности, восходит к глагольной основе *mand-*. Сложные глагольные образования с глаголом *tānd(an)* представлены в средне-персидском языке, где они (прич. + пр. вр. глагола *tāndan*) выражают действие, длившееся некоторое время и прекратившееся (ср.: Сов. востоков., т. V, 1948. стр. 297. и ZII. 9, 2, 246). Аналогичное значение имеют эти образования в современном таджикском языке *гуфта монд* 'он сказал, высказал' (говорил некоторое время и перестал, закончил свою речь). В согдийском языке, несмотря на бедность письменных памятников, могут быть также отмечены сложные глагольные образования со значением conditionalis, praeteritum futurum 2-го будущего. Это — образования с частицей *kāt*, которая, будучи присоединена к настоящему времени, образует в согдийском и хорезмийском языках будущее время, присоединяясь к optativ'у или к прошедшему времени (optativ, как известно, в согд. яз. употребляется для выражения длительного, итеративного пр. вр., ср. ZII, II, 296), эта частица образует praeteritum futurum. Ср. с optativ'ом VJ, 100: *c'n'kw ZY 'zw nivr ēspn 'wsuṛtp'zn ḍβr' ḍβr'y k'm rty ms w'nw 'yḍ'kw β'ty 'PZY...* 'так как я теперь с чистым сердцем милостьюю давать буду, то пусть сбудется то желание, чтобы...' [перевод Готье (Gauthiot) подлежит исправлению]; Vaj., 7—8:

rty pyšt kδ "mtyčw 'prs'yk'm nyst w'tδ'r "zwn ZKZYn wyδy'y¹ 'и затем, если бы ты спросил об истине, (то) нет существа живого, которое бы исчезало'; с пр. вр. может быть приведен пример из собрания согдийских документов с горы Муг № 1 (не издано): *rtkδ pts'r kw tβ'k s'r myd pwstk L' βr'yšt 'yw č'nkw ZY kw t'm'k s'r βr'yštw δ'rty rty 'zw myd pwstkw 'kiw tβ'k s'r βr'yšw k'm* 'и если бы затем тебе этой книги (письма) не послал бы, как он послал мне, то я эту книгу тебе послал бы...'.

اھافیغ پراخ کاھی نی مکھا منخا

ahāβīx parāc kāhi nē mikkixă mancāhi 'будешь ли ты разведенной, если ты не сделаешь этого', см. выше.

اھافیغ پراخ کاھی مکھا منخا

ahāβīx parāc kāhi mikkixă mancāhi 'будешь ли ты разведенной, если ты сделаешь это', см. выше.

ایاھ پراخ

ayāhi parācc(a) 'разведена ли ты?'

a — вопр. частица, yāhi — 2-е л. ед. ч. наст. вр. 'еси'.

اماھ يَاھِ شِيَاوَرْ پراخِ كِبَا دِھنَانَادِ

amāc(i) yāhi šiyāvar(a) parācc(a) kibā dihnānadi перс.

اهسَنَتْ نُوازْ مِنْ سَهْ طَلَاقَ كَهْ زَدَمْ مِنْ نَرَا (последнее сочетание не вполне ясно, нуждается в исправлении) 'разведена ли ты от меня трижды, с тем, что я был тебя'.

اماھ amāc(i); a — вопр. част., māc(i) — краткая форма косв. п. личн.

мест. 1-го л. с послелогом, согд. *mč*, язг. *tinjə*. يَاھِ yāhi — 2-е л. ед. ч. наст. вр. 'еси' <*ahi*. كِيْ ki — союз, вводящий придаточное предложение.

بِبَا bā — (?) вм. βa(?) 'тебя'. دِھنَانَادِ dihnānadi — излишен один слог na(?), dihnnadi — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от глагола *dih-*, *dah-* 'бить', ср. барт. *dē-*, мундж. *dē* и др. < индо-ир. *dhā(?)*. Это слово с взрывным *d* в анлауте могло бы указывать на западно-иранский источник заимствования.

اھافیغ

ahāβīx 'будешь ли ты'.

a — вопр. част. hāβīx — 2-е л. ед. ч. conj. от aβa, см. выше.

¹ Vajracchedika (H. Reichenb. Die sogdischen Handschriftenreste..., II Teil. Heidelberg, 1931, стр. 72).

ایاھ

ayāhi 'есть ли ты'.

a — вопр. част. yāhi — 2-е л. ед. ч. наст. вр. \sqrt{ah} . Противополагается в тексте ahābiḥx и ayāhi.

سُكْنَلْ خُرِبَنْ

sukund xurīna 'я съел клятву'.

xurīna 'я съел' — 1-е л. ед. ч. пр. вр., см. выше.

با جُفت

pa jufta, перс. بُرخانون 'над супругой'.

jufta; a — показатель ж. р., перс. заимствование.

III. كتاب العتاق. КНИГА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ (РАБОВ)

با نانی هونانی ذار پاردا انج

yā nāniya hūnāniya dāra pārda inc, перс. این کنیزک را فروختنی نیست.
'нет этой рабыне продажи'.

هونانی nāniy(a) — сложное указ. мест. в косв. п. с оконч. -iy(a).
hūnāniy(a) 'рабыне' — косв. п. с тем же оконч. -iy(a). ذار dāra — послелог косвенного дополнения, см. выше پاردا pārda 'продажа', ср. согд. *pr'ðt* 'продавать', руш. *paroda* и т. д. <*para-* *dā*. انج inc 'нет' <*nēitti* с перестановкой и *t* > *c*, ср. согд. *yēy* 'есть', осет. *naeñ* 'нет'.

زادکاوی هی واخیامن یا هنان نی (هونان نی)

برای فرزندی کلان zād(i)kāvya hī vāxxiyāmma yā hūnāna nī, перс. کردیم این کنیزک را زادکاوی zād(i)kāvya 'в сыновстве' — местн. п. от абстрактного имени с суффиксом *āvak*: *zād(i)k* — 'сын', согд. *z'tk*; *zād(i)kāvak* 'сыновство', ср. дальше соответству. местн. п. خاماوی xāmāvya 'в сырости, неотесанности, невежливости, грубоści' (от *xām* 'сырой'). ذیناوی dīnāvya (от *dīn* 'религия') ذاماوی dhāmāvya (от *dhāt* 'мир'). هی hī — энкл. мест. 3-го л., авест. *hē*.

وَأَيْمَانٌ vāxxiyātta 'мы вырастили' — 1-е л. мн. ч. пр. вр. <*vaxš* с ассимиляцией согласного *š* в *x*; долгий гласный *ā* — признак causativ'a или удлинение *a* при образовании основы прошедшего времени; окончание *-tta*, см. выше. **بَا هُنَانَ نِi** 'эту рабыню': *yā h̄nāna ni* — ж. р. с артиклем *yā* и постпозитивным артиклем **نِi**. Появление постпозитивного артикаля в хорезмийском языке при членном имени (**بَا هُنَانَ yā h̄nāna**) вызвано, очевидно, частыми случаями абсорбции препозитивного артикаля в словах, начинающихся с гласных, напр. **بَاسِمَ yāsm** 'небо', ср. арабск. **الْابْرَاجِ lippīj** из лат. *opium* и др. Ослабленная вследствие этого значимость артикаля **i**, **اَيِ i** **بَا yā** и вызвала возникновение другого, постпозитивного артикаля **نِi nāv=nā+av** (мн. ч. ?), ср. **اَيِ شَفَلِ نِi šuyl ni** 'это дело', **اَيِ قَاغَكِ نِi qayqak ni** 'этот сад', **اَيِ زَرْنِي نِi zirni ni** 'этот клятву', **اَيِ سَكْنَدِ نِi sukand ni** 'этую клятву', **اَيِ تُونُو نِi tutū nāv** 'эти туты', **اَيِ شُفْلِ نَاوِ i šuyl nāv** 'эти дела'.¹

آبَابَ

abāba 'эй, отец'.

اَهَاهَahā — восклицание. **bāba** 'папа, отец' — детское слово.

اَهَاهَahā

hā 'да', ср. осет. *zo*.

إِيَّاْخِ كِفَا اَيِ بِخَامِ گُورْبَخَا (گوْخَاس)

بِيَاكِه بَدَرْ مِنْ تَرَا آوازْ مِنْ دَهْدَهْ 'подойди, отец мой зовет тебя'.

إِيَّاْخِ iyyāc(i) 'иди' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. <*i-*, *-c(i)* — част. согд. *-ty*.

كِيْ ki 'ибо' — союз, вводящий придаточное предложение причины. **فَا fā** (*βā*). 'тебя' — вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. <*θvāt*, см. выше. **بِخَامِ picāmi** 'мой отец': *pic* 'отец' <*pitā*, ср. осет. *փածՓ*, — *(a)mi*- энкл. мест. 1-го л., притяжательная форма. **گُورْبَخَا gvažēc(a)** 'зовет' — 3-е л. ед. ч. наст. вр., заимств. из западно-иран. (?), ср. белуч. *gusť* 'сказал'.

بَا خُوبَامِ ذُغَدَ

يَا خُوبَامِ ذُغَدَا yā xūbāmi ḍuḍa, перс. 'хорошая дочь моя'.

¹ См. об артикле в хорезмийском языке статью в: Сов. востоков. АН СССР, т. V. Перепечатана в данном издании, стр. 42—50.

خوبام *xūbāmi* ‘хорошая моя’: *xūb* — перс. заимств. **ذُغل** *duyda* ‘дочь’, ср. согд. *duyδ'r*, *duwt* ‘дочь’, ср. осет. *ходынз* ‘золовка’.

مُحَاسَّةٌ اِي زَادِكَمْ

مانده شد فرزندم, перс. ‘устал сын мой’.

مُحَاسَّةٌ *muxxāsta* ‘устал’ — 3-е л. ед. ч. пр. вр. Начальное *m-* — префикс, формальный признак пр. вр. глаголов, основа наст. вр. которых начинается с гласного <авест. *xvah-*, осет. *xuaγun*, *xuast*> основа наст. вр. **ixah-* (с обычной перестановкой и вокализацией *v*).

اِي عاشِّكْ زادِكْ خُوبِمْ زادِكْ

ای فرزند عاشقم ای فرزند خوبم *ai āšikam zādīk xūbmi zādīk* перс. ‘о дитя мое любимое, о дитя мое хорошее’.

عَاشِّكَمْ *āšikam* ‘любимый мой’, **ك** в слове **عَاشِّكَمْ** может указывать на отсутствие в хорезмийском языке согласной фонемы **ق**.

کل ای مرخ ای خوارزم وساح فی غشیاک فی زفاك فی نرکانک آر اغلم او داس
هیچ کرامکم واع نکور فی ڦاخ پا غشیاکاوی آئی ایشكام ٿی نان لفظ عنق وا
کن اک

کل ای مرخ ای خوارزم وساح فی غشیاک فی زفاك فی نرکانک آر اغلم او داس هیچ کرامکم واع نکور فی ڦاخ پا غشیاکاوی آئی ایشكام ٿی نان لفظ عنق وا کن اک «ar uγlum» *udas hēc kadāmkām vāc nkūr(?) nē βāc pā yašiyākāvya aci iyēckām ci nān lafz itk vā kādāk* ‘если человек хорезмиец скажет в ласкe на языке тюркском (к своему рабу) *ar uylum* (“сын мой”), и никакого намерения (?) не будет в ласковости, (то) что же выводится из этих слов освобождение или нет?’.

مرخ *mirc* (*marc*) ‘человек’ <*martiya*; *t*> *c* перед (под влиянием) *i* — возможное изменение огласовки в первом слоге. **وساخ** *vasāc* (*vusāc*) — 3-е л. ед. ч. conj. от *vas-*, ср. согд. *wys-*. **زفاك** *z"fāk* (*z"βāk*) ‘язык’, согд. *zβ'k*, осет. *æzəi*. **نرکانک** *turkānak* ‘турецкий’; *-anak* — суффикс прилагательного. **هیچ کرامکم** *hēc kadāmkām* — неопр. мест. ‘какой-нибудь’, с отрицанием ‘никакой’, *هیچ*; перс. **کرامکم**. **هیچ فاڅ** *ne βāc* — 3-е л. ед. ч. conj. ‘не будет’, гласный *a* в слове *aβa* ‘быть’ вышел после *ne*, которое фонетически составляет с *βāc* одно слово; по этой же причине дальше ниже в пр. вр. *ne βa* ‘ты не был’. **غشیاکاوی** *yašiyākāvya* — местн. п.

ابْحَكَمْ اَنْدَهْ كَوْكَ، سَرْ وَيْشَهْ زَادِيكَافْيَا. اَنْ اَخْ اَسْ(ي) — вонр. мест. ‘а что?’, یعْسَكَامْ یعْسَكَامْ — 3-е л. ед. ч. буд. вр. <i>ا, و, va — союз ‘или’, ср. согд. β, осет. үә. کَذْ اَكْ کَذْ اَكْ — отрицание ‘нет’.

ما خُواسارِيك

mā x^avāsārīk, перс. ‘без хозяина’, тюрк. ‘вольноотпущенник, приблудный’ — ‘он сказал рабу своему по-хорезмийски tā x^avāsārīk, тот не становится освобожденным... потому что это перевод (слова) бесстыдник и это вместо ругани’. Но в следующем предложении x^avāsāra переводится ‘свободная’. Кажущееся разногласие объединяется этимологией этого слова x^aa ‘свой’ и sār^a ‘голова’; x^avāsāra и (с суф. -*ik*) x^avāsārīk ‘свободный’, и (с пренебрежительным оттенком) ‘вольноотпущенник, без хозяина, бродяга’ и т. п. لَو tā ‘ну-ка’, ср. ав. ta, барт. ta ‘вот, на!’, осет. ma ‘еще, ну-ка’.

دَخْوَاسَارَا پِرْوِزْ

d^a x^avāsāra pīrviza, перс. آزاد شو ‘стань свободной’.

ذ d^a, согд. *rty*. پِرْوِزْ pīrviza — 2-е л. ед. ч. пов. накл. <*par-vart-*.

IV. كتاب الایمان КНИГА О КЛЯТВЕ

نِذْر مِكْنَ

nīzr mikkin(a) ‘я обещал’ — сложный глагол.

Нет достаточных данных для суждения о качестве согласного в слове نِذْر; следует тем не менее полагать, что арабские слова проникли в хорезмийский словарь в общем через таджикское посредство и произносились в хорезмийском языке с изменениями, внесенными этой средой; на этом основании نِذْر транскрибируется nīzr. mikkin(a) — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *ik* ‘делать’ с приставкой *m-*, см. выше.

اللَّهُ نِبْوَرْ بَامْ

illāh nēvāryām, перс. (اگر فلان کار کنم) ‘не знаю’.

نِبْوَرْ بَامْ ‘бог’ — арабск. заимств., ср. قَبْنَدِك id. nēvāryām ‘не знаю’ (собств. ‘не верю’, т. е. ‘не буду верить’, если я такое дело сде-

лаю, то я неверный) — 1-е л. ед. ч. наст. вр. с отрицанием *nē* и поглощением первого слога от глагола *yāvār* ‘узнавать, познавать, быть уверенным, верить’, ср. ниже يَاوَارِعْ *yāvārīx* ‘ты узнал’, ср. согд. *yw'r* (с ослабленной семантикой ‘но’, ‘верь, что’ > *Vvar-* с абсорбированным артиклем?).

زېنھار

zēnhār ‘безопасность, убежище, защита’. Ср. сак.-хотан. *ysinīta*, согд. *zūnūjh* ‘порученное охране, защите’.

اى رەمظان ماخ مِنْدابِنْك

i ramazān măc(i) mindāyink, перс. ‘рамазан от меня не идет (т. е. не принят)’.

رمضان *ramazān* — арабск. заимств. через таджикский язык. ماخ

măc(i) — косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом, согд. *mč*, см. выше. رمضان ازمن ناروا mindayink ‘не идущий’ (перс. перевод в рукописи G точно передает хорезмийский оригинал) — отлагольное прилагательное от *i || āy* ‘итти’ с отрицат. част. *mind-* + согд. *mt* и суф. *-ina-k*.

اى ۋېنِدِك مى خِصم

i βēndik* mī xasm (xism) ‘бог — мой враг’ (если я сделаю...).

قېنِرِك βēndik (βindik) ‘бог’ <*βand*, собств. ‘связывающий’, ср. согд.

βynt-, шугн. *wind*. خِصم арабское заимствование, проникшее через религиозно-бытовую практику в язык. مى *mī* — энкл. мест. 1-го л.

اى بېشىڭىز مى قېنِدِك

i paciyākdi mī βēndik, перс. ‘перед тобою мой бог’.

بېشىڭىز paciyāk, согд. *pt'yč*, ав. *pa'tika* ‘перед’ — предлог <*pati* с именным суффиксом *-āk*, *c < t* перед *i*. د di — энкл. мест. 2-го л.

فِي اللَّهِ اتَّبَعْ شَرْطَ مِكْنَةٍ

fi 'llāh anbic šart mikkin(a), перс. ‘я сделал условие с богом’.

انبعث *anbic* — послелог ‘с’, согд. *nβ'nt* id., ср. выше. **شرط** *šart* ‘условие’ арабо-перс. заимствование.

كَانَ إِنْ نَانَامْ فَيْنَدْ نِيكِخَكَامْ

كَانَ i نَانَامْ بَهْنَدْ نِيكِخَكَامْ, перс. ‘если ты не выйдешь замуж за такого-то’ (если такого-то мужем не сделаешь).

كان *kān* — союз: *kā*+част. *-n(d)*. **نيكِخَكَامْ** *nēkīkhkām* — 2-е л. ед. ч. особой формы conjunctiv'a (conj. + *kām*), см. выше. **فَيْنَدْ** *bēnd* ‘супруг’.

كَانَ فَيْنَدْ نِيكِخَكَامْ

كَانَ بَهْنَدْ نِيكِخَكَامْ ‘если ты не выйдешь замуж’, ср. выше.

خُغْبَا كَامْ

سِعْصِيَا كَامَا ‘каждый раз как’.

cīyudcīyākāma (соотв. лат. *tempore quolibet*), т. е. в ‘любое (*kāma*) время’; *yud*, ср. осет. *изуд*, *әнгүүд* <прич. пр. вр. от *изеүүн*, ‘когда’. Дальше в тексте разъясняется различие между выражениями **خُغْبَا كَامْ**, перс. **هُر گَاهْ كَهْ** ‘каждый раз, как’ и **با غُر كَاهْ** (лат. *illo+tempore*), перс. **وقتی كَهْ** ‘в то время, когда’. Это рассуждение, несмотря на трудность его понимания без историко-лингвистического анализа, показывает, однако, что составитель отчетливо разбирался в этих выражениях, см. ниже.

المنصور انْشِىشْ

Аль-Мансуранвиши — географический термин — «селение из главных селений Хорезма».

خُغْبَا كَامْ كَاوْجِبا

سِعْصِيَا كَامَا كَاوْجِبا *kāvvacīyā* ‘каждый раз, как я войду в него’.

cīyūdākāma kā, см. выше. ***vacīyā** — удвоенный *v* после гласного, как часто здесь; **خُبَا** *cīyā* — 1-е л. ед. ч. conj. *cīy-*, др.-инд. *č'yavati*, др.-перс. *š'yavatī* (*aš'yāva* ‘пошел’). Хорезм. *cīyā*, осет. *иæуун* ‘итти’, курд. *чуин* — языки, в которых *s* перед *u* не изменилось в *š*, в противоположность персидскому, авестскому и соседнему согдийскому, где соответственно: *aš'yāva*, *š'yav-* (гат.), *š'av*, и *š'w-*; *va* — префикс (?); *vacīyā* ‘(если) войду’, ср. осет. *уо* (диг.), *у* (ирон.) <*ava-*, ср. осет. *уодайун*, *удайын* ‘мочить, пропитывать влагой’.

بَا غُرْ كَوْخِيَا

yā yuda ka^vaciyā 'во время, когда войду' (в определенное время).

Этот оттенок значения передан членностью yā yudā (ж. р.) в противоположность ciyakāma (yudā). yuda 'срок, время', осет. *ənizyud*, см. выше.

بَا غُرْ كَاسْكَامْ دِي ذِينَارْ هَفْرَامْكَامْ

عَرْ كَاهْ كَهْ بِيَائِيْ تِرا перс. kāssikām dī dīnāra hiṣrāmkām, перс. 'как только (когда) ты придешь, я дам тебе динар'.

assikām 'ты придешь' — 2-е л. ед. ч. буд. вр.; assi <as+kām, ср. мундж. as- id., ср. согд. "ys- هَفْرَامْكَامْ hiṣrāmkām — 1-е л. ед. ч. буд. вр. от haβar 'давать'. dīnāra — вин. п. ед. ч.

خَفْجِيَا كَامْ كَاسْكَامْ دِي ذِينَارْ هَفْرَامْكَامْ

هَرْ بَارْ كَهْ بِيَائِيْ перс. 'каждый раз, как ты придешь'.

خَفْجِيَا كَامْ كَانِدْ نِكَاحْ إِكَّا

cuγciyākāma kāssikām dī dīnāra hiṣrāmkām, перс. 'как только я женюсь на тебе'.

كَانِدْ: kām 'когда'; dī — энкл. мест. 2-го л. إِكَّا ikkā — 1-е л. ед. ч. conj.

Этой форме противополагается إِكَّيِي ikkāyi следующего предложения — نِكَاحْ إِكَّيِي nikāh ikkāyi, притом указывается, что перевод обоих выражений (nikāh ikkā и nikāh ikkāyi) на арабский язык один и тот же '(как только) я женюсь'. Повидимому إِكَّيِي ikkāyi есть optativ, ср. согд. zr'ymč'y (VJ, 102) '(чтобы) я освободил', ðzr'y (VJ, 176) '(чтобы) я дал'.

هَمْك بَاسْوِيكَامْ دِ مَاءِرْ اِي حَلَالِ حَرَامْ هَمْك بَاسْوِيكَامْ

hamk yāsvikām dī māpir i halāli harāma hamk yāsvikām 'как только пойдешь, то разрешенное для меня — запрещенное, как только пойдешь'.

هَمْك hamk 'как только', перс. هَمَانْ كَهْ. yāsvikām — 2-е л. ед. ч. буд. вр. от глагола yāsv, этимология (?), контаминация двух корней (?), ср. согд. "ys 'приходить', ср. хорезм. as 'приходить'. Отношение этих глаголов друг к другу не ясно.

كَهْمَك بَاسْوِيكَامْ

kihamk yāsvikām 'что таки пойдешь'.

سیاہ پڑا خ یاہ کین ماقریخ

šiyāvra purāc yahi kīnna hāþrīxa, перс. آنرا طلاق می (hē) که دادی ‘трижды ты разведена, что ты дала то’.

śiyāvra purāc — сложное слово 'трижды разведенная'. ياه *yahi* 'ты еси'.
 كِنْنَةٌ *kinnat : inna* — указ. мест. 'то'. هافر يخ *hāfrīx* 'ты дала' — 2-е л. ед. ч.
 пр. вр. с удлинением гласного *a* первого слога от *haṣar* 'давать', согд. ḡbr.

بجا اخوا ما چکيش

kibā acivā mă čakiši? ‘почему ты обвиняешь меня во лжи?’ ↓ < *pati* (?)
acivā — нар. ‘почему’, ма mă < *māt* ‘меня’ — вин. п. личн. мест. 1-го л.
چکیشی (?) čakiši — не ясно.

بینا با نی هافرینگ منٹاچ

kīnă la nē hāþrīx mancăc 'если это не дашь'

kīnă: ki (союз) 'если' + *ină* — указ. мест. 'это'. *hāfrīx man-*
căc — 2-е л. ед. ч. conditionalis, praeter. futurum, см. выше; *mancăc*,
 конечное *c < t (ty)*.

مراجعہ اکاؤنٹنگ کی کاپیں اکامکام

parāc hā a^βθāc šiyāvra kī kābīna ikkāmkām 'три развода той, с которой
сделаю бракосочетание'.

حا *hā* — мест. ж. р. 'та', согд. *yh*. اقاخ — 3-е л. ед. ч. 'будет, пустяк' будет'. كى *kă*, *kē* — относит. мест. 'который', согд. *'ky*. اکام — *ikkām* — 1-е л. ед. ч. буд. вр.

د مَاخَ مَلْفَ (مَا اخفا)

d^a măci măxfa (mă axfa) 'и от меня не бери (его)'

ماخ *măci* 'от меня' согд. *mč*; *mă* косв. п. личн. мест. + послелог *ci*

māxfa — *لَا mā* 'не' — при пов. накл. и conj.; *mā axfa* <*mā yrba* 'не бери'; *axfa* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. с оглушением *x*<*y,f*<*β* и выпадением *r*.

أغ

āγ, перс. جی 'да'. (Это слово подтверждения и значение его близко к значению 'да').

أغ

āy 'да'.

اْفَاقْ يِمْ پِرَاغْ اَبُو

اَبَّاَسْ يِمْ پَارَاقْ $\bar{e}v^a$ 'разведена ли я от тебя одним разводом'.

اْفَاقْ اَبَّاَسْ; *a* — вопр. част.; *βāc* 'от тебя': *βā* косв. п. от личн. мест. 2-го л. + послелог (частица) -*c*. بِمْ يِمْ — 1-е л. ед. ч. 'я есмь'. ابُو $\bar{e}v(a)$ 'один, одна', ср. перс. *ēv*, согд. *'yw*, осет. *ey*, *uy*.

اَمَا هَزَارْ بَاوِيرْ

امَّا حَازَارْ يَأْوِيرْ 'напротив тысячу раз', см. выше.

امَّا هَزَارْ بَاوِيرْ 'напротив, тысячу раз'. Колебание в огласовках *yāvar* || *yāvir*, *par* || *pir* указывает на передний характер гласного *a* в подобных случаях: *yāvār*, *pär* 'на'.

أَبْغُوسْ وَابَا كِنْدَاكْ فَابَرْه شِيكْ كَاخِنْ

ابْغُوسْ *vābā* *kiðāk* *βābar* *šik(a)* *kācīn(a)* 'молчи, а если нет ('или нет'), я дал тебе три (развода) ('на тебя три бросил')'.

ابْغُوسْ *abγōssa* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. <др.-ир. *apa-gauša*, противоположное значение с предлогом *nī:nīyōs* 'послушать, повиноваться', см. выше. وَابَا *vābā* 'или', см. выше. كِنْدَاكْ *kiðāk* 'не, нет' восходит к наречью ав. *kaðā* 'как?, когда?', ср. изменение значения в согд. из вопр. мест. *kt'r* 'который' ('из двух')>союз 'или'). فَابَرْه *βābar* (*βāpar*) 'на тебя, тебе', см. выше. شِيكْ *šik(a)* — вин. п. субстантивированного числительного 'трое' ('три развода'), см. выше. كَاخِنْ *kācīn(a)* 'я дал' (точнее: 'бросил') — 1-е л. ед. ч. пр. вр. caus. <*kaft* 'падать' с выпадением *f* и переходом *t*>*c*.

كِيمِه هَفْرِيَّكَام اَي زَرْنِي نِي دَفَاعْ اَبُو اِپْشَ خَرَجْ نِيكَام بَاهِ اِسْپِنِي خِنَامْكَام

كِيمِه *hiþrīkām* *i zirni* *nī dī βāc* $\bar{e}v$ **pša* *xarj* *nēkkām* *bāhi* **spanī* *xināmkām* 'когда мне (его) дашь золото, то из него (так перевод, текст 'от тебя'; исправить на **هَفْرِيَّكَام*? или *وَاحْدَهْ* *vāc?*) ни одного гроша не истрачу, за него железо куплю'.

كِيمِه *kāmīhi* 'когда мне его'. هَفْرِيَّكَام *hiþrīkām* 'ты дашь' — 2-е л. ед. ч. буд. вр. от *haþar*, согд. *θfr*, см. выше. اَي زَرْنِي نِي *i zirni* *nī* 'золото' с препозитивным (*i*) и постпозитивным (*nī*) артиклем, см. выше. *zirni* <ав. *zaranya*-хорезм. огласовки с *i* вызваны наличием в ав. слове *-y-*. | $\bar{e}v$ 'один',

см. выше. بِشْ ‘پش’ ^{اِبْشَ} *pša*, перс. ‘мелкая монета, грош’. خُرْج نِيَّكَام ^{خُرْج} *nēkkām* ‘не истрачу’ — сложный глагол: نِيَّكَام *nēkkām* — 1-е л. ед. ч. наст. вр., *ikkāt* с отрицанием *nē*. خُرْج بَاهِ *bāhi* (*pāhi*) ‘за него’ — предл.: *rā* <*pati* + энкл. мест. 3-го л. -*hi*. سِپْنِي ^{سِپْنِي} *spanī* ‘железо’, ср. согд. *'spn*, осет. *æfcsæn*. خِنَامْكَام ^{خِنَامْكَام} *xināmkām* ‘куплю’ — 1-е л. буд. вр. с вышадением *r* в основе глагола <*xrī-*.

فِي نَانَ وَاسِيمَ مَعَالِمِكَ كِمَاث اِكِي دَمَابِر اِي حَلَالَ حَرَامَ كَانِدِي زِبُوكَ فِي
نِبَاكَ اِنْبَغَ اَخْسَنَ هَفَرَاغَ اَمَادَ بِنْبَاكَ

ffi nān(a) vāsimā ma'amalik kimaθ ikkī d^a mābir i halāl(a) harām(a)
kāndi zīv^ak ffi nⁱbāk anbic ix^sn liþrāc āmādi banⁱbāk ‘при этом скверном обращении, как ты обращаешься со мною, пусть будет разрешенное запрещенным для меня, если кто-нибудь даст тебе что-нибудь с залогом, особенно же без залога’.

وَاسِيمَ *vāsimā* — прил. ж. р. состоит из сокращенного указ. мест. *vā*, авест. *ava(vant)* ‘такой, столь’, которое представлено в качестве первого члена сложного слова (*vā* + имя) и в той же форме в осетинском и согдийском языках (ср. осет. *уанабарæ* ‘такой необыкновенный’ <*ya*+*ænabæræ*, согд. *w'ywñ'k* < **ava-gaona-ka*) и слова *sīm(a)* ‘потрясение, потрясающий’, засвидетельствованного также в согдийском языке (ср. VJ, 1063) *symh* ‘*β*’ ‘elle fut épouvantée’, ‘она была потрясена’; (R., I, 10, 148):¹ *KZNH* ‘*PZY*’ *ymn* ‘*tðrmnw*’ *wy p'z'ny sym* ‘*t* ”*wyšt k βwt*’ ‘so dass im Geiste der Teufel Bestürzung und Aufregung ist’ ‘так что в умах чертей потрясение и возбуждение (появилось)’. مَعَالِمِكَ *ma'amalik* ‘поведение, обращение’ — арабск. заимств. с суф. -*īk*. *kimāθ:ki* — относит. мест.; *māθ* ‘со мною’ (ср. ниже *βāθ* ‘с тобою’, *vāθ* ‘с ним’) — краткая форма личн. мест. 1-го л.; *ta* + послелог *θ* < *hada*, *hada*, согд. *ð'wn*, *ðnn*, афг. *la*, осет. *ad*. *ikkī* ‘ты делаешь’ — 2-е л. ед. ч. наст. вр. *zīv^ak* ‘кто-нибудь’, собств. ‘живущий, живое’, ср. в аналогичном употреблении согд. *zyw'nty* (R., I, 43, 171);¹ ‘*čwtyp nwkr zyw'nty prs'y*’ ‘а что же (если) теперь кто-нибудь (<живой>) спросит [opt.] «à combien plus forte raison» перевод этой цитаты Бенвениста J. A. (т. CCXXIII, № 2, стр. 228) верный по существу, не делает необходимым изменение *zyw'nty* на указ. мест. *nyw'nty*, как это он предлагает там же, в особенности ввиду наличия хорезм. *zīv^ak*. فِي نِبَاكَ اِنْبَغَ

¹ H. Reichelt, ук. работа, вып. I.

‘с залогом’, *nibāk* < *nīrāka* ‘залог’, перс. **گرو** ^{أَخْسَنْ} *xṣān* ‘что-нибудь’, перс. **جیز**, согд. *γnz* с оглушением и перестановкой, собств. ‘ценность’, ср. ниже *ci nāni* *'xsan'* ‘из этих вещей’. **هُفْرَأْخ** *hifrāx* ‘(если)...даст’ — 3-е л. ед. ч. conj. от *haθar. āmādi* ‘особенно’, перс. **خاصه**, ср. согд. **"mtuč** ‘действительный, настоящий’. **بنبَاك** *banibāk* (*pa nibāk*) < **apa-* *nīrāka* ‘без залога’.

آماد بنبَاك

āmādi banibāk ‘особенно без залога’, см. выше.

كُوتْ مِيتَّ

kūt (< *ka vaθ*) *m'iyitta*, перс. **که در وی بود** ‘что в нем было’.

ك(a) — союз, вводящий придаточное предложение. *kūt* (*ka vaθ*), *vaθ* (> *uθ*) ‘там’, ср. согд. *wdu*. **مِيتَّ** *m'iyitta* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. глагола *Vah-*, основа наст. вр. *'y^a-*; 1-е л. ед. ч. наст. вр. *'y^am* и т. д. Начальное *m* в форме пр. вр. указывает на то, что основа наст. вр. этого глагола начиналась с гласного (хотя и редуцированного, возникавшего перед протетическим *y*).

كِفَامَا نِي بِرْدِكِ

kefāmā nē pardikki, перс. **که مرا مانع نتوانی بودن استانیدن** ‘что меня не можешь удержать’.

ك(k) — союз, вводящий придаточное предложение. **فاما** *fāmā:fā* — предлог, выражающий место, направление, дательный падеж < *pati*, **لـ ما** — косв. п. личн. мест. 1-го л. в зависимости от предлога *fā*; **فاما** *fāmā* ‘мне’.

ن(n) ‘не’ — отрицание при глаголе. **پِرْدِكِ** *pardikki*, *pard* — прич. пр. вр. от глагола **par-* < ав. *par-* ‘препятствовать’: (*pard*) + 2-е л. ед. ч. наст. вр. от глагола *ik-* < *kar-*, *ikki*; *nē pard ikki* ‘ты не можешь воспрепятствовать’ (*fāmā* ‘мне’), т. е. ‘удержать меня’. Причастие пр. вр. + наст. вр. глагола *ik-* ‘делать’ имеет значение ‘быть в состоянии что-нибудь (сделать)’. Ниже представлен еще один пример такого сложного глагольного образования:

نِتْكِبِعْ *nēt̄kibū* *kēc* [*nē tta kēc* ‘не может взять’] (*tta-* < ав. прич. пр. вр. *yata-* ‘взятый’). Постановка в обоих цитированных выражениях отрицания в начале, перед причастием, а не перед личной формой глагола (*nē pard ikki*, *nē tta kēc*) может свидетельствовать о понимании носителями хорезмийского языка (так же как и согд. и я gnob. яз., см. ниже) этих образований как единого глагола, где составные части почти не ощущались как отдельные. И в данном образовании, как и в ряде других, хорезмийский

язык идет по пути общему с другими иранскими языками. Подобные образования — причастие прош. вр. + вспомогательный глагол 'делать' или 'быть' в значении 'мочь' — хорошо были известны для согдийского, сакского и ягнобского языков, они известны также для афганского (причастие + глагол *сəzə* 'становиться'),¹ а инфинитив и вспомогательный глагол — для авестского языка. В научной лингвистической литературе эти образования (для согд. и ягноб. языков) были отмечены в свое время К. Г. Залеманом (*Manichaica*, Изв. Акад. Наук, 1913, стр. 1140—1141), видевшим, впрочем, в большинстве этих образований не причастие + глагол 'делать', а инфинитив + этот глагол: с глаг. *wn* 'делать' при переходных глаголах: VJ, 311 — *L' βrt wn'y k'm* 'ты не сможешь вынести', 1228 — *L' δryt' wn't* 'путь не сможет удержать', 1230 — *L' pr"dt wn't* 'чтобы он не мог продать', 1253 — *L' pr"dt wn'y* 'не мог продать'. Эти формы: *βrt*, *δryt'*, *pr"dt* Залеман считал инфинитивами и отличал их, без особого основания, от таких, как VJ, 1273 — *rty my ZKw prm'n h L' ptywštw wn'nt* 'и они не в состоянии слушаться моего приказа', 691 — *wytw wn'* '(он) мог сказать'. Приведенные там же Залеманом примеры из известных в его время христ.-согд. текстов не вполне показательны по конструкции, ввиду их очевидной зависимости от сирийского оригинала, переводом которого эти тексты являются: *qt' wny... pr spxšy* 'мог бы служить', *ny qt' wn?q' šm'x pr spxšy* 'не сможете служить', *ny qt' wn'ntq' zw... pr qrwn* 'я не смогу делать', *c'ny qt' wntyq' ... pr qrwn* 'как он сможет делать'.

В последних примерах, тем не менее, может быть отмечено в значении 'мочь' (что-л.) сложное образование из прич. пр. вр. от глагола *kar-* 'делать' и личной формы от *wn-* 'делать' ('сделанное делать') — образование, имеющее аналогию в других иранских языках. Пассивная конструкция в этих образованиях, как отметил там же Залеман, выражается глаголом *βw-* с тем же прич. пр. вр.; также выражается возможность и при неперходных глаголах, что не отмечено Залеманом для согдийского; напр. VJ, 370 — *wysry šyr'k βyrt bwty rty ryšt z'lk L' βyrt βwt* 'все хорошее может быть приобретено (обратно, вторично), но сын не может быть приобретен (обратно)'. Залеманом отмечены там же эти образования (в страдательном залоге и при неперходных глаголах) и для ягнобского языка, напр. (с сохранением подлинной транскрипции Залемана) *jāft nā wutšit* 'не может быть получено' (пассив), *nīčākai na vārō wuci* 'не может быть достигнуто' (пассив), *na nīst vāmīt* 'я не могу сидеть' (неперходный глагол), *na iđ vīt* 'не можешь идти' (неперходный глагол). Залеманом не отмечены в ягнобском выражения 'что-нибудь мочь' с глаголом *kip-* 'делать'. Пробел дополнен С. И. Климчицким,² приведшим соответственные примеры из собственных записей: *ax hēči*

¹ Указанием на это я обязан И. М. Оранскому.

² С. И. Климчицкий. Зап. Инст. востоков., т. VI, стр. 16—17.

na wōft kuntišt 'он ничего не может сказать', *mōx ikta kuniṁ ax nikta kūn* 'мы смогли выполнить, а он не смог выполнить', *axtit it ark na ikt kunōjšt* 'они не могут выполнить эту работу', *ōdāmt áytite nē nōt akunōr* 'люди не смогли их забрать', *awōkaī vēk na-s agudairōnt akunīt* 'мы не смогли там переправиться (через реку)', *man iš šūrbō na x"ōrt kunōmišt* 'я не могу есть этот суп', *awē hēc čuhsə na bizōnt ikta-x* 'его никто не мог узнать'. Рейхельт¹ отличает уже в согдийском языке сложные образования для выражения возможности при переходных глаголах с *ip* и при остальных (непереходных и пассивных) — с *βw*, напр. (при непереход.) (SCE, 380): *KZNH'PZY'yw L' np'st' βwt* 'так что он не может ложиться', (VJ, 1132-4): *p'rZY βy' zw m's'y mtry' ym ny L' ny'st L' ny nystw β'm* 'ибо, о господин, я старый человек и не могу ни подняться, ни сесть'. Рейхельт в этой статье считает вышеприведенные причастные формы, подобные *np'st'*, *'ny'st'*, *nystw*, так же как и Залеман, инфинитивами и сравнивает эти образования от непереходных глаголов с ав., где инфинитив с глаголом *bav-* выражает возможность, напр. (V, 15,45): *yavat aēte spāna biš hapta n̄tāna pa'ri tačahi bavan*, 'когда эти собаки смогут обежать кругом дважды семь домов'; (пассив) (VJ, 858-9): *KZNH ZY L' wytw L' prβ'yr't β'y* 'так что невозможно было ни сказать, ни описать'; при переходных глаголах с *wn*, напр. (R., I, 37, 66): *rty č'n'w 'yw γ'n'kh piwry wyt wn'y* 'и когда он сможет увидеть один дом полным'. Но уже спустя два года, в цитированный выше статье («Beiträge zur soghdischen Grammatik») Рейхельт отказался от этой точки зрения и считает, что эти образования составлены из причастия с личной формой глагола. Здесь же он указывает на аналогичные образования в сакском языке с глаголом *yan-* 'делать' (ср. согд. *wn*) (Maitr., 236) *ihu h̄isū purdu yidānda* 'вы могли победить дух'. Его попытка найти подобное образование в древне-персидском, повторенная за ним в указанной выше статье С. И. Климчицкого (Bh. I, 13), *naiy āha. martiya... kašciy hya ... gaš-tātam... xšad'am dītam čaxriyā* 'не было... никого, кто отнял бы власть у Гаумата', должна быть признана неудачной, так как возможность выражена здесь optativ'ом, а не соединением *čaxriyā* с причастием *dītam*. Соответственная форма изъявительного наклонения в соединении с *dītam*: *dītam *čakāra* означала бы только 'он отнял', а не 'мог отнять'. Осенью 1934 года появилось давно ожидавшееся издание согдийских текстов из наследства Фр. Мюллера.² Эти тексты (христ.-согд.) позволили С. И. Климчицкому в указанной статье отметить в значении 'мочь' сложное образование прич. пр. вр. от *√kar-* + личную форму того же глагола *√kar-* аналогично с приведенным выше в согдийско-буд. прич. от *√kar-* + личн. форма от *wn*. Заслугой С. И. Климчицкого является указание там же на параллель к этому

¹ Reichelt. ZII, 7, I, 1929, стр. 147—148.

² F. W. K. Müller. Soghdische Texte, II. Aus dem Nachlass herausgegeben von Dr. W. Lentz. Berlin, 1934.

образованию <*kṛta + kar-* в мундженском языке со ссылкой на указатель к словарю в работе И. И. Зарубина.¹ На странице 148-й этой работы отмечено *ikər-kən* 'мочь', где *ikər* < прич. пр. вр., а *kən-* основа наст. вр. от глагола \sqrt{kar} 'делать'.² Это последнее имеет значение как указание на очевидно широкое распространение подобных сложных образований в восточно-иранских языках. В афганском языке может быть также засвидетельствована категория потенциальности. Формы ее образуются сложением финитных форм глагола *сəzəl* 'делаться' с распространенной формой причастия прошедшего времени спрягаемого глагола: *зə хат миқълай сəм* 'я могу писать письмо'. И. И. Зарубин любезно обратил мое внимание на аналогичные образования и в белуджском языке. Тем самым зона распространения этих образований еще расширяется, перейдя, во всяком случае, на один из западно-иранских языков. (Примеры привожу с разрешения И. И. Зарубина из его записей): *ā vanta; na kurt* 'он не мог читать' (\sqrt{kar} с прич. пр. вр. переходного глагола), *ā atag na kurt* 'он не мог прибыть' (\sqrt{kar} с прич. пр. вр. неперходного глагола; в согдо-ягнобском в этих случаях $\sqrt{bav-}$), *ičč giptaga na bīt* 'никак не может быть поймана' (\sqrt{bav} с прич. пр. вр. для выражения пассива — то же в согд.-ягноб.).

Приведенные параллели из иранских языков сложных образований, состоящих из прич. пр. вр. глагола и личной формы глаголов: *kar-*, *bav-*, *wn-*, *yan-* и вдвойне сложных (по типу христ.-согд. <*kṛta kar-* и мундж. *ikər kən*) в значении 'мочь (что-нибудь) сделать' — подтверждают правильность чтения хорезмийской цитаты **نی پر دک** как *nē pard ikki* и вынуждают, при данном переводе 'не можешь удержать', видеть в *pard* прич. пр. вр. от глагола < ав. *par-* 'препятствовать'.

كَأَيْ شُغْلٍ نِي بُوزْبَعْنَ

кā i šūyl nī yōzib̄ix 'если вы устроите это дело'.

نِي شُغْلٍ i šūyl nī 'это дело' — вин. п., членное имя с препозитивным и постпозитивным артиклем, см. выше, *šūyl* — арабск. заимств. بُوزْبَعْنَ yōzib̄ix — 2-е л. мн. ч. conj. от *yōz* < ав. *yaog-* 'запрягать, приучать', ср. согд. *uśc* 'приучать, обучать'; хорезм. *z* в *yōz*, как и в некоторых

¹ И. И. Зарубин. К характеристике мундженского языка. Иран, I, Ленинград, 1927.

² Пользуюсь случаем исправить опечатку в указанной статье С. И. Климчицкого. Так как цитированная выше посмертная работа Мюллера, использованная автором статьи, вышла из печати во второй половине 1934 г., то, очевидно, статья не могла быть написана 30 апреля 1934 г. В этой же статье ссылка (в тексте) на статью W. Henning (BSOS, vol. VIII, Bd. 3, 1936).

других случаях, *<dz* — звонкому эквиваленту *c*(?); *-iθi* — окончание 2-го л. мн. ч., ср. выше *ikkiθi kāt* ‘вы будете делать’. Окончание 2-го л. мн. ч. *-iθi* восходит к косвенному падежу личн. мест. 2-го л., к энкл. мест., — категория, которая в ряде средне- и ново-иранских языков служила или служит показателем формы, в той или другой степени сливаясь с глаголом, ср. барт. *tamāš-af-abōxt* или *abōxt-af* ‘вы послали’, руш. *abūxt-af* ‘вы послали’, мундж. *vā tən təškāy tēl'yáf* ‘вы моего теленка убили’. *x* — признак вторых лиц, ед. и мн. ч. conj. и пр. вр. <opt. 2-го л. от *ah* — **haih>hē*.

كَمْ أَيْ شُغْلٍ نِي بُوزِيغْنَ دَرَامَ افَاغْ

kämmi i šuyl nī yōzīθix d^a harām(a) aβāc ‘если вы мне устроите это дело, то пусть будет запрещенным’.

افَاغْ *aβāc* — 3-е л. ед. ч. conj. от *aβa* ‘быть’.

اسنادکاستر جفت ذاریناما

پاکدامن و پارسانر شوی می داشتم *jūft ḍarīnamī(?)* перс. ‘более чистого и добродетельного мужа я имела, чем ты’.

سنادکاستر *s'ñādikastar* ‘более чистый’ — сравнит. степень с суф. *-astar* от отглагольного прил. *s'ñādik* ‘чистый’. Суффикс *-as-tar* состоит из двух суффиксов сравнения: индо-ир. *-yas-*, ир. *-yah-* (где *-s-* сохранилось перед взрывным *-t-*) + живой суф. *-tar*, ср. согд. суф. сравнения *-tr*, *-t'r*, *-st'r*, *'tr<-ah- tar*: *msy'tr* ‘больше’, *prtr* ‘лучше’, *pr'wt'r* ‘выше’, *pntr* ‘ближе’, *pyrnmt'r* ‘ранее’, *twytr* ‘быстрее’, *šy'tr* ‘красивый’ (?). *sinādik* — отглагольное прил., образованное суф. *-ik* от прич. пр. вр. *s'ñād* ‘искупанный’ от *Vsnā-* ‘купать’. ذاریناما *jūft* ‘муж’ — перс. заимств. *ḍarīnamī* ‘(я) имела себе (?)’: *ḍarīn* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *ḍar* ‘иметь’ + *mī* (себе?).

کاناور اسنادکاستر یاھاگ

اگر او برمیزکار و پارسانر باشد *yāhāc*, перс. ‘если он будет болеедержаным и чистым’.

ناور *nāvar* указ. мест. ‘тот, он’, ср. id.? <*ana+ava*; конечно *-ar* по аналогии с *apara* ‘следующий, другой’. بَاھاگ *yāhāc* — 3-е л. ед. ч. conj. от *yāh<ah<ahāti*.

ناکش

نَاکش ‘безпосевный’ — перс. заимствование.

ما ناکش ناقراغ

mă nākiš năþrāγ (?), перс. ای بی کشت و بی درخت. эй, безпосевный и без деревьев'.

لـ *mă* 'эй', ср. ав. *mā*, осет. *ма* 'еще, ну-ка', барт. *ma* 'вот, на'. ناقراغ *nāþrāy* 'без деревьев'; *þarāy* 'дерево' (?), согд. *þr'k* 'плод' [не 'без деревьев', а 'бесплодный' (?)].

کاف ای وادزار نی هفرا

käβ̥a i vād̥'dāra nē hiβrā 'если я тебя не отдашь ветру', перс. اگر نرا
بیاد ندهم

βα 'тебя' < *θvāt* — вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. **وادِزار** *vād^īðāra*
 'ветру': *vād* < *vāta*, ср. осет. *yad*, согд. *w't*; *ðāra* — показатель дат. п. <
 < *rādiy*, см. выше, ср. согд. *rud'r* 'ради'. **هبر** *hiþrā* — 1-е л. ед. ч. conj.
 от *haþar* 'давать'.

کا فا ذام نیخ (نی اینچ)

kă fa ḍāma nē uix, перс. (اگر بدنیا نروی) «это перевод его по-персидски, хотя он и не употребляется среди персов в этом смысле»); ‘если ты не пойдешь в мир’.

فـ *fa* — предлог направления, места. مـ *ذ* *δām* 'мир', ср. согд. *δ'm* id.
نـ *nē yix* 'не пойдешь' — 2-е л. ед. ч. conj. <*i*, *ay-*.

٥٦

xunma ‘усадьба’ (?) (перевод: منزل، перс. مان و خان (?))

کا ڦاخ فا ڏام نیا دا ماخی شباؤر پراخ افیغ

kă βăc(i) fa δāma nē iyā d^a măci šiyāvar parāc aβix, перс.
اگر از تو بدنیا نروم تو از من بسه طلاق
если я от тебя не уйду в мир, то ты от меня
трижды разведена'.

исх. п. **نَبِّعَ** *nēⁱyā* ‘не уйду’ — 1-е л. ед. ч. conj. от <*i* ‘итти’, $\hookrightarrow d^a$ согд. *rty*.

ماشي *măci* — исх. п. личн. мест. 1-го л. ‘от меня’. **افبغ** *aβīx* ‘будешь’ — 2-е л. ед. ч. conj. от *aβa*<*bav*- ‘быть’. Исторически данная форма — optativ, согд. *β'y*.

بَذِين

baðēn (paðēn), перс. بَذِين ‘без религии’.

ماچىڭ ويڭ

māčikč(c)a *vēda*, перс. اُوزن جلب ‘жених распутницы или имеющий жену распутную’.

ماچىن *māčikč(c)a* ‘распутница’, ср. перс. ماج‘ ‘поцелуй’, целовать’, хорезм. *māčik* — отлагольное прилагательное ‘целующий’, *māčikč(c)a* с суф. ж. р. -ča (хорезм. -ca ?) ‘целующая’ > ‘распутница’. **ويڭ** *vēda:vēd* ‘жених’ < ав. *vadrya-* ‘способный (зрелый) к браку’; конечное a в *vēda* — признак зват. п. (?) *māčikč(c)a* *vēda* ‘о распутнице жених!’

بِيَارِي

biyāriya ‘этой ночью’.

biyāriya — мест. п., ср. согд. *γry'* ‘на горе’, ср. я gnob. *viyora* ‘вечер’ < *apa-ayar*, ср. осет. *изэр* ‘вечер’ < *uz-ayar*.

اود شاخ بيارى

ud šāc biyāriy^a ‘и завтра ночью’.

اود ud ‘и’ < *utā*. شاخ *šāc* ‘завтра’ < ав. *uś(ah)* ‘утро’ + част. -ty. Переход значения: ‘утро’ > ‘завтра’.

اوْ فاذبنك پرم

ud fādēnak param ‘до пятницы’.

فاذبنك *fādēnak* = *fā*+*ādēnak*; *ādēnak* ‘пятница’ перс. آذنه id. param — послелог ‘до, вплоть до’, ср. согд. *prm* id.

خا شى غُرك

că šē(šī) γuduk ‘из трех напитков’.

غُرك γuduk, ср. перс. غلو ‘буза’ ‘potus ex milio’ (Vullers).

كَبُخْتِكْ خِرَا

kă puxtak xurā 'если я выпью вина'.

بُخْتِكْ *puxtak* 'шрят, **خمر**' 'вино' (соств. 'вареное'). **خِرَا** *xurā* — 1-е л. ед. ч. conj. '(если) выпью'.

بَكِنِينَ

bakanīna — вин. п. от *bakanīn* 'пиво, буза', ср. перс. **بَكْرَكَه** *id.* **بَكْنِي** *id.* **غُبِيرَا** *gubirā* id., осет. *бæгæнни* *id.*

كَزِنَائِي إِكَا

ka zⁱnāy ikkā 'если я совершу прелюбодеяние'.

zⁱnāy — перс. заимств. *zan* 'женщина' + суф. абстракт. -āy. **إِكَا** *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conj. от *ik-* 'делать' <*kar-*.

كَجِفْتَ إِكَا

kă jifta ikkā 'если я женюсь'.

Огласовка в слове *jifta* 'супруга, женщина' ж. р. с *i* из *juft* (перс. заимств.) — под влиянием палатального *ج*, как выше.

كَهْنَانَ إِفْنَا [إِخْنَانَ]

kă hunān(a) ixnā(n) 'если я куплю рабыню'.

ixnā(n) — 1-е л. ед. ч. conj. от *'xⁱn* 'покупать' <*xrī* || *xrīn*.

كَزِنَائِي إِكَا كَخِر خِرَا كَحَلَل إِكَا

kă zⁱnāy ikkā kă xamr xurā kă halāl ikkā 'если совершу прелюбодеяние, если вина выпью, если совершу дозволенное'.

خِرَا *xamr* 'вино' — арабск. заимств., но ср. согд. *γmr* 'вино', в неизданных документах Мугского собрания (идеограмма?). **حَلَل** *halal* — арабск. заимствование.

كَمَّابِرِ خِيَانَتِ إِكْبَعْ

kă măbar xiyanat ikkix 'если изменишь мне' (соств. 'если мне сделаешь вероломство')

خِيَانَتِ *xiyanat* 'вероломство'. **إِكْبَعْ** *ikkix* — 2-е л. ед. ч. conj.

اوْدِ يَازِي١ فِي نَانِ رَاوَنَ غَبَرِيْغُ

ud yāzī(?)¹ fi nān rāv^ana γērīx 'и особенно (если) в то поместье вернешься'.

يَازِي yāzī(?) 'особенно'(?) — не ясно, см. выше. رَاوَنَ rāv^ana 'поместье, место', ср. осет. *raуен*. غَبَرِيْغُ γērīx — 2-е л. ед. ч. conj., ср. согд. γyγr 'проходить', мундж. *nəγar* 'выходит'.

كَ بُخْتَخْ فُرَا اوْدَا بَكْنِينْ فُرَا

kă puxtīc xurā udă bakanīn xurā 'если я выпью вина и выпью пива (бузы)'.

بُخْتَخْ puxtīc, ср. выше *puxtak* — здесь именной суп. с <č с огласовкой i, -ic, ср. сказанное выше о передней артикуляции хорезмийского a || ä. اوْدَا ud(a) 'и' <*uta*. بَكْنِينْ bakanīn 'пиво, буза', ср. выше.

كَ با نَانَامَيْ دَارَ مَرْغَنْدَنَا مَنْتَخَّ اَوْدِ مَا پَشْ مِيدَرَا مَنْتَخَّ

kă yā nānāmīya dāra maryund^ană mancăc udă tăpiš miyidă mancăc 'если бы я позвал такую-то и она пошла бы со мною' (Е.² перс. пер. مرغندنا منخاخ — بازگ کرده باشم).

مَرْغَنْدَنَا مَنْتَخَّ maryund^ană mancăc 'я позвал бы' — 1-е л. ед. ч. praeteritum futurum 2-го буд.вр., перс. بازگ کرده باشم. Как указывалось выше, эта форма образовывалась сложением прошедшего времени глагола с частицей *mancă* от глагола *man-*, ср. согд. *m't*, язг. *mat*, *mit?* с <ty. Пр. вр. глаг. *maryund^ană* образовано с преф. *m-* от основы наст. вр. *"ryun(d)*, ср. осет. *үнергүүн* 'подавать голос', ср. перс. *بازگ کردن*, согд. *wnyrr* 'голос': *maryundană* в согласии с его осетинским эквивалентом — глагол непереходный, как показывает зависящий от него дат. II. *yā nānāmīya dāra*. مَا پَشْ *tăpiš* 'со мною', ср. *βătpiš* 'с тобою', *hăpiš* 'с нею'. Послелог *piš* <*api+š*, ср. согд. *ptyš*, *pyš*, *py*, ягноб. *ri* 'с' (R., II, 32—35). مِيدَرَا مَنْتَخَّ *miyidă mancăc* — 3-е л. ед. ч. 2-го буд. вр. от *Vi-* *miyidă* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с прист. *m-*.

¹ Вар. بَارِي بَعْنَى حَرْوَيْزِي (حَرِي وَيَزِي) исправить на ² Одна из рукописей, лежащих в основе издания.

كاه مکنا منغا اود کاه اکا

kāhī mikkinā mancā ud kāhī ikkā ‘если бы я женился на ней и если женюсь’.

mikkinā mancā — 2-е буд. ‘сделал бы’, подразумевается *nikāh* ‘брак’. *hī* — энкл. мест. 3-го л.

کا ای چرمین اوزار

kā i ḍ(c)armimna uvvuzārī ‘если кожи наши соприкоснутся’.

أوزار *č(c)armimna* ‘наши кожи’, *-mna* — энкл. мест. 1-го л. мн. ч., *č(c)arm* ‘кожа’, ср. согд. *črm*, осет. *чарм*. *uvvuzārī* ‘(если) соприкоснутся’ — 3-е л. мн. ч. conj. medii(?), ср. выше, от *<ava vaz*, ср. согд. *r̥ewz* ‘встречаться’.

آماد کا پسوا

ka ci junkarāka ixfa āmādi kā pissāvā ‘если я возьмусь за ручку (деревяшка, которой вертят ручной жернов), особенно же если я буду молоть’.

junkarāk ‘деревянная ручка’, ср. перс. چنگال. Предлог *ci* придает здесь значение партитивности: ‘возьмусь за ручку’ (не ‘возьму ручку’). **آخفا** *ixfa* — 1-е л. ед. ч. conj.. от *'x'f<grb-*, ср. выше. **آماد** *āmādi* — наречие ‘особенно же, не говоря уже о том, что’, ср. согд. *"mt̥yč*, ср. выше **پسوا** *pissāva* ‘(если) я буду молоть’ — 1-е л. ед. ч. conj. *<pati-sav-*, ср. перс. *pis-sāvid* ‘тереть’.

افتر کا پسوايد

aftar kā pissāvid^a ‘раньше чем молол’.

پسوايد *aftar* ‘раньше’, ср. согд. *prtr*, др.-перс. *fratara-*. *pissāvid^a* ‘молол’ — 3-е л. ед. ч. пр. вр., ср. выше.

آماد کا پسوا

āmādi kā pissāvā ‘особенно если я буду молоть’, ср. выше.

اماد āmādī 'особенно, действительно', согд. **mtyē*,ср. выше.

كَانْدِ بِسَّاوَا

kăndi piśāvā 'если я буду молоть для тебя'.

كَانْدِ kăndi 'если (*kăn*) для тебя (*di*)'.

دِمِ وَكِفِ إِكْبَامَ اود ارْخ

d¹ mī vakiffi ikkikām ud arx, перс. 'затем
дашь съесть меня тоске и ревности'.

Перевод хорезмийской фразы точнее: 'и мне такую(?) тоску сделаешь
и ревность'.

وَكِفِ *vakiffi* 'такую(?)тоску': *va + kiffi*(?); *va* <авест. *ava-vant*, осет. *ya*
(первая часть сложного слова), согд. *w'* id. 'такой' (в начале сложн. слова),
kiffi — косв. п. от *kif* 'горе' (перс. اندوه), ср. перс. *kefa* رنج و سختی و)
معنٰت و تنگی id. *arx* 'ревность, зависть', ср. согд. *'r'skw* (R., II, 32, 5),
ав. *araska*, перс. رشک id., хорезм. *arx* <*arxš*.

كَانْجِ اخنا

kănci ixnā, перс. اگر خرم 'если куплю'

كَانْجِ kănci — *kăm* 'если' + *ci* < согд. *ty* — усилит. частица. اخنا *xinā* —
1-е л. ед. ч. conj.: *xrī* || *xrinā*, ср. выше.

كَانْجِ يَا نَانَامُكِ بِرِيَخَا فِي وِيَكِ

kănci yā nānāmki pirēxxā fī vyāk перс. اگر فلانه را بمانم در خانه من
'если я такую-то оставлю в моем доме'.

يَا نَانَامُكِ *yā nānāmki* — сложное указ. мест. с артиклем в косв. (вин.) п.
pirēxxā '(если) оставлю' — 1-е л. ед. ч. conj., ср. согд. *pr'yēc* id.,
хорезм. *x* по аналогии с прич. (= 3-е л. пр. вр.) **pirēxt*(?), ср. перс.
معنٰت و ياك . *vyāk* 'дом', ср. согд. *vy'k* 'место', средн.-перс. *vyāk*, *vyāy*,
и.-перс. جا 'место'.

كَانْدِ پَا تُسْوَى كَابِينَ اٰكَا

کاند پا تسوی کابین اکا, если я
женюсь на тебе за грош'.

تسوی *tusuvⁱya* — местн. п. с оконч. *-ya*, ср. согд. *y'*. *tusu*, ср. перс. تسو, арабск. طاسوج < средн.-перс. *tasuy* ‘вес четырех зерен ячменя’ — шестая часть мискаля, динара. Этимологически *tasu* есть чисто персидское (средне-персидское) слово <др.-ир. *čaθru-* ‘четыре’.

کامّا بَرْ خِيَانَتِ اِكْبَعْ

کامّا بَرْ من خِيَانَتِ کني إِكْبَعْ, если изменишь
мне.

kā — союз. *mābar* (с удвоенным *m* после гласного, как часто здесь) — мест. 1-го л. с посл. إِكْبَعْ *ikkīx* — 2-е л. ед. ч. conj., ср. выше. *xiyānat* ‘измена’ — арабское заимствование.

نَازْ خَى بِيزَارَ بِمَ

من از آن بیزارم *'yim^{ma}*, перс. ‘я свободна от этого’.

نَازْ *naz* ‘я’ id., ср. выше *mikkin az* ‘я сделал’ || *mikkinnaz* || *mikkin+naz*. بِيزَارَ *bīzār* — перс. заимствование. بِمَ *'yim^{ma}* ‘я есмь’ <*ah* — 1-е л. сущ. глагола.

اِفَاقْ بِتْ با وُذْ شِيَاوَرَ پِراخْ

اِفَاقْ *aβāci* بِتْ *yit^{ta}* با وُذْ شِيَاوَرَ پِراخْ parāc ‘разведена ли от тебя (есть) жена трижды’.

اِفَاقْ *aβāci* ‘от тебя ли’: *a* — вопр. част., *βāci* — мест. 2-го л. с послелогом. بِتْ *yit^{ta}* ‘есть’ — 3-е л. ед. ч. сущ. глаг. وُذْ *wid* ‘жена’, ср. согд. *wdw*, мундж. *wæla*.

کن اک

کن اک ‘нет’.

کادا-کا ‘как’ (?) > ‘нет’, ср. выше.

اْفَأْخَى بِتْ

aⁱβāci iⁱyⁱt^{ta} 'есть ли от тебя', ср. выше.

يَا زِيَا بَا هَزَارْ يَاوِيرَ

yāzyā bā hazār yāvir [т. е. *yāvār*, ср. выше] 'особенно (действительно) тысячу раз'; بَارِي با, перс. بَارِي — يَا زِيَا — يَا زِيَا — بَارِي?].

يَا زِيَا بَا هَزَارْ يَاوِيرَ

yāzyā bā hazār yāvir 'особенно (действительно) тысячу раз', ср. выше.

كَانَدَا أُوازَّاخْ نِينَ

kānda uzāc nīna 'если выйдет эта'.

كَانَدَا *kānda* — *kān* 'если' + د *d* < *rty*, т. е. 'и если'. أُوازَّاخْ *uzāc* — 3-е л. ед. ч. conj. от глаг. *vaz*, ср. выше *uvuzāri* '(если) соприкоснется' < *ava-vaz-*. نِينَ *nīna* — указ. мест. ж. р. 'эта' = *nī* + *na*.

دِ كَاهِينَ نِي هُفْرِيغْ

dⁱ kāhīna nē hiþrīx 'и если ты не дашь ей это'.

هِفْرِيغْ *hiþrīx* (если не) 'дашь' — 2-е л. ед. ч. conj..

اَخْوَا مَاخِ اِي خُبْسَكَ شُغْلْ نِيَكِيغْ

acvā māci i xubsak^a šuyl nēkkēc, перс. بَعْسَادْ يَعْنِي (букв.) 'почему от меня свое дело не делает, т. е. почему он не оставляет меня в покое'.

اَخْوَا acvā 'почему?': *a* — вопр. част., خُوَا *cīva* — ср. согд. *čw*, *'čw*. مَاخِ *māci* 'от меня' — личн. мест. 1-го л. с послелогом *ci*. خُبْسَكَ *xubsak^a* 'своё' < **x^aaraðaka*, ср. шугн. *xubað* 'сам', согд. *xurð* 'сам'. В слове *xubsak*; *s* < *θ*, как в одном из ягнобских говоров (восточном). В каких случаях иран. *θ* > хорезм. *s* пока не ясно (после согласных?). نِيَكِيغْ *nēkkēc* — 3-е л. ед. ч. наст. вр. 'не делает'.

كَا يَا هُنَانَ نِي فِي بِيِعَام خِيَّاْخ

کا يَا هُنَانَ نِي فِي بِيِعَام خِيَّاْخ — если این کنیزک اگر بیع در آید, перс. эта рабыня войдет в мою покупку.

کَا يَا هُنَانَ نِي — сущ. ж. р. с оконч. -a и артиклем, препозитивным yā и постпозитивным nī; первый изменяется по родам (*i*, yā), второй — не изменяется. بِيِع bay' — арабск. заимств.; -am — энкл. мест. 1-го л. خِيَّاْخ ciyāc — 3-е л. ед. ч. conj. от ciya- < др.-инд. ciyāva, др.-ир. šiyāva-, сп. осет. цæуун, согд. šw-; хорезмийский язык в данном случае ближе к осетинскому (с его c), чем к согдийскому (с š-).

كَا نَكَاح اِكتَك ذَارِيَي اوْدَا هِيج اِكا

کَا نَكَاح کَرْدَه باشْ و مِيَكْنَم — если бы я женился на ней и если женюсь на ней'.

کَا نَكَاح اِكتَك (اِكتاك) ذَارِيَي — optativus perfecti. Перфект в хорезмийском языке, как видно по этому примеру, образуется, как и в согдийском языке, посредством соединения причастия пр. вр. с наст. вр. глагола dār- 'иметь': کَا نَكَاح dāriyāyē — optativ от глагола dār-, образован посредством присоединения к conjunctiv'у частицы ē || hē — признака optativ'a. کَا نَكَاح iktak — прич. пр. вр. от ik-, согд.-христ. qt. Значение этой формы (iktak dāriyāyē) при союзе kā — ирреальное условие (?) مِيَجْ hīc — энкл. мест. 3-го л.: hī + част. c < ty. کَا ikkā — 1-е л. ед. ч. conj.

كَا يُوزِيَان اِي شُغْل نِي

کَا يُوزِيَان اِي شُغْل نِي — если я устрою (ему, ей) это дело'.

کَا يُوزِيَان اِي شُغْل نِي — 1-е л. ед. ч. conj. от yōz < ав. yaog-, согд. ywč, сп. выше. کَا يُوزِيَان اِي شُغْل نِي — вин. п. членного имени.

پَرَاجْ هَفَاقْ كَه كَابِن اِكامْكَام

پَرَاجْ هَفَاقْ كَه كَابِن اِكامْكَام — если развод той, на которой я женюсь'.

هَا قَاخْ hăbāc ‘пусть будет’ — 3-е л. ед. ч. conj. от *aβa-* ‘быть’ — соединение двух основ: *ah-* и *bav-*, ср. курд. *həvu* ‘был’. Смысловые оттенки форм *hăbāc* и *aβāc*, их отношение друг к другу, не ясны (будет и станет?).

خا نکاح إِكَّا د حرام افَارِ

‘نکاح كه کرده باشم حرام باشد’ — брак, который я заключу, пусть будет запрещенным’.

افَارِ aββāri — 3-е л. мн. ч. conj. (*medii?*).

د شیاورَ پرادک افَاخْ

dⁱ šiyāvara parādak aββāc ‘то пусть будет разведена трижды’.
پرادک parādak — прич. пр. вр. с суф. *-ak* < **apa-rāta-ka-*.

د حرام نبِت کام

dⁱ harāma nīši kām ‘то ты станешь (собств. ‘сидешь’) запрещенной’ — глагол состояния в функции вспомогательного; ср. аналогичные образования в таджикском языке, *nībi kāt* ‘сидешь’, ср. согд. *nub*.

کاهیاذوانَ ذار هُفْرَا

kăhhiyădⁱvān dāra hiβrā ‘если ее двум я отдам’.

Следует читать: *kăhhiyădⁱvān dāra*, где *y* — переход между *i* и *a* для избежания зияния, *a* в слове *adⁱvān* — протетич. гласный, ср. согд. ’*dw* ‘два’. **هُفْرَا hiβrā** — 1-е л. ед. ч. conj. от *haβar* ‘давать’.

امْعَنْ

امْعَنْ перс. مرغ ‘курицу’ (согл. арабск. переводу **دجاجة**).

امْعَنْ — с протет. гласным и выпадением *r*, ср. согд. *mry*.

شُور

شُور ‘соленый’, ср. перс. id.

خا خُشَّوْ خسَنْ قَاخْ نِي فُرَامْ دَخِي اِيْنْ مِيْتِخِيَاْهْ خُوبْ خُرْدْ

са xuššūva xisni βāc nē xurām d^a ci ēxmēnciyahi cōb xurd^a ‘из тещи веющей от тебя(?) не буду есть, а (из) ледяной ее воды выпил’.

خا са ‘из’. خشَّوْ xuššūva ‘теща’, ср. согд. *γwšh*. خسَنْ xisni ‘имущества, вещей’ — род. п. ед. ч. от *xisn*, ср. согд. *γnz*, перс. *گنج*, ср. выше. خُوبْ ci ēxmtēnciyahi cōb ‘из ледяной ее воды’: *ci* ‘из’. Колебание огласовки этого предлога, в зависимости от гласного следующего слога, указывает на редуцированный характер этого гласного; *ēxmtēnsa* ‘ледяная’, *ēx* ‘лед’, ср. согд. *yydgn* (вм. *уудgn* ‘ледник’), осет. *йēx*, *их* ‘лед’ < ав. *aēxa-*, *tēnsa* — суффикс, образующий прилагательные ср. согд. *-tuyč* id., напр. *'yntuyč'* ‘женская’, *y'tuyč* ‘мясная’, ‘телесная’; *ēxmtēnciya* — косв. п. ж. р. с оконч. *-iya*, ср. согд. оконч. *-y*; *hi* — энкл. мест. ‘ее’; خوبْ cōb ‘вода’: *ēxmtēnsa cōb* ‘ледяная вода’, *cōb* ‘вода’ < *čōb* < *čob*, перс. *بوب* ‘канал’ — старое заимствование из персидского языка. خُرْدْ xurd^a ‘выпил’ — 3-е л. ед. ч. пр. вр.

رو بيل بيل

rubīdīd(a), перс. *ربودش* ‘похитила (его)’.

rubīdīd — перс. заимств. 3-е л. ед. ч. пр. вр., образованное от перс. основы пр. вр. *rubīd-*.

پوشیدن

picimcāk^a, перс. *پوشيدن* ‘одевать, одевание’ — инфинитив с оконч. *-āk*, согд. *'k*, ягноб. *-ak* id., ср. согд. *'wy zβ'k* *dyuč'k tmyh* ‘в ад вытягивания (где вытягивают) языка’ (SCE, 254-5), ягноб. *vīnak* ‘видеть’, ср. Gr., II, 57. Gr. Ir. Ph. I, 2, 337, *picimcāk* < *pati-muč-*, ср. согд. *p̄tmwč* ‘одевать’.

کانشی خی ریساد بخمنا

kāncī ci rēsadi picimcā, перс. *اگر پوشم از رشته نو*. ‘если одену из твоей пряжи’.

کانشی kāncī — союз *kān+ci* < *ty*, ср. выше. ریساد rēsadi ‘пряжа (*rēs*) твоя (*di*)’: *rēs*, ср. перс. *rēs-* ‘прядь’. بخمنا picimcā ‘(если) одену’ — 1-е л. ед. ч. conj., ср. выше.

کانځی خی وژیر

kănci ci ^tvižir (?) (рук. vižid), перс. اگر بیوشم از ریسمان تو 'если одену из твоих ниток', ср. мундж. *wurž*, шугн. *wurъ*.

کامېت خی نورانیان خسن پېیخا

پېش از امروز اگر باين خانه kămmið ci nūrāniyān xisn pirēxxā, перс. 'после этого (нынешнего) дня если оставлю (в этом доме) вешь (принадлежащую) другим'.

مت *tið* 'день', ср. согд. *tuð*, шугн. *teð*, язг. *teð* 'день', осет. *met*, мит 'снег'. *nūrāniyān* 'нынешний, сегодняшний', ср. подобное сочетание *nur* и *tuð* в согд. *'kw nur tuð* 'до сегодняшнего дня' (VJ, 445).

کاناد دها

کاناد دها *kān^ədi dahā* перс. اگر ترا زنم 'если я ударю тебя'.

دها *dahā* '(если) ударю' — 1-е л. ед. ч. conj. от *dah-* 'бить' < индо-ир. *dhā-* || *dadhāti* 'класть, ставить'. гр. *τίθηι*; в иран. языках 'бить': ср. мундж. *zə dəm*, *dum*, ср. руш. *də-*, *dey-*, язг. *da*, *de*, ишк. *də*, *ded*, вах. *di döy-* || *döyt*, *dyöt*, барт. *dəy* || *dət*, перс. *dah-: bayārānš farmūd kandar nihēd*, *batīr ū ba žūrīn u xanjār dahēd* 'друзьям своим приказал: «приналягте, стрелами, дротиками и кинжалами (его) побейте (поразите)»'. (Шохнома, изд. Vullers'a, стр. 863, стих 1594).

دی ذسته پارو خیل

دست دست اورا نافت نافت di ðastihi pārvuccīd(a) перс. 'он крутил ее руку'.

دی دیما بام. где *di* *ri*ty *ba yā* — артикль ж. р. к *ðast* 'рука', ср. выше. پارو خیل *pārvuccīd(a)* 'крутил' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* основы от глагола *para-vart-*; тот же глагол в значении 'становиться' — *pārvuz* = согд. *prw'st*.

اوْ ای سارُونه ای ارذن ذَارَ هافرد پُنگَبَ

سر وی را مدبوار زد *ud i sārxūtihi i arðan ðāra hāþird(a) pickab⁸*, перс. 'ударил ее голову об стену'. Буквальный перевод хорезмийского текста не вполне ясен.

sār ‘голова’, ср. согд. *s’r. xūt* ‘сам’, ср. согд. *γtw* — согласный *t* не озвончен, вопреки закону хорезмийской фонетики: *t>d* после сонорных; условия этого исключения не ясны, заимствование? *i sār xūtihi* ‘ее голова (у)’.

أَرْدَنْ دَارْ i arðan dāra — косв. (дат.) п. от *arðan* — значение последнего не ясно, ср. ав. *araðna* ‘локоть (мера)’, перс. ارن, др.-перс. *arašni* (?), т. е. *i arðan dāra* ‘на расстояние локтя’ или ср. ав. *arða* ‘сторона’ — *i arðan dāra* ‘в сторону’ (?). هَافِرْد hāfirda ‘дал’ — 3-е л. ед. ч. пр. вр. بُكْبَ pickab^a ‘стена’ (на основании контекста и этимологии) <*pickamb*< < др.-ир. *patiškamb-a-, ср. согд. *pīšknb* (значение согдийского слова, выведенное Готто в издании SCE на основании единичного употребления, следует уточнить согласно хорезмийскому и др. эквивалентам: перс. پیشکم ‘портик, сени’, арм. պատշամբ — то же, ав. *fra-skombha* — то же.¹

كَانْتِيْلَ بَيْنِيْنَا مِنْخَاعْ وَأَنْجِيدَ بَا مَا سِنَا مِنْخَاعْ خِي نَانِ إِخْسِنِ

kāncīd^a pīnīmā (?) mincāc vāncīd ba māsnā mincāc cī nānⁱ xsⁱn, перс. اگر چیزی دور کرده باشم یا گرفته باشم ازین چیز ها или возьму из этих вещей?

rīnīnā, ср. согд.-ягноб. *rūn*(?) ‘удалить, открывать’ <*apa-nay-*? kīn-cīd^a ‘если что-нибудь’: *kā-n* ‘если’, *cīd* ‘что-нибудь’, ав. *cīt. vāncīd ba* ‘или что-нибудь’: *vā-n* ‘или’, ср. выше *ba* <*pati*, *māsnā mincāc* — 1-е л. ед. ч. 2-го буд. вр. от *as-* ‘брать’, ср. выше. ‘xsⁱn ‘вещь’ < согд. *γnz-*, ср. выше.

كَ اى چِرمِينَ اُورَارِ

kā i čarmīmna uvvuzāri ‘если соприкоснутся наши кожи’.

uvvuzāri — 3-е л. мн. ч. conj. mediī, ср. выше.

شِ مَاهِ

šī (še) māhi ‘три месяца’, ср. перс. ماه, согд. *m’γ*, осет. *mæj*.

كَافَّاث فِي پِخْنَاسِ ثِيَا

kāβθāθ fi picxāsa ciyā ‘если я войду в постель с тобою’.

فَلَاث βāθ ‘с тобою’: θ — послелог < ав. *hada*, ср. согд. предл. δ (δ’*un-dnn*), ср. *māθ* ‘со мною’, *hiθ* ‘с ним’. پِخْنَاس picxās ‘постель’,

¹ H. Hübschmann. Armenische Grammatik. Leipzig, 1897.— Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1905.— E. Benveniste. Textes sogdiens. Paris, 1940.

ср. согд. *rčy'yz* 'опускаться' (?). **ثِيَا** *ciyā* '(если) войду (пойду)' — 1-е л. ед. ч. conj., ср. осет. *цæуон* id.

كَا سُكْنَدْ خُرَا

kă s^ukund xurā 'если я поклянусь', ср. выше.

كَتَانِبْشْ كَارَكَرِيكْ إِلَّا خَابِرْ

إِلَّا بَعْدَ أَرْسَنْ سَا دُو كَارَكَرْ كِنْم, перс. 'если с тобою полевую работу я буду делать после этого'.

فَانِبْشْ *βānpiš* 'с тобою', послелог *riš* 'с', ср. согд. *ryš* id. (R., II, 32, 33), ср. выше. **كَارَكَرِيكْ** *kārgirik* — абстрактное образование от перс. заимств. слова **كَارَگَرْ** 'земледелец, батрак' посредством хорезм. суф. абстрактности *-ik*, ср. согд. *-y'k* id. **خَابِرْ** *cāpar* 'сверх, над>после', ср. согд.-христ. *c'p'r*, перс. **ازِبر**.

كَا آسِرْذْ كَارَكَرِيكْ إِلَّا

إِلَّا اَمْسَالْ كَشَاوَرْزِيْ بَا كَدِيُورِيْ كِنْم, перс. 'если я в этом году буду делать (обязанности, функции) кишаварза или кадивара'.

آسِرْذْ *āsirð* 'в этом году', ср. перс. **امْسَالْ**; *sird* 'год', ср. согд. *srð* id. *ā* 'этот' — указ. мест., ср. осет. *абон* 'сегодня (этот день)', *азер* 'в этот вечер', *асарды* 'в это лето', *азымæджы* 'в эту зиму', *ауалдзæджы* 'этой весной', *афæззæджы* 'этой осенью'.

آسِرْذْ فَا كِشْتِكْ نِيكَامْ

اَمْسَالْ كَشَتْ نِكْنَمْ, перс. 'амсал кшт нкнм' в этом году я не буду делать (собств. 'не делаю') посева'.

كِشْتِكْ — перс. заимств.: *kišt* 'посев' + хорезм. суф. абстр. *-ik*, ср. выше **كَارِجِيرِيكْ**. **فَا** *fā* — предлог, означает место, направление: *fā kištik* 'на посеве (?) (не буду работать)'.

كَا هِبَثْ + انْكِشْتِكَاوْكْ (؟) إِلَّا

إِلَّا اَنْبَارِيْ بِكْنَمْ بَاوْ, перс. 'если с ним товарищество (для посевов, см. текст) сделаю'.

h̥iθ 'с ним', ср. *māθ*, *βāθ* 'со мною, с тобою', ср. выше. **انکشتکاوکُ**⁺
⁺*ankištkaav"k* 'совместный посев, товарищество' — конъектура; в рукописях:
انکساواک, **انلیشکاواک** и т. п. *an<ham*, *kistik* — перс. заимств., ср. выше;
-āv"k — суффикс абстрактности.

كَا هِيدَ إِي نَانَامِ ذَارَ اَكْبَغْ

kă hēd^a i nānāmi ḍāra ikkīx 'если это такому-то сделаешь (расскажешь)'.

هِيدَ *hēd^a* 'это' — указ. мест., ср. согд. *γυδ*. **اَكْبَغْ** *ikkīx* — 2-е л. ед. ч.
 усл. накл., ср. выше.

خِرْذَانَ كَا بَاهَامِينِ

...kă yahămini, перс. **چندانک مادام کی باشم باشم** (**باشیم**) 'пока мы будем (вместе)'. Исправляю первое слово **خِرْذَان** (не понятное и не дающее контекста) на **خِنْدَان**, для чего требуется лишь перенести точку с **ذ** на предыдущую букву и соединить эту последнюю с **د**. При чтении *candān kă yahămini* получается перевод, соответствующий персидской глоссе, соответственно хорезм. *candān kă*, перс. **چندانک** и согд. *čn̄tn*. **يَاهَا مِينِ** *yahămini* — 1-е л. мн. ч. conj. *medii*(?) от *Vah* 'быть', ср. выше.

إِي فِتْمِيْكَ سِرْذَ كِوَا نَفْسَامِكَام

i fitmēck sirđ kivă niyasāmkām 'в первый год, что я в него (город?, см. текст) прибуду'.

فِتْمِيْكَ *fitmēck* 'первый', ср. согд. *prt m*, *prt mčyk*, *'btm*, согд.-христ. *ftm*, перс.-ман. *afradum* id. <*fra-tama*+суф. *čyk*. **سِرْذَ** *sirđ* 'год', ср. выше, согд. *srđ*. **كِي** *ki* 'что (в который)' — относит. мест., согласовано с *sirđ*; **وَا** *vă* 'в него' — краткая форма косв. п. личн. мест. 3-го л., ср. *mă*, *βă*. **نَفْسَامِكَام** *niyasāmkām* 'прибуду' — 1-е л. ед. ч. буд. вр. от глагола *ni-yas-*, ср. выше **غَازِ** и осет. *газун*.

كَانُورْ فَامَادَ نِي نَفْسِيْغْ

kă(n)nūr fă māda nē niyasīx, перс. **اَگر امروز بیادر نرسی** 'если сегодня не прибудешь к матери'.

См. выше глоссу, где глагол *niyas* имеет значение 'приходить'. Перевод хорезм. **نور** *nūr* (собств. 'ныне'), перс. **امروز** 'сегодня' указывает, что

здесь подразумевается пропущенное *tið* ‘день’ (*nūr tið*), как часто здесь и в согдийском. مَادَ *māda* <др.-ир. *mātā*, согд. *m't*. نِيْغَسِنْ *nē niyasix* ‘(если не) прибудешь’ — 2-е л. ед. ч. conj.

كَامَتْ نور اِكَا فِي نانَ وِيَاكَ

kă(m)mið nūr ikkā fi nān^a vyāk^a, перс. اگر در این خانه باشم امروز, ‘если в этом доме буду (состав. ‘буду делать’ *ikkā*) сегодня’.

وِيَاكَ *wiak* ‘сегодня’ (собств. ‘день нынешний’), ср. выше. نُور *nuw* ‘дом’, перс. خانه, но ср. согд. *wy'k* ‘место, местность’, ср. перс. *wyāy* id.

كَلَسْ فِي بِخَنَاثْ نِيْغَسِنْ

kăs fi picxāð nē aβāc ‘если я не раскаюсь в этом’, (состав. ‘если в раскаянии (?) не будет’ — 3-е л.).

بِخَنَاثْ *bixnāθ* (рук. без точек под первой буквой) *picxāð* ‘раскаяние’, ср. согд. ”γδ'k ‘желание’.

كَامَتْ يَاوا

ka mað yahā ‘если здесь я буду’.

مَثْ *mað* ‘здесь’ <*iماða*, ср. согд. *md.* يَاوا ‘(если) буду’ — 1-е л. ед. ч. conj. от *Vah-* ‘быть’.

كَلْمَ عَوِينِي

kă(m)mi γavīxī, перс. اگر تو مرا می بائی ‘если ты мне будешь нужна’.

عَوِينِي *γavīxī* — 2-е л. ед. ч. conj. от *γav-*, согд. *γw-*, ср. выше.

غَوِيمِي

γavīmī, перс. می بائی مرا ‘ты мне нужна’.

γavī — 2-е л. ед. ч. наст. вр., *tið* — энкл. мест. 1-го л.

غَوِيَمِي

γūcāmi miyī, перс. می بایستی مرا ‘ты мне была нужна’.

γūcā — прич. пр. вр. от глагола *γav-*, ср. выше. *miyī* — 2-е л. ед. ч. пр. вр. (без *-x*) от *Vah-* || *'y* ‘быть’, *γūcā miyī* ‘нужная ты была’.

كَمْ غُوْنِيْعْ

kămmi γavīxx, перс. اگر مرا بائی 'если ты мне нужна'.

γavīxx — 2-е л. ед. ч. conj. Есть ли разница между غونیی γavīxi и غونیع γavīxx?

اھامْ نِيْ غُوْنِيْعْ

ahă(m)mi nē γavēc; дамма над غ указывает на редуцированный характер гласного, приближающегося под влиянием след. *u* к *u*, перс. چرا نباید مرا, 'почему не нужна мне?'.

اھامْ ahă(m)mi 'почему мне' — вопр. част. *ahă*+энкл. мест. 1-го л. *-mi*.

غُوْنِيْعْ γavēc (*γ"vēc*) 'нужна' — 3-е л. ед. ч. наст. вр., ср. выше.

كَمْ غُواْخْ أُودَاهْ نِكَاحْ اکَّا

kă(m)mi γ"vāc uda(h)hi nikāh ikkā, перс. اگر مرا باید و نکاح بکنم 'если мне будет нужна и я женюсь на ней'.

غُواْخْ γ"vāc — 3-е л. ед. ч. conj. أودَاهْ uda(h)hi 'и на ней' — *udə* 'и', *hi* 'на ней' — энкл. мест. 3-го л. اکَّا ikkā — 1-е л. ед. ч. conj. от *ik-*, <*kar-*.

كَمْ غُوانِيْ اقْأاخْ فِي بِشْمَعْل وَانِيدْ

kămmi γ"vānī aʒβāc fi piсmūyд vānēdi, перс. اگر مرا دربائی بُود بجاَمَه تو 'если у меня будет нужда в твоей одежде'.

غُوانِيْ γ"vānī(ē) 'нужда' — суф. абстр. *-ānī (-ē)*, ср. согд. *-iṣṇu*: "z'iṣṇu 'форма бытия, бытие'; γδ'iṣṇu 'воровство'. γ"vānī(ē) переведено точно перс.

اقْأاخْ aʒβāc — 3-е л. ед. ч. conj. от *aβa-* 'быть'. دربائی piсmūyд 'одежда', ср. согд. *pt'ym'yńč* 'он надел' (VJ, 13), перс. موزه; в слове *piсmūyд* — обычное для согд., хорезм. и осетинского озвончение конечного зубного с предыдущим спирантом, ср. осет. *cugd*, *avd*. vānēdi 'такой' (?) — указ. мест., *vān*, ср. согд. *w'n'k*, *w'n'w*, *w'n'y* + мест. 2-го л. Перевод точнее '... в такой твоей одежде'.

كَافٍ (فِي) خُوبٌ خِيّا فَغْنِيْكَ وَابَا بَشْمَغْلِبِكَ

اگر برهنه باب در آبم يا
که fi(βi) cōb ciyā βaγnīk vābā piсmuγdīk, перс. ‘если в воду войду голым или одетым’.

خُوبٌ *cōb* ‘вода’ — старое заимств. из перс. (?) с оглушением начального согласного <др.-перс. *yauviya* ‘канал’> н.-перс. **جُوبٌ**, **جوی** >хорезм. *cōb* ‘вода (арыка, канала)’, ср. выше. **خِيّا** *ciyā* ‘(если) войду’ — 1-е л. ед. ч. conj., ср. выше. **فَغْنِيْكَ** *βaγnīk* ‘голый’, ср. согд. *βyn'k*, осет. *baγnæg* id. **بَشْمَغْلِبِكَ** *piсmuγdīk* ‘одетый’ — отлагл. прил. с суф. *-ik* от прич. пр. вр. *piсmuγd*. *vābā* ‘или’, ср. выше <*vāpati*>

بَشْمَغْلِبِكَ

piсmuγdīk ‘одетый’, ср. выше.

پِرْمِكَ وَاجِبٌ (sic!) كِيَادِينَكَ فَرَامِكَامِي

بر من واجب گه روز آدینه کِيَادِينَكَ فَرَامِكَامِي(ē?), перс. ‘на мне обязанность, чтобы я постился в день пятницы’.

Написание **واجب** вм. **واجب** в заимствованном из арабского языка слове не выражает реально долгого *i*. **پِرْمِكَ** *parmik* ‘на мне’, ср. *stak* ‘от меня’. Союз цели **كِي** под влиянием перс. (?). **إِذْنَكَ** *ādēnak* ‘пятница’, ср. перс. **فَرَامِكَامِي** *farāmkām(ē)* ‘чтобы я соблюдал (собств. ‘нес’)’ — 1-е л. ед. ч. буд. вр. с част. *-ē* — призн. optativ'a в зависимом предложении (?).

كَامْ غُونِيْخُ اودْ كَافْ ذَارِيَا

اگر بیایی مرا و بدارم من نرا كَامْ غُونِيْخُ اوْدْ كَافْ ذَارِيَا ‘если ты мне будешь нужна и я буду держать тебя’.

غُونِيْخُ *γ"vix* — 2-е л. ед. ч. conj., ср. выше. **فَ** *βa* (*fa*) — вин. п. ед. ч. лицн. мест. 2-го л. ‘тебя’ <*θvām*. **ذَارِيَا** *ðāriyā* — 1-е л. ед. ч. conj. от *ðār-* по классу на *-ayā*.

كَماَپِر عَدْلِيَهٖ - رَنْك يَاْهَمَاخ

كماَپِر عَدْلِيَهٖ رَنْك يَاْهَمَاخ ‘если на мне цвет (монеты) адли есть’.

عَرْلِيَكَ *adlīk*: *adl* (арабск. заимств.) — название монеты + суф. прил. *ik* > *adlīk* — определение к след. слову. **يَاْهَمَاخ** *yahāc* — 3-е л. ед. ч. conj. от *Vah-* ‘(если) будет’. **رَنْك** *rang* — перс. заимствование.

دِسْكَنْد خِرَامَّا مَوْبَا خِرْدَكْ پَارُوزْد

سوکنل خورم با خورده شد. перс. ‘то я съем клятву или съедена’.

خِرْدَكْ پَارُوزْد *xurdak pārvuzda* — прич. пр. вр. с суф. *-ak*. خِرَامَّا *xurām* — passiv, ср. выше, ср. согд. *prw'st-*, хорезм. *pārvuzd^a*.

شِيك خِرَامَّا مَوْبَا خِرْجَ پَارُوزْد

سه طلاق بخورم يا خورده شد. перс. ‘три развода я съем или съедены’.

شِيك *šik* (*šēk*) ‘три, трое’ — субстантивированное числ. от *šī* (*še*) ‘три’ + именной суф. *-ak*. Возникновение дублетов *xurc* (как в этой фразе) и *xurd(ak)* (как в предыдущей) обусловлено фонетически (следующим за зубным гласным), ср. выше.

كَا خَيْسِنِيم يِرْدَكْ ثِمَكْ خِرْجَ الْكَبْغَ فِينِي خَيْ نَفْقَتْ

بِوْذَكْ يِرْدَكْ на *xisnīm* ⁺*yūdak c'mak xarj ikkīx finī* nafakat (испр. ‘если из моих вещей помимо меня истратишь на другое, кроме как на (твоё) содержание’.

خِسْنِيم *xisnīm* ‘мои вещи’. *xisn* < согд. *γnz*, ср. выше. *yūdak* < *yutak* перс. ‘отдельно’. ثِمَكْ *c'mak* ‘от меня’ — предл. *c'* + личн. мест. 1-го л. с суф. *-ak*. خِرْجَ الْكَبْغَ *xarj ikkīx* ‘(если) истратишь’ — сложный глагол: خِرْجَ *xarj* — арабск. заимств., الْكَبْغَ *ikkīx* — 2-е л. conj. فِينِي *finī* ‘на другое’: *fa + īnī, īnī* ‘другой’ < *anuya*, ср. осет. *инна*, *анна* *id.* نَفْقَتْ *nafakat* ‘содержание’ — арабск. заимствование.

يِرْذَكْ ثِمَكْ اَيْ بَخَاهَاوَخِيم

بِوْذَكْ يِرْذَكْ исправлено на *yūdak c'mak raxāhavcīm*, ‘помимо меня — без моего желания (согласия)’.

يِرْذَكْ *yūdak c'mak*, т. е. (ай) — арабск. слово в значении ‘т. е.’) *raxāhavcīm*. *yūdak c'mak* см. выше رَبْخَاهَاوَخِيم *raxāhavcīm*: *ra* < *apa* ‘без’, *xāhavc* — абстрактное имя с суф. абстр. *-āvcs* || парф. *-ft* от основы наст. вр. глаг. *x"āh-* ‘желать’ — заимств. из зал.-ир. яз. (?); *raxāhavcīm* ‘без моего желания, согласия, разрешения’.

بَكْفَارِتِ

پاكaffāratī ‘без искупления’.

pa < *apa*, *kaffarat* — арабское заимствование.

كَيْا نَانَامَ ذَار مِرْغِنَدَنَا مِنْخَاخُ اُوْدَا مَابَشْ مِيدَا مِنْخَاخُ

kā(y)yā nānāmiya dāra maryundīnā mancāc uda māpīš miyidā mancāc,
перс. 'если бы я такую-то звал и она пошла бы со мной'.

آواز داده باشم فلان را перс. перевод — косв. п. в зависимости от глаг. точно передает хорезм. *yā nānātiya dāra maryundīnā tancāc*, где *yā nānātiya dāra* стоит в косвенном падеже, а глагол *maryundīnā tancāc* — не-переходный и соответствует перс. **آواز داده باشم**, и по форме оба глагола (перс. и хорезм.) — 2-е будущее, т. е. прошедшее в будущем; *maryundīnā(tā) tancāc* — пр. вр. + част. *tancāc*; глаг. *maryundīnā(tā)* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с преф. *m-*, который присоединяется для образования прошедшего времени от глаголов, начинающихся с гласного. *aryun(d)* — ср. согд. *шпур* 'голос', осет. *унэр* 'гул', *унэртүн* 'стонать', в хорезм. *aryun(d)* — установка. *tancāc < tan*, ср. выше. *yā nānātiya dāra* 'такой-то' — косв. п., в *nānātiya -iya* — оконч. косв. п. ж. р., ср. согд. *-y'*. **مَا بَشْ** *māpīš* 'со мной', ср. выше; *riš* соответствует согд. *ryš* в том же значении, ср. выше; перс. перевод **مِيدَا مِنْخَاخُ** *miyidā tancāc* 'пошла бы' — 3-е л. ед. ч., 2-е буд. от глаг. *'y-* 'итти', образование идентичное с *maryundīnā(tā) tancāc*.

او د هيپش في اشارت ايڈك ذار بدامى

وبه اشارت پیش وی رفته بود *idak dāridamī*, перс. 'и она уже пошла с ним по знаку'.

Так же как и в предыдущем предложении, перс. **پیش** неточно передает хорезм. *riš* (хорезм. *h̄riš* 'с ним', перс. *پیش وی* 'к нему'). **اشارت** *isārat* 'знак' — арабск. заимств. *idak dārid* — plusquamperfektum выражает действие, совершившееся раньше другого прошедшего (в предыдущем предложении). Это сложное время образуется посредством сложения причастия с прошедшим временем глагола: *dār* 'иметь', *idak-* прич. пр. вр. (с суф. *-ak*) от глаг. *'y-* 'итти' и *dārid* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. от глаг. *dār* 'иметь'. Как можно видеть на этом примере, plusquamperfectum и, повидимому, perfectum с глаголом *dār-* образуется не только от переходных, но и непереходных глаголов. Не ясно **- امى** *-(a)mi*, стоящее после *dārid* в конце фразы: *dāridamī*, ср. выше *dāridamī* 'я имела'. *(a)mi* — част. пр. вр. (?), ср. *m* — част. пр. вр. в глаголах, начинающихся с гласных, напр. *maryundīn*. (Быть может, в первоначальном тексте была форма *dāriyay* — optativ?).

مرغند اهیغ

maryundid ahīc ‘позвал его’.

maryundid — 3-е л. ед. ч. пр. вр. ‘позвал’, *d* после *n* обусловлено фонетически, вызвано взрывом между *n* и следующим за ним *i*. **امېڭ** (*a)hīc* — энкл. мест. 3-го л. + частица *c* <*ty*.

كتاب الحروف V. КНИГА О ЗАПРЕЩЕННОМ

[Грубые, невежливые выражения?]

با پوچاه ارنك ادبك

yā pūcāhī arθak(?) adik(?), перс. **ريش وى كنده**, ‘его борода вырвана’.

pūca ‘борода’, ср. перс. **ج** *id. arθak(?) adik(?)*, ‘вырвана’ — не ясно, быть может к *Vār-* ‘молоть’ (‘смолота?’).

غُوث خُرِينَ

γūθ xurīnna, перс. **گوه می خوری**, ‘навоз ты ешь’.

γūθ ‘навоз’, ср. ав. *gūθa*, перс. **گوه** *xurīnna* ‘ты ешь’: *xurī* — 2-е л. ед. ч. + мест. *(i)nna* ‘это’, ср. выше *parvuzācinna* ‘пусть станет’ с тем же мест. придатком после глаг. формы.

اونك نا شغلخىم كىسى في عالم نا انج

utak nā ḡaydcimī kacī fi 'ālam nā inc, перс. **نو چنان سخت چشمى كە**

در عالم چنان نىست: ты такой бесстыдный (букв. ‘твердоглазый’), что в мире нет такого.

اونك *utak* ‘ты’ — личн. мест. 2-го л., ср. выше. **نا** *nā* ‘такой’ — указ. мест., ср. выше. **شغلخىم** *ḡaydcim* ‘твердоглазый’ — сложное слово: *ḡayd* ‘твёрдый, напряженный’, ср. ав. *ḡaxta*, перс. **سخت**, в хорезмийском озвончение конечных *xt||yd*, как в осет. и согд. *cim* ‘глаз’ < ав. *čaštan-* с выпадением согласного *š* в группе, ср. согд. *čēt*, ишк. *cot*, шугн. *cēt*, язг. *čāt*; *i* после *ḡaydcim* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. от *Vāh-* — краткая (безударная) форма (связка), параллельная полной **با** *yahi*, ср. выше. **كىسى** *kacī* ‘который’ — относит. мест., составленное из двух мест., ср. осет. *kæṣu* *id.* *'ālam*

Форма (связка), параллельная полной **با** *yahi*, ср. выше. **كىسى** *kacī* ‘который’ — относит. мест., составленное из двух мест., ср. осет. *kæṣu* *id.* *'ālam*

‘мир’ — арабск. заимств. **انج** *inc* ‘нет’ — 3-е л. ед. ч. наст. вр. + част. отрицания < **na aci* с перестановкой, ср. согд. *γčy*, где с согд. *č* < *t(i)*, ср. выше.

كَبَادِبَاوْكَ اَكْيَكَامْ دَفَاعْ يَا مَغَكْ كَشِيَامْكَامْ

اَكْرَبْ بِ اَدَبِي بَادِبَاوْكَ رَبَّ اَزْمَ ‘если ты сделаешь невежливость, то от тебя (т. е. ‘твой’?) затылок (затылочную ямку) брошу (ударю тебя по затылку)’.

رَبَّ اَزْمَ *pādabāv^ak ikkikām dⁱβāc yā mayak^a kaciyāmkām*, перс. بِ اَدَبِي ‘без’, *adab* — арабск. заимств. ‘вежливость’, -āv^ak — суф. абстр., ср. выше. اَكْيَكَامْ *ikkikāt* ‘сделаешь’ — 2-е л. ед. ч. буд. вр. от *ik-* < *kar-* ‘делать’. دَفَاعْ *βāc* ‘от тебя’ — личн. мест. 2-го л. с послелогом -с. مَغَكْ *mayak^a* ‘(затылочная ямка), затылок’ — сущ. ж. р. (يَا مَغَكْ), ср. перс. id., ср. ав. *may-a-* ‘ямка’. كَشِيَامْكَامْ *kaciyāmkāt* ‘брошу (ударю)’ — 1-е л. ед. ч. буд. вр. от *kacⁱ* < *kāft* ‘падать’ (с понудительным значением: ‘бросать’), ср. выше, ср. согд. *kbt*.

مَ

mā ‘ну!’ (текст: ‘слово пренебрежения’), ср. осет. *ma* id., ав. *mā* энкл. частица.

كَ

كَـ ‘какая!?’ (?).

مَا كِرْبَ

mā kirba, перс. زنج مزن ‘не болтай’.

mā — отрицание при пов. накл. *kirba* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. ‘болтай’ (?).

عَفْسٌ

yafsa, перс. خب شين ‘молчи’ — грубые выражения, передающие оттенок пренебрежения, вложенный в хорезмийское слово عَفْسٌ (2-е л. ед. ч. пов. накл.), как и в предыдущем слове. عَفْسٌ *yafsa*, в этом контексте может быть переведено по-русски соответственным грубым выражением: ‘надорвись!’ (‘замолчи’), ср. согд. *γβs-* ‘утруждаться’ (VJ, 58°, 784, 849; R, I, 34, 4): *rty 'wy p'zny L' γβs'i* ‘и в душе пусть не утомляется’. К значению *γβs-* (см. JA, том 23, № 2, стр. 213).

فِرْوَد

(?), перс. خر خربار کرده 'вставай, груженый осел', 'стань ослом'. Персидские переводы приблизительны, не точны. Текст говорит: 'перевод... не удается нам'. Хорезмийское быть может следует исправить на خَرْ فَرَّارَ پُرْوَزْد, т. е. *xēz xarβār parvuzd* 'встань, груженый осел!' (?) или خَرْ فَرَّارَ پُرْوَزْد *xēz xarparvuzd* 'встань, превратившийся в осла', и т. п.

افرومیس

af̥rūmas 'большебровая' (?), ср. *afrū* 'бровь', ср. ав. *mas* 'большой'.

ما جاپیشک ماء

mā jābicik mā 'ну, ребеночек, ну!'.

mā 'ну!', ср. выше. *jābicik* 'ребеночек', перс. заимств. (старое) (?); *jā* — перс. جان; *bicik* — перс. بچه, ср. осет.-диг. *бициеу* 'мальчик'. جاپیشک *jābicik* 'ребенок', ср. выше. ماء mā 'ну!', ср. выше.

کاس مات اونک اسکدر خاسکی شکشیغ

اگر به زبراز شتالنک من نکری kās maθ utak uskadar cāskiya škašīx, перс. 'если здесь (*taθ?*) ты выше (моих) пяток будешь смотреть'.

اسکدر *kās* 'если', ср. выше. مات *maθ* 'здесь', ср. согд. *tm* id. خاسکی *uskadar* 'выше' — сравн. степень, ср. согд. 'sk-', ав. *uskat* 'высоко'. cāskiya 'чем пятки': *ca* (перс. از) 'чем' (при сравн. степени)+*askiya* — косв. п. ж. р. от * *aska* < согд. 'stk' 'кость' (?). شکشیغ *škašīx* (*s-kašīx?*) — 2-е л. ед. ч. conj. '(если) будешь смотреть' <*us-kasya-*, где *sy*>*š*, как в согд., ср. осет. *skæsun* 'взглянуть вверх'.

VI. КНИГА ОБРАЗА ПОВЕДЕНИЯ

کاس مقیان ذار خُشتی افَا مناخ ای ملک الموت جان نیتکیغ

کاس ماθییان δāra xuštī aθāc dīfā manāc'i malak al-maut jān nē'ttakēc 'если будет у нас желание, то ангел смерти не сможет забрать наши (собств. 'у нас') души'.

مقیان ذار *maθiyān δāra* 'у нас' — дат. п. мн. ч. личн. мест. 1-го л. с суф. *δāra*, ср. выше. مقیان *maθiyān* — косв. (дат.) п. мн. ч. личн. мест. 1-го л. от основы *ma-* с суф. мн. ч. *θi*<др.-ир. -*biš*, ср. оконч. мн. ч. барт,

-f, мундж. -af+ān, ср. мундж. *tōf* 'вы'. *xuštī* 'желание', ср. согд.-христ. *ywštyq* 'он будет радоваться' (Fr. W. K. Müller, Abh. d. B. A. d. W., 1913, 72, 4, 73, 11). افاغ *aβāc* '(если) будет' — 3-е л. ед. ч. conj. от *aβa*, ср. выше. فا مناخ *fā manāc'* 'от нас': *fā* — предлог, *c'* — послелог, *manā* — род.-исх. п. мн. ч. личн. мест. 1-го л. 'нас'. ای *i* — artikelъ м. р. ملک *malak* *al-maut* 'ангел смерти' — арабск. заимств. جان *jān* 'душа' — перс. заимств. نینگیخ *nēttakēc* 'не может забрать' — сложное глаг. образование, состоящее из прич. пр. вр. *'tta* 'взятый' < ав. *yata* + 3-е л. ед. ч. от глагола *ik-* < *kar-* 'делать'. О подобных образованиях в иранских языках см. выше (стр. 88—91) под словом *pardikki* 'ты можешь воспрепятствовать, удержать', — потенциальное наклонение.

هزار باویر کما بر بد

hazār yāvār k^a māpār yaddⁱ, перс. هزار بار که بر منند 'тысячу раз, что надо мною суть'.

بـلـ *yaddi* 'суть' — 3-е л. мн. ч., где *ddⁱ* < -ndⁱ, ср. согд. *'ynt id.*

چکیش دا مالک

čakiš(?) d^a mākkā 'не лги'.

چکیش(?) 'ложь'(?) — не ясно. دا *d^a* соответствует исторически и функционально согд. *rty*. čakiš d^a mākkā 'лжи да не делай'.

مالک *mākkā* 'не делай' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. от *'kk-*, ср. осет. *макæ*.

ناث ارد ای محمد بـغامـفرـک مـکـد اـمـاد نـاز

nāšard (вар. nāšazd) i Muhammad pīcyāmbarak mikkid āmādi nāz перс.

دراینجا محمد پیغمبر کرد فلیف من
как же я?'

ناث ارد вар. *nāšard*, *nāšazd* 'в этом месте': *na* — основа указ. мест. 'этот', -да — суф. наречия места, времени, образа действия, ср. др.-ир. *yaθā*, *avaθā*, *-rd*, ср. ав. *arədah* 'сторона', осет., *ərdæ*, рош. *ared-*. ای *i* Muhammad Мухаммед — собств. имя, арабск. заимств. بـغامـفرـک *pīcyāmbarak* 'посланник', перс. id.: *pīcyām* 'послание', *barak* — прич. наст. вр. от *βar* 'нести'. *pīcyāmbarak* — хорезм. подражание (калька) по типу перс. *raīyāmbar*. مـکـد *mikkid* '(с)делал' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. от *ikk-*, с приставкой *m-* пр. вр. в основах, начинающихся с глас-

нного. اماد *āmādi* 'как же, в действительности', ср. согд. *"am'tyč*, ср. выше. ناز *nāz* 'я' — Форма (вм. *az* id.), образовавшаяся в сочетании после слова, которое оканчивалось на *-n*, напр. *mikkinaž* 'я сделал' > *mikkinnaz*, ср. выше.

نین ای همک کافرانک رای

نین ای همک کافرانک رای — это тот самый нечестивый взгляд'. *nin^a* i *ham^bk kafirānak rāj*, перс.

— сложное местоимение. همک *ham^ak* 'тот самый'. کافرانک *kafirānak* 'нечестивый' — прил., образованное от арабск. заимств. *kafir* 'нечестивый, неверный' + суф. прил. *-ānak*, перс. *āna* id. رای *rāj* 'взгляд' — арабск. заимствование.

اوش داک کتھی مسّرماناواک واز بیغ

اوش داک کتھی مسّرماناواک واز بیغ با هوش باش که از مسلمان *uš daikka kaci musurmānā^ak vāzīxx^a* перс. 'опомнись, ведь ты вышел из мусульманства'.

اوش داک *uš daikka* 'опомнись' (собств. 'сознание да делай'): *uš* 'сознание' < авест. *uši-*, ср. перс. *id.* داک *ikka* 'делай' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. مسّرماناواک *musurmānā^ak* 'мусульманство' — абстр. имя с суф. *-a^bk* от *musurmān* < *musulmān* — арабск. заимств. 'мусульманин'. Форма *musurmān* с *-r* — вероятный источник русского 'бусурман', об этом см. ZDMG [т. 90 (1936), 4, стр. 30]. واز بیغ *vāzīxx^a* 'ты вышел' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* от *Vvaz-*, ср. *parvuz*, ср. согд. *pčwz-*, ср. выше.

نوش مکین

نوش مکین نوش *mikkīn*, перс. 'я хорошо сделал'.

نوش مکین *nōš mikkīn* 'приятное, хорошее'. نوش *nōš* 'я сделал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр., ср. выше.

خی قبندک یاود [یاور?] بینیغ

خی قبندک یاود [یاور?] بینیغ ci βēndak yāvvada [yāvvara?] pēnīx^a 'ты удалила от бога доверие (?)', قبندک *βēndak* 'бог' < *band* ('связывающий?'). *yāvvār^a* 'вера, доверие (?)', ср. ниже 'не знаешь (Аллаха)' (?). *yā* — artikelъ ж. р. *pēnīx^a* 'ты удалила' — 2-е л. ед. ч. пр. вр., ср. выше بینینا *pēnīnā* 'я удалил', этимология < *apa* — *nai* (?).

أوزانخ

uzānc, перс. بیرون آم 'выйду' ('пусть выйду') — 1-е л. ед. ч. conj. для обозначения будущего времени, к *Vaz*?

کافر مین د مسرومان پاروزبن

kāfir miyin^a d^a musurmān pārvuzin 'я был неверующим и стал мусульманином'.

کافر *kāfir* 'неверующий' — арабск. заимств. مین *miyin^a* 'я был' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *'y-* (ср. 2-е л. ед. ч. наст. вр. پاوه *yahi* — 3-е л. باتⁱ *yattⁱ*, 3-е л. мн. ч. پیتⁱ *yaddⁱ* <*ah-*), ср. выше об образовании пр. вр. глаголов с гласным началом. مُسْرِمَان *musurmān* 'мусульманин', ср. выше. پاروزبن *pārvuzin* 'я стал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* <*par^a-vart*, ср. согд. *prw'st*, ср. выше.

ای کنی ناوِ کِکین اونک دبما قیندک نیواری

i kitē nāvⁱ kikkin^a utak dⁱ ma βēndak nēvārī 'эти дела, которые ты делаешь, то (поэтому) моего бога не знаешь (не веруешь)'.

ای کنی *i kitē* 'дела' — мн. ч. причастия. *nāvⁱ* 'эти' — указ. мест.: *na+ava*. کِکین *kikkin^a* 'которые ты делаешь (их)', *ki* 'которые' — относит. мест.: *'kkin^a* 'ты делаешь (их)' — 2-е л. ед. ч. наст. вр. от *ikk+* указ. мест. اونک *utak* 'ты' — личн. мест. 2-го л., ср. выше. ما *ma* 'мой' — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. притяжат. мест. کِیندک *βēndak* 'бог', ср. выше. نیواری *nēvārī* 'не знаешь (веришь)' <*var*(?).

دکافر پروزام کام

dⁱ kāfir^a parvuzāmkām 'так я стану неверующей'.

کافر *kāfira* — ж. р. с окончанием *a*. پروزامکام *parvuzāmkām* 'стану' — 1-е л. ед. ч. буд. вр., ср. выше.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Хорезмийский язык	5
Образование прошедшего времени в хорезмийском языке	17
Согдо-хорезмийские диалектологические отношения	26
Артикль в хорезмийском языке	42
Хорезмийские глоссы в сочинении «Қынйат ал-муниа...» ('приобретение желанного') хорезмийского законоведа XIII в. Наджм ад-Дин Абу-Раджā Мұхтāр ибн-Махмūд аз-Зāхидī ал-Газmīnī	51
I. Книга о браке	52
II. Книга о разводе	57
III. Книга об освобождении (рабов)	78
IV. Книга о клятве	81
V. Книга о запрещенном	113
VI. Книга образа поведения	115

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Л. П. Пекуровская*
Технический редактор *Р. С. Левинер*
Корректоры *В. Ф. Вещилова и Н. А. Малевич*

*

РИСО АН СССР № 4452. Подписано к печати
10/VII 1951 г. М-29894. Бумага 70×108/16.
Бум. л. 33/4. Печ. л. 10,27. Уч.-изд. л. 7.
Тираж 2000. Зак. № 1802.
Цена в переплете 8 р. 50 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>	<i>По чьей вине</i>
3	4 сверху	языковед	законовед	Автора
17	8 снизу	306—319;	306—319,	»
56	12 сверху	<i>cʰiγʰcīyakāta: kā</i>	<i>cʰiγʰcīyakāta kā</i>	»
56	3 снизу	<i>hkāhhī</i>	<i>h: kāhhī</i>	»
65	6 сверху	‘мне, ее’	‘мне ее’	»
66	1 »	<i>yə + ?</i>	<i>yə? +</i>	»
67	10 снизу	в согдийском	в согдийском,	»
68	12 сверху	‘садиться’?	‘садиться’	»
80	7 »	сгласного <	с согласного, <	»
101	10 »	ذاري	ذاريابي	»
101	16 »	ذاري	ذاريابي	»

А. А. Фрейман. Хорезмийский язык.